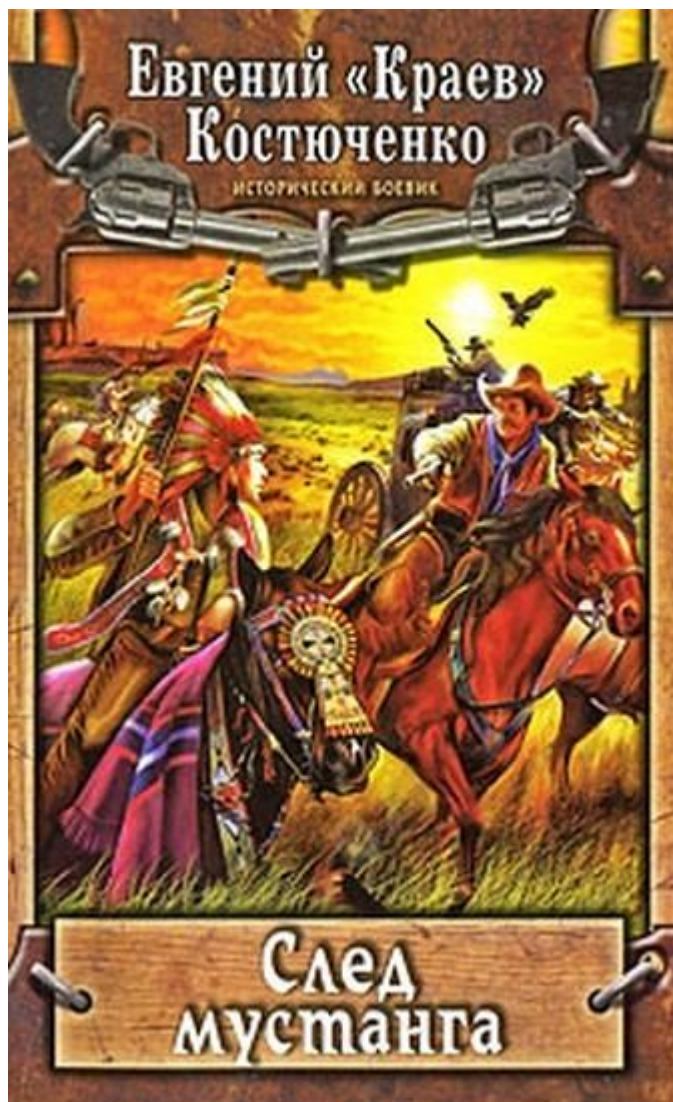

Евгений Костюченко След мустанга

Текст предоставлен автором АСТ, Астрель-СПб; 2008
ISBN 978-5-17-055358-7, 978-5-9725-1261-4

Аннотация

Северо-Американские Штаты. Время покорения Дикого Запада.

Русский юноша-гимназист и сын мелкого ремесленника оказываются в Америке. Друзья называли их Крисом и Билли, враги окрестили Потрошителями, однако они оставались все теми же одесскими парнями, Кириллом и Ильей. В Америке они научились многому, но лучше всего получалось у них грабить банки. И все же самые острые ощущения со временем приедаются, а потому через несколько лет друзья решили осесть в Оклахоме.

Однако вскоре неизвестный убийца расправляется с их другом. А Потрошители — не те парни, которые махнут на такое рукой.

Крису и Билли приходится вернуться на тропу войны...

**Евгений «Краев» Костюченко
След мустанга**

«Нужна помощь.
Энди».

«Ждем тебя на ранчо.
Энди».

Стоя на пирсе, Кирилл несколько раз перечитал эти короткие телеграммы.

— Когда они пришли? — спросил он.

— Почти два месяца назад, — ответил телеграфист. — Как только я узнал, что ваша шхуна заходит в порт, сразу помчался на пирс. Подумал, что вы, как обычно, можете и не заглянуть домой. А сообщения мне показались важными.

Матросы загрузили в шлюпку последнюю корзину, и боцман крикнул:

— Все готово, сэр!

— Я остаюсь, — сказал ему Кирилл. — Передайте капитану, что мои указания он получит, когда придет в Веракрус.

До Веракруса его шхуна обычно доходила за три дня. Кирилл надеялся, что за это время успеет решить, куда следовать дальше.

Наутро он уже был в Сан-Антонио, там пересел на товарный до Амарильо, а оттуда к ранчо Энди Брикса его подбросил почтовый дилижанс.

— Привет, Крис! Быстро же ты добрался, — сказал Энди, сходя навстречу с крыльца. — И года не прошло.

— В море был. И зашел в Галвестон буквально на несколько часов.

— Не оправдывайся, братишка. Я знаю, что тебя трудно застать на берегу.

Энди заметно хромал и, подавая руку, пошатнулся. Кирилл подхватил его под локоть:

— С чего тебя так раскачало?

Брикс раскурил угасшую трубку, выпустил струю дыма и только потом ответил:

— Пуля сидит повыше колена, никак не вытащить. Доктор говорит, теперь так и буду ходить с ней.

— Пуля?

— Черт, я и забыл, что ты еще ничего не знаешь... — Энди с трудом уселся на ступеньку и похлопал рядом. — Присядь. Покурим.

— Ну, и чего я не знаю? — спросил Кирилл, доставая сигару.

— Коннора убили.

Кирилл зажег спичку и смотрел на пляшущий огонек, пока тот не погас. Потом зажег новую, прикурил и уселся рядом с Энди. Они молча дымили несколько минут, прежде чем Кирилл задал вопрос:

— Кто?

— Не знаю. Под Рождество мы с ним перегоняли табун на его ранчо в Оклахома. Нас обстреляли из засады. Эда ранило в грудь, меня в ногу.

С нами был еще один ковбой. Втроем мы отбивались до темноты. К утру Эд умер. Лошади пропали. Ковбой прошелся по следам. Они вели к реке. За рекой живут индейцы. Но наших лошадей у них не нашли. Поэтому я и говорю, что не знаю, кто убил Коннора.

— У него были враги?

— С соседями он ладил. Но Оклахома — большая. И туда сейчас понаехал всякий сброд. Да это неважно, кем были враги Эда. Важно, что теперь они — наши враги. И мы их найдем, Крис, обязательно найдем.

«Конечно, найдем», — подумал Кирилл. Пятнадцать лет назад Энди Брикс бежал с каторги, чтобы найти тех, кто погубил его друзей.

Кто бы мог поверить тогда, что империя магната Смайзерса развалится под ударами Брикса и его команды? Но ведь это случилось. И первым, кого Энди взял с собой на ту войну, оказался Кирилл. Мальчишка-иммигрант, мечтавший вернуться в родную Одессу, быстро освоился на Диком Западе и даже получил громкое прозвище Потрошителя Банков.

А у Эда Коннорса была кличка Рыжий Шайен, и никто не справлялся с лошадьми лучше него. Когда же война со Смайзерсом закончилась, Эд раньше всех оставил ремесло налетчика. Женился на ирландке, такой же рыжей, как и он сам. После чего прочно осел на земле.

Он никогда не отказывал в помощи друзьям, но главное место в его жизни заняло ранчо. Сначала Коннорс выращивал бычков в Колорадо. Затем, когда местные власти стали слишком назойливо интересоваться его прошлым, перебрался в Оклахому и занялся лошадьми.

Кто теперь будет следить за его табунами? Младшему сыну Эда сейчас, наверно, лет двенадцать, старшему — шестнадцать.

«Что ж, я был ненамного старше, когда оказался в Америке, один-одинешенек, — подумал Кирилл. — Не пропал. Не пропадут и Коннорсы».

— Чем я могу помочь его семье? — спросил он.

— Для этого я и собирал всех. Дик, Сэм, даже Билли примчался из Мексики. Только тебя не было. В последний день Билли придумал: пошлем тебе еще одну телеграмму, и пусть она тебя поджидает. Рано или поздно ты ее прочитаешь, и сразу примчишься.

Дверь распахнулась, и на крыльце показалась Мелинда, жена Энди Брикса. Она держала на руках малыша.

— Крис, как я рада тебя видеть! Но, может быть, ты все же зайдешь? Или умчишься сразу, как всегда?

— Пока не наемся твоих пирогов, никуда не поеду, — улыбаясь, пообещал Кирилл.

Энди выбил трубку о ступеньку и встал.

— Давай к столу. Потом договорим.

Мелинда наготовила целую гору пирогов — с печенкой, с картошкой, с рыбой. Были и самые его любимые — с яйцом, рисом и зеленью. Все семейство Бриксов дружно навалилось на угощение.

Мальчишки засыпали гостя расспросами, и Кириллу пришлось с набитым ртом рассказывать им о морских приключениях. Он не был здесь больше года, за это время успел сходить в Бразилию, где застрял на пару месяцев, чинясь после шторма.

Парамарибо, Кайенна, Белен — от одного звучания этих слов у пацанов загорались глазенки. А когда Кирилл сказал, что его шхуну зафрахтовали искатели сокровищ, мальчишки повскакивали с мест:

— Искатели сокровищ?!

— Сейчас этим занимаются все кому не лень, — усмехнулся Кирилл. — На любом рынке побережья можно купить очень старинную карту залива, где отмечены затонувшие испанские галеоны. Я сам видел несколько таких карт. Сделано со вкусом. Потертая бумага, следы копоты и крови. А на обороте — описание груза, который был в трюмах. Как правило, это золото ацтеков. На такую приманку любой клюнет.

Дело-то нехитрое — нанять подходящее судно и водолазов, которые крутятся тут же, на рынке; да и продавец карт охотно подскажет, кто из них самый удачливый. А потом — выйти в море и болтаться на волнах, пока не надоест. Или пока не кончатся деньги.

— Выходит, сокровищ никаких нет? И все это — сплошной обман?

— Некоторым везет. Команда, которая работает со мной, не покупает карт на рынке. Эти парни несколько лет провели в архивах, прежде чем выйти в море. И кое-что уже нашли. — Он снял с шеи медальон, сделанный из монеты. — Вот, испанский дублон.

Монета переходила из рук в руки, вызывая восхищенный шепот. Энди Брикс попробовал ее на зуб и заявил:

— Да уж, богатая добыча. Долларов за пять можно загнать.

Сыновья не разделяли его скептицизма. И снова набросились на Кирилла с расспросами:

— Когда ты возьмешь нас на шхуну?

— Когда позволят ваши родители.

— И не думайте даже! — отрезала Мелинда. — Столько дел на ранчо!

— Ма, но Крису тоже нужны помощники, — сказал старший. — Отпусти меня. У тебя с папой останутся еще трое, а Крис совсем один!

— Потому он и один, что у него нет времени обзавестись детьми. Все мотается по морям. Жил бы, как все, на земле. Энди, хоть бы ты его наставил на путь истинный.

— По-моему, он вполне доволен жизнью, — пробурчал Брикс. — Разве не так?

— Вполне доволен, — кивнул Кирилл. — А что до детей, то они обязательно появятся. Как только я встречу такую же, как ты, Мелинда.

— И где же ты ее встретишь? В Бразилии? Тебе надо жить среди нормальных людей.

— Вот поедem к Коннорсам в Оклахому, там полно невест, — сказал Энди, отодвигаясь от стола. — Пойдем, братишка, покурим на свежем воздухе. Не могу сидеть под крышей так долго.

Они прошли по просторному двору. Остановившись у забора, Энди снова набил трубку.

— Так чем я могу помочь? — спросил Кирилл.

— Ты же понимаешь, что такие дела нельзя оставлять без ответа. Кое-кто может решить, что семья осталась без защиты. Что теперь с Коннорсами можно делать что хочешь...

— Я все понимаю. Что ты задумал?

— Эд рассказывал, что шериф — толковый парень. И мы...

— Ты хочешь обратиться к шерифу? — перебил его Кирилл. — Не думал, что когда-нибудь услышу от тебя такое.

— Брось, Крис. Столько лет прошло. Теперь я уважаемый человек. Отец семейства. Если уж на то пошло, то в Оклахоме мы с тобой и мухи не обидели. А что творилось когда-то в других штатах, не касается местного шерифа. Нет, ему можно доверять.

Федеральный маршал Даррет, кому мы оставили заявление насчет табуна, тоже дельный мужик...

— Просто в голове не укладывается, — снова остановил его Кирилл. — Похоже, мы слишком долго не виделись. Ты что, сам пришел к федеральному маршалу? И сам подал заявление о нападении?

— Почему сам? Сам я и двух шагов сделать не мог, валялся на кровати. Это все Билли. Он владелец, ему и суетиться. Лошадки-то были из его конюшен. Чистокровные галисеньо. Ты бы видел, в каких роскошных вагонах они прибыли ко мне. Если бы Эд жил поближе к железной дороге... — Брикс махнул рукой. — Да ты не волнуйся. Билли сейчас — о-го-го! Такой важный джентльмен. Что ему маршал? Если надо, он и до президента дойдет, да еще и подружится с ним. Удивляюсь, как он до сих пор не стал каким-нибудь сенатором...

Кириллу оставалось только руками развести. Илюха Остерман, подмастерье с Большого Фонтана, сделал неплохую карьеру в Америке. Начав с уличной шайки в портовых трущобах Нью-Йорка, он превратился в крупного коннозаводчика. Сейчас его звали Уильям Джозеф Смит, и жил он то в Мексике, где владел целой долиной, то в Аризоне, в огромном поместье.

Кирилл навещал его каждый раз, когда Инес, жена Илюхи, рожала очередного наследника. При встречах они все меньше и меньше говорили о прошлом, потому что было много других тем для разговора. Но прошлое не исчезает оттого, что о нем не говорят.

— Билли сразу нашел, куда сунуться, — продолжал Брикс. — Там всем заправляет горнорудная компания. Так он пришел к управляющему и заявил ему: хочу, мол, вложить бабки в развитие вашего города. Слово за слово, ты же его знаешь. И между делом сказал, что о городе узнал случайно. Мол, тут неподалеку случилась у него неприятная история с

табуном. И что ты думаешь? Через пять минут перед ним стоял федеральный маршал!

— И все же нам не стоит привлекать к себе внимание, — осторожно сказал Кирилл.

— А мы и не будем привлекать, — заверил его Энди. — Мы все сделаем тихо и незаметно. Пускай шериф со своими молодчиками рыщет по округу. Мы подождем, когда у него появятся подозреваемые. И сами на них выйдем.

Я не хочу перекладывать свои обязанности на оклахомского палача. Да еще неизвестно, отправят ли этих ублюдков на виселицу. Нет, Крис. За Эда мы рассчитаемся сами. Верно?

— Это уже звучит лучше. Но почему ты так уверен, что шериф кого-нибудь найдет? Не придется ли нам сидеть там всю жизнь?

— Не придется. — Энди оглянулся и понизил голос. — Есть идея и более разумная. Слушай. Когда наступит подходящее время, мы снова погоним лошадей на ранчо Коннорса. По той же тропе.

— Думаешь, те ублюдки опять нападут?

— Это было бы неплохо. Уж мы с тобой постараемся, чтобы об этом табуне знали в окрестных салунах. И потом, когда мы сделаем свое дело, все будут знать, что Коннорсов лучше не трогать.

Кирилл облегченно вздохнул:

— Так бы сразу и сказал. А то — шериф, маршал... Ты хорошо знаешь тропу? Может быть, пройдемся по ней заранее?

— Узнаю тебя, братишка, — улыбнулся Брикс. — Все понимаешь с полуслова. Конечно, пройдемся. Прямо завтра с утра. Может быть, ловушка и не сработает с первого раза. Ничего, запасемся терпением. А может быть, ты что-нибудь придумаешь. Ты ведь у нас мастер придумывать всякие трюки.

— На сколько стволов ты рассчитываешь?

— Ты и я — уже два ствола, которые стоят десяти. Подъедет Сэм, а он стрелок покруче нас с тобой. Я уж не говорю про Дика.

— Когда ты их вызовешь?

— Сначала все разведем. Кстати, Дика и вызывать не придется — он сейчас живет на ранчо Коннорса. Помогает Мойре. И шныряет по округе. Думаю, он уже мог кое-что и разузнать.

— А Билли? Ты забыл о Билли.

— Я не забыл. — Брикс попытлся трубкой, окутываясь дымом. — Как я мог забыть? Ты же знаешь, он мне как брат. Но ему мой план не понравится. Он, конечно, увязался бы за нами, но через силу. Пусть каждый делает то, что у него выходит лучше всего, верно?

— Мне надо дать телеграмму, — сказал Кирилл.

Энди озадаченно потер висок.

— Я и не подумал, что у тебя кто-то остался дома.

— Никого у меня нет. Это для капитана. Сейчас он идет в Мексику. Я ему напишу, чтобы возвращался не раньше июня. Думаю, за два месяца мы управимся.

* * *

Местность, что ныне звалась Оклахомой, веками оставалась незаселенной. Кочевники пересекали ее вслед за стадами бизонов, нигде не задерживаясь надолго. Нога белого человека ступила на эту землю только тогда, когда начались поиски водного пути между двумя океанами. Энергичные предприниматели веровали, что Бог не мог создать континент, который нельзя было бы пересечь на барже, полной товаров и переселенцев.

С одной карты на другую переходила река Сан-Буэнавентура, несшая свои воды от Великих Равнин к Тихому океану. Но, как выяснилось после многолетних поисков, все карты врал.

Первым наврал безвестный испанский картограф. Может быть, касса мадридского двора оскудела на несколько лишних дублонов, заплаченных «первопроходцу» в качестве

премии.

Все остальные переписчики карт вали совершенно бескорыстно, и тем самым ввергли в огромные расходы топографических инженеров Соединенных Штатов. Потратив десятки лет на блуждания по горам Колорадо, обозленные географы украсили карту примечанием: «Все земли к востоку от Скалистых гор представляют собой безводное, безлесное и безжизненное пространство».

Когда новая карта Америки, исправленная и дополненная, попала на стол к военному министру Джону Кэлхуну, он быстро сообразил, как можно использовать обширные пространства пустыни. По его проекту туда следовало переместить примерно сотню тысяч индейцев из района Великих Озер и из южных штатов. В результате перемещений ценные восточные земли освобождались для белых поселенцев, ликвидировалась угроза расовых конфликтов, а индейцы получали прекрасную защиту от болезней и грехов белого человека.

В дальнейшем отселенные дикари должны были впитать достижения цивилизации и демократии, избрать достойных руководителей и создать свой собственный, чисто индейский штат. И тогда уже и прочие краснокожие будут переселены на свою новую родину.

На осуществление своего грандиозного проекта Кэлхун запросил всего-навсего тридцать тысяч долларов — именно столько, по его расчетам, следовало заплатить индейцам, чтобы те согласились покинуть родные леса.

А после переезда пустыню следовало окружить системой пограничных фортов, чтобы создать постоянную внутреннюю границу. Вот тогда «индейская проблема» была бы решена навеки.

Проект был принят, и индейцев переселили. Но граница была слишком зыбкой и прозрачной. Ее легко и часто пересекали с обеих сторон. Причем торговцы, охотники и старатели, возвращавшиеся с индейской территории, приносили с собой не только пушнину и золото, но и новые сведения об этих землях.

И снова потянулись караваны экспедиций. На этот раз они принялись обследовать прерию и каньоны, чтобы доказать очевидное — раз тут живут индейцы, значит, выживут и белые.

Миф о Страшной Пустыне заменили легендой о Цветущем Саде. Места в этом саду хватит на всех желающих, оставалось только нанести его на карту, чтобы, сгрудившись над столом где-нибудь в тесной чикагской квартире, можно было поделить между собой участки в далекой Оклахоме.

Карты составили, в газетах началось обсуждение вопроса — по какому, собственно, праву индейцы занимают столь обширное пространство? Население Соединенных Штатов росло с небывалой быстротой, и люди, не желавшие тесниться в городах, рвались на новые земли. А краснокожие использовали огромную территорию крайне нерационально. Они не прокладывали там железных дорог, не строили заводов и шахт, не выращивали скот. Если они не способны к труду, почему бы не доверить их землю более рачительным хозяевам?

22 апреля 1889 года почти сто тысяч мужчин и женщин собрались вдоль границы Территории Оклахомы. Кто-то прибыл сюда верхом, кто-то пешком. У одних за спиной высился огромный фургон, другие держали перед собой ручную тележку. Толпа терпеливо дожидалась сигнала, чтобы перешагнуть границу.

Наконец, по команде армейских офицеров, ровно в полдень прозвучал артиллерийский залп. Скрип колес и топот копыт огласили просторы прерии. Со всех сторон доносился стук молотков, вбивающих в девственную землю заявочные столбы.

Спустя всего несколько часов почти два миллиона акров земли, еще утром принадлежавшей индейцам, обрели новых хозяев. К вечеру того же дня невзрачные поселки Гатри и Энид превратились в города с пятидесяти тысячным населением.

Однако, продвигаясь в глубь Территории, недавние жители восточных штатов с удивлением обнаруживали, что на пастбищах уже пасутся не дикие бизоны, а домашний скот. Встречались им и ухоженные фермы, и пшеничные поля, огороженные колючей

провоолокой, а среди пологих холмов кое-где маячила ажурная вышка ветряка.

Оказалось, что на засушливых и небезопасных землях уже давно поселились смельчаки, которые основали здесь хозяйство, не дожидаясь особого разрешения.

Впрочем, свободных земель было так много, что споры из-за участков были крайне редкими. Вопреки мрачным ожиданиям, с индейцами тоже не возникло никаких проблем. Шайены, апачи и команчи были уже не те, что раньше. Гордые и воинственные вожди были к тому времени истреблены, и краснокожие предпочитали держаться от белых подальше. Гораздо опаснее индейцев были те, кто скрывался в Оклахоме от правосудия.

Самые безрассудные и отчаянные убийцы, грабители и конокрады собрались в лесистых холмах между Симарроном и Канэйдиан-Ривер. Не было такого преступления, на какое они бы не пошли ради нескольких долларов или бочонка виски. И на новейших картах Оклахомы не хватало только примечания: «К западу от Миссури нет Закона, а к западу от Арканзаса¹ нет и Бога»

2

Они неспешно скакали по сухому руслу, когда ветер донес запах дыма и паленой шерсти.

— Где-то поблизости клеймят скот, — сказал Кирилл.

— Значит, мы сбились с пути. — Энди остановил лошадь, оглядываясь. — До ближайшего ранчо должно быть миль сорок, не меньше.

— Клеймить можно не только на ранчо.

Русло привело их к широкому, округлому каньону с отвесными стенами. Здесь и в самом деле клеймили скот. Трое всадников теснили небольшое стадо к стенам каньона. Черный бычок лежал на песке. На его голове сидел ковбой, другой натягивал лассо, обвившее задние ноги бычка, а еще двое замерли над выпуклым черным боком, разглаживая шерсть. От низкого костерка стелился дым. Голый по пояс человек в кожаном фартуке подержал над прозрачным пламенем длинный штырь с решеткой на конце, а потом шагнул к лежащему бычку. Клеймо медленно опустилось на шерсть, бычок дернулся, и ковбои вскочили, ослабив лассо.

По тому, как тщательно прикладывалось раскаленное железо к дергающейся коже, было ясно, что идет не просто клеймение, а подмена клейма. Так обычно поступали с ворованным скотом — поверх старого знака выжигали новый.

Скотокрады были слишком увлечены работой, и поэтому не заметили посторонних. Кирилл натянул поводья, заставив коня пятиться, и негромко сказал:

— Сматываемся...

Но молодая кобыла Брикса заартачилась, мотая головой, и недовольно всхрапнула. Один из ковбоев оглянулся и наклонился к ружью, что лежало у его ног.

— Уходим! — крикнул Кирилл. — Давай назад!

— Поздно! — Энди скинул с плеча дробовик.

Да, разворачиваться было поздно — кому охота подставлять спину под шесть стволов? Кирилл выстрелил в того, кто уже вскинул винчестер, и винтовка отлетела в сторону. Рядом грохнул дробовик Брикса. Картечь заставила скотокрадов упасть на песок, закрывая головы. Кирилл резко послал коня вперед. Стреляя на ходу, они пролетели мимо костра и в три прыжка выбрались из русла, оставив каньон позади.

Пока они разгонялись по траве, сзади было тихо, и Кирилл подумал, что на этом все и кончится. Но за спиной прогремел выстрел. Кирилл оглянулся и увидел, что все шестеро, бросив скот, скачут за ними.

¹ Миссури, Арканзас — реки, по которым в 70-х — 90-х годах проходила условная граница освоенных земель

— Кажется, мы им понравились! — крикнул он.

— А они мне не очень, — ответил Энди, держась рукой за бок. — Рубашка была почти новая.

— Тебя зацепило?

— Немного.

Брикса следовало перевязать, но не было времени останавливаться. Шестеро скотокрадов явно не желали отставать. Они, видно, очень дорожили своим потайным загоном. Теперь им оставалось либо уничтожить тех, кто прознал о нем, либо устраивать новый тайник.

Кони хорошо отдохнули за ночь и сейчас показывали все, на что были способны. Кобыла Брикса, казалось, летела над седой травой, а Кирилл придерживал мерина чуть сзади. Он с беспокойством замечал, что синяя рубашка Энди на спине изрядно потемнела. Черное пятно шириной с ладонь расплзлось над поясом.

Заметив, что погоня немного отстала, они тоже сбавили ход, давая передышку лошадям. Кирилл бросил свой вязаный шарф Бриксу, и тот на ходу обмотался им, скрыв рану.

— Отлично! — бодро сказал он.

Кирилл не нашелся, что ответить, потому что шарф моментально пропитался кровью.

— Ничего, Крис, в горы они за нами не полезут. — Энди ощупал бок и, увидев кровь на ладони, выругался. — Вот не думал, что сквозная рана может доставить столько неудобств.

Кони преследователей снова перешли на рысь, их силуэты стали яснее.

— Вперед!

Лошади сорвались так, что ветер засвистел в ушах.

Под копытами гудела каменистая земля. Пыльные кактусы проносились мимо. Горы незаметно вырастали и прорисовывались впереди. Поначалу Кирилл надеялся, что на склонах им сразу удастся укрыться в лесу. Но теперь он видел — леса нет. Есть лишь глинистые голубые откосы и белые языки осыпей. Только за голым гребнем отрога призывно зеленели макушки леса, покрывающего далекие склоны.

— Перевалим через отрог! В лесу им нас не взять! — крикнул он.

— Нас постреляют на подъеме, — возразил Энди. — Будем гнать по прямой. Пока не отвяжутся!

Его губы посерели, и голос звучал слабо. «Он теряет кровь, — подумал Кирилл. — Лишь бы удержался в седле, лишь бы не вырубился на скаку».

— Пить хочешь?

— Хочу, но не буду. Жалко воду — выльется из чертовой дырки.

Порыв свежего ветра окатил лицо. Впереди, в почти отвесной серой стене отрога темнел провал. Это могла быть простая расщелина, но там мог оказаться и проход.

— Сворачиваем сюда! — крикнул он.

Брикс ничего не ответил. Он, казалось, задремал в седле. Но сидел ровно, и не выпускал поводьев из побелевших пальцев.

Еще один рывок, и под копытами завизжала галька. Они свернули в мрачное ущелье с отвесными стенами. Подковы скрежетали по валунам.

Ущелье понемногу расширялось. Его стены словно раздвигались в стороны с каждым поворотом, в них виднелись глубокие жерла пещер и промоины, в которых поблескивали ручейки. Далеко впереди в просвете между скалами зеленел лесистый склон.

«Вот куда нам надо!» — обрадовался Кирилл. Но тут же понял, что преследователи угадают, что он двинулся туда, к спасительному лесу.

Он свернул в сторону, в узкий коридор, который становился все теснее и теснее. Если сверху сорвется камень, от него не увернуться. Кирилл ехал медленно и осторожно, оглядываясь и вслушиваясь в каждый звук, отражавшийся от голых и бесконечно высоких стен ущелья.

Под копытами иногда поблескивали лужицы, а на валунах нарядно зеленели пятна мха.

Впереди вдруг послышался шипящий глухой удар, за ним еще один, и еще, и в воздухе появилась изморось. Если закрыть глаза, можно было подумать, что стоишь на берегу моря, и перед тобой бьются волны. Что за чертовщина?

Кирилл свернул за острый край скалы, и перед ним распахнулась каменистая долина. Шагов сто в поперечнике, она тянулась между отвесными скалами не больше, чем на милю, заканчиваясь узкой горловиной ущелья. И все это пространство было испещрено сверкающими лужицами, над которыми завис слоистый туман. Внезапно прямо из земли вырвалась струя воды. Фонтан, окутанный паром, поднялся выше человеческого роста, а потом с плеском обрушился на гальку, и от каменных стен отразился звук набежавшей волны.

Мерин остановился как вкопанный, замотал головой и попятился назад.

— Ну же, вперед! — попросил Кирилл, ободряюще похлопав коня по шее, но тот только встряхнул гривой и не подчинился.

— Чего ты испугался, дурак? Это просто вода!

Кирилл спрыгнул на камни и потянул узду, пытаясь сдвинуть коня с места. Мерин уперся, низко опустив голову, и Кириллу стало ясно, что ему с ним не справиться.

— Ну и черт с тобой! — Он не мог тратить больше ни секунды. Взвалив Энди себе на плечи, Кирилл зашагал по скользким камням.

Нет существа более пугливого, чем лошади. Наверно, потому, что они видят опасность там, где человек не замечает никакой угрозы. Кирилл понял это слишком поздно, когда пригляделся к лужицам под ногами. Вода в них бурлила, как в котле.

Ему приходилось слышать о кипящих источниках, но он никогда не думал, что рядом с ними человек чувствует себя так неуютно. До него дошло, что сейчас они пробираются над гигантским котлом с кипятком. Один неверный шаг — и ты сварился. Кирилл уже забыл о преследователях, о ране Брикса и обо всем на свете, и думал только о том, как бы выбраться из этой кастрюли и остаться *сырым*. Утешал его только неуверенный цокот копыт за спиной. Лошади вряд ли избавились от страха, но остаться без человека им было еще страшнее.

Он дошел до середины котловины, когда сразу два гейзера ударили одновременно. Стена горячего пара встала перед глазами, и Кирилл надолго остановился, переводя дух. А когда туман немного рассеялся, он увидел перед собой расплывчатый силуэт.

Кто-то двигался ему навстречу.

Только сейчас Кирилл вспомнил, что все его оружие осталось в седельных чехлах.

* * *

Впереди, в десятке шагов, стоял человек в белой крестьянской одежде и соломенной шляпе. Он был без оружия. Его босые ступни казались черными от въевшейся пыли. За ним маячила коренастая буланая лошадка без седла. Желтоватые бока влажно блестели, а черный хвост был обвит шнуром почти по всей длине так, что только на конце виднелась кисть волос. Под ногами у лошади лежали на гальке два объемистых мешка, связанных между собой.

Человек легко перевалил мешки через хребет лошадки, похлопал ее по шее и оглянулся.

Это была девушка, смуглая и сероглазая. Она отвела пепельно-русую прядь со лба, спрятав ее под шляпу.

— Иди там, где я, — сказала она.

Затем развернулась, похлопала свою кобылу по крупу и пустила ее перед собой.

Кирилл тронулся следом, и обе лошади постукивали копытами сзади, боясь отстать.

Буланая двигалась причудливыми зигзагами, то далеко обходя безобидные лужицы, то напрямую пересекая широкие разливы, и Кирилл, с Бриксом на плечах, повторял все ее маневры. Джинсы намокли и прилипали к бедрам. На лице оседала роса. Туман порой

становился таким густым, что Кириллу казалось, будто он никуда не идет, а топчется на месте...

Дно ущелья круто поднималось вверх, и он запыхался, пока дошел до конца. Прямо под ним раскрылся зеленый травянистый склон, спускающийся к просторной долине. Слева и справа высились толстые кедры, и густой темный лес поднимался выше по склону. Оказывается, это ущелье рассекало гору, и, двигаясь по нему, они прошли ее насквозь.

— Спасибо, — сказал Кирилл проводнице. — Вы нас очень выручили, мэм.

Она покачала головой и приказала:

— Положи его.

Он опустился на колени и бережно перевалил обмякшее тело Брикса на траву.

Проводница разрезала ножом окровавленный шарф. Энди лежал на боку, и когда незнакомка распоролла его рубашку, стало видно, где вошла пуля, и где она вышла. Дырка чернела спереди под ребром, выходное отверстие оказалось под лопаткой, скрытое под сгустками крови. Девушка накрыла оголенный бок свернутым платком. С треском разорвав рубашку Брикса, она скатала ее в трубку, разгладила и обернула вокруг пояса, затянув узел.

— Не трогай его, пусть лежит так. Я скоро вернусь, — сказала она, вставая.

И ушла вниз по склону, ведя за собой буланую кобылу.

Энди лежал неподвижно. Кирилл еще никогда не видел его в таком состоянии, хотя им когда-то и случалось лечить друг друга от огнестрельных ранений, ушибов и похмелья. И метод всегда был один и тот же — повязка, холод и покой.

— Полежи пока, старик, — сказал он другу и расстегнул его оружейный пояс. — Сейчас придет доктор, принесет лекарство. А я позабочусь о твоём покое. Тебе удобно так?

Он не отвечал, и это был плохой знак. Кирилл знал, что сейчас раненого нельзя оставлять одного. Следовало сидеть рядом, касаться его, разговаривать с ним, чтобы не дать соскользнуть в ту яму, откуда очень трудно выбраться....

— Братишка, ты здесь? — едва слышно прошептал Энди.

— Здесь, здесь! — обрадовался Кирилл. — Не бойся, я рядом.

— Раньше мы всегда стреляли первыми, — сказал Брикс, не открывая глаз. — Обидно.... Не говори мальчишкам, как по-дурацки я погиб.

— Не болтай! Тебе надо беречь силы.

Кирилл отвел лошадей ниже по склону и привязал их за разросшимся кустом. Прямо напротив выхода из ущелья лежала пара валунов, и он устроился между ними, держа винчестер наготове. Если преследователи и появятся в этом тесном проходе, он сможет их встретить.

Но из ущелья не доносилось никаких тревожных звуков. Зато ниже по склону скоро послышались голоса. Незнакомка возвращалась в сопровождении трех других женщин. Они были в черных платьях и белых платках. Вслед за ними поднимался коренастый широкоплечий мужчина в такой же белой крестьянской одежде, как и проводница, но в сапогах и в черной шляпе. Храня полное молчание, женщины переложили Брикса на одеяло, подняли с травы и понесли вниз. А мужчина поднялся к Кириллу и сказал, махнув рукой в сторону ущелья:

— Кого ты ждешь? Оттуда никто не выйдет.

— За нами увязалась какая-то банда. Угонщики скота. Они могут догнать нас по следам.

— Следы? В кипящем каньоне не остается следов. И до сих пор еще никому не удавалось пройти там без проводника.

— Надеюсь, не удастся и сегодня, — сказал Кирилл, поднявшись из-за валунов.

— Меня зовут Питер, — мужчина широко улыбнулся. — Наш дом внизу. Это мои сестры. Они позаботятся о твоём друге.

— А меня зовут Крис. Спасибо. Мы ваши должники.

Он пожал плечами:

— Я ничего для вас не сделал. Скажи спасибо Полли. Это она вас нашла.

Он был таким же смуглым и светлоглазым, как и его сестра, но оказался отнюдь не таким же молчаливым.

— Хорошая лошадь, — сказал Питер, отвязывая кобылу Брикса. — Дорогая. Маленькая голова, сильные ноги, тонкие копыта. Наверно, быстро бегают?

— Быстро.

— Твой друг, наверно, умрет, — сказал Питер. — Ты возьмешь его лошадь с собой? Я мог бы купить ее.

— Мой друг не умрет, — сказал Кирилл.

Они спускались по травянистому склону. Внизу, за невысокой рощицей, стояли вразброс несколько бревенчатых домов. Едва заметная дорога уходила от них к реке и терялась за деревьями. Дальше на склонах холмов виднелись прозрачно-зеленые прямоугольники полей и чересполосица огородов.

— Это твоя ферма? — спросил Кирилл.

— Это *тоже* моя ферма. Есть еще другая, большая. Там лошади, коровы, мулы. Там мельница. А здесь живет мой отец, и Полли с ним. Сегодня мы пришли к нему в гости. Я, сестры, их дети. Это хорошо для твоего друга. Мы поможем ему. Все будет хорошо. Если он не умрет.

— Откуда вы? — спросил Кирилл, потому что никогда прежде не слышал такого говора.

— Саванна, Джорджия. А ты откуда едешь?

— Из Техаса, — сказал Кирилл.

— Техас? Это очень далеко. Смелые вы парни. У нас тут вдвоем не ездят. Не боитесь грабителей?

— У нас нет ничего ценного.

— Ничего ценного? — Питер оглядел его. — Шляпа хорошая. Оружие. Сапоги совсем как новые. Лошадь с седлом — это целое состояние. Здесь не грабят. Здесь убивают. И оставляют лежать голый труп. Через два дня от тела остается только несколько костей. А ты говоришь «ничего ценного».

— Да, — только и мог сказать Кирилл. — Весело вы тут живете.

— Хорошая лошадь у твоего друга. Такие лошади не любят седло. Ей нужна легкая коляска. Ей нужен овес, а не колючки. Ее нужно каждый день чистить. Я знаю, это дорогая лошадь. Это лошадь для богатого человека.

— Ты богатый?

— Не знаю. Наверно, нет. Но твой друг тоже не похож на богатого человека.

— Богатые и бедные выглядят примерно одинаково, когда получают пулю в бок, — заметил Кирилл.

— Ты прав, — Питер рассмеялся.

Пока они дошли до фермы, он еще несколько раз заводил разговор о кобыле Брикса. Кирилл старался отвечать уклончиво и дипломатично.

Давно уже он не встречал такого словоохотливого собеседника. В том кругу, где ему приходилось вращаться, не принято было много говорить, особенно с незнакомцами.

От домов к ним бежали трое мальчишек. На них были такие же белые домотканые штаны и рубахи, как на Питере и его молчаливой сестре.

— А вот и племянники, — сказал Питер. — Сейчас начнут драться из-за кобылы, кому за ней ухаживать. Дикари. Что с них взять, если отец — индеец...

Они были похожи, как три капли воды, но это были разноцветные капли. Один был белобрый, другой — с черными прямыми волосами, а третий — рыжий и кудрявый. Все трое — смуглые, скуластые и светлоглазые. После короткой перебранки ребяташки перехватили лошадей и повели их в конюшню. Питер едва успел скинуть с буланой два навьюченных мешка.

— Осторожнее! — раздался женский возглас, и Полли, подбежав к ним, бережно взялась за обвязанные горловины мешков.

— Я помогу, — Кирилл наклонился к ней, но тут же выпрямился, обожженный гневным взглядом.

Питер коротко рассмеялся, глядя вслед сестре, которая волокла мешки по траве.

— Можно подумать, у нее там банкноты Федерального казначейства, — озадаченно сказал Кирилл.

— У нее там пейот.

— Что? Кактус?

— Да. Только она может собирать пейот, — важно заявил Питер. — Она его видит. Другим пейот не дается.

— Зачем вам столько? Два мешка...

— Она собирает два мешка каждый месяц, — сказал Питер. — Нам нужно много пейота.

— Но для чего?

— Для жизни. Чем, по-твоему, мы будем лечить твоего друга? — Питер прильнул к окошку дома и подозвал Кирилла: — Давай посмотрим, как у него дела.

Энди, совершенно голый, лежал на высокой кровати лицом вниз. Коренастый лысый старик с огромной седой бородой колдовал над его раной. На полу стояла большая глиняная миска, наполненная окровавленными лоскутами. Старик промакнул рану и бросил в миску очередной лоскуток, а стоявшая рядом женщина в черном платье тут же протянула ему новый.

Питер потянул Кирилла за руку:

— Отец его вылечит. Когда рана безнадежная, он не берется за лечение. Пойдем, сейчас нас покормят.

За домом под деревом был накрыт небольшой стол с двумя лавками, врытыми в землю вдоль него. Рядом с кофейником на белой фаянсовой тарелке высилась гора душистых оладий. В открытой масленке таяла ярко-желтая пирамида масла, а на блюде расплывался густой бурый мед.

— Садись, — сказал Питер и сел первым, перекрестившись. Свою шляпу он повесил на ветку. — Ешь. Все наше, домашнее. Мы не покупаем еду.

— Я не заметил по дороге ни одной лавки, где можно было бы купить хоть что-нибудь, — сказал Кирилл, пристраивая свою шляпу рядом. На этой ветке было еще несколько оструганных сучков, предназначенных для шляп.

— Ты просто пришел не с той стороны. Там, за рекой — поселок, в нем есть пара лавок. Еще дальше есть город, есть и станция. Можно сесть на поезд и поехать, например, в Даллас или Литл-Рок. Это большие города, и там можно купить много полезных вещей. Но еду покупать глупо.

— Такую еду не купишь, — согласился Кирилл, намазывая мед. — Вкусно. Никогда не видел такого меда.

— Этих пчел мы привезли из самой Джорджии, — с усмешкой сказал Питер. — Они все пережили вместе с нами. Они вместе с нами горели и вместе с нами тонули, и теперь живут здесь вместе с нами. Пятнадцать лет мы живем здесь.

— Неужели пчелы живут так долго?

— Да нет, пчелы умирают быстро. Но семья остается та же самая.

— А где вы тонули?

— На Миссисипи, где же еще, — гордо сказал Питер. — Мы ехали на пароходе. Взорвался котел. Начался пожар. Мы были на правой стороне, и она вся обвалилась в воду. Лошади утонули, корова тоже. У нас было два мула, они тоже утонули. Хорошо, что все наши вещи, и пчелы тоже, были в телеге. Телега не утонула. Мы держались за нее.

— Когда это было?

— Семьдесят девятый год. Апрель. Пароход «Быстрая Стрела». Может быть, слышал? Там погибло много народу, об этом еще долго вспоминали.

Слышал ли он о затонувших пароходах? В семьдесят девятом году Кирилл еще жил в

Одессе. Бывало, что пароходы тонули. Но об этом не принято было вспоминать.

— Может быть, и слышал, — сказал он.

— В апреле вода очень холодная. Люди умирали от холода, даже те, кто смог выбраться из воды. Умирали на берегу. Нас было четыре семьи, и все остались живы. Только без лошадей и мулов. Толкали телегу сами. Восемь дней до города. Город Вильсон. Там купили вскладчину пару мулов и пошли дальше на запад. Саванна, Атланта, Мемфис, Вильсон. Потом Арканзас. Все время на запад.

— Тогда многие ехали на запад.

— Мы искали хорошую землю. Мы дошли до края земли.

— По-твоему, здесь край земли?

— Да, — сказал Питер.

Из дома вышел старик, вытирая руки полотенцем. Увидев Кирилла, он сказал:

— Много крови потерял твой друг. Будет долго лежать. Пуля сломала ребро и вылетела наружу. А могла и в сердце ударить. Счастливый твой друг.

— Что я могу сделать? — спросил Кирилл.

— Ты? Ничего тебе не надо делать. Только ждать. Мы все сделаем сами, — сказал старик. — Он будет лежать здесь. Ты можешь пожить у нас, пока твой друг не встанет на ноги.

3

— На ноги-то он встанет, — проговорил Питер, когда старик снова скрылся за дверью. — Да только будет стоять на них, как жеребенок, только что родившийся. Далеко вам ехать?

— На ранчо Коннорсов.

— Тогда еще ничего, доедет, — кивнул Питер. — А Коннора я знал. Хороший хозяин. Многие считали его несносным гордецом, потому что он держался особняком. Так же, как и я. И еще он водился с индейцами. Тоже — как я.

— Он разводил лошадей. Ты тоже?

— Нет. Первое время он держал только овец. Сам жил в пещере. В большой пещере держал овец, а в маленькой жил сам. Это позже он научился делать саманные кирпичи и построил дом. А сначала в пещере жил. Через два года обзавелся лошадьми. Сам их отлавливал в степи, сам приручал. Здесь было много одичавших лошадей. У Коннора был отличный табун. Многие ему завидовали.

— Кто? — стараясь не выдать волнения, спросил Кирилл.

— Многие, — уклончиво протянул Питер. — Он поймал пару кобылиц, очень крупных и сильных. Такие, говорят, возят пушки в армии. От них получил хороший приплод. Настоящие тяжеловозы. Сильные, как буйвол. За них ему предлагали большие деньги, но Коннорс не продавал. Хотел вывести новую породу. Индейцы его уважали. Они знают толк в коневодстве. Нет, индейцы не могли его убить, если ты это хотел спросить.

— Я ничего не спрашивал. А ты, похоже, дружен с индейцами?

— Разве мы не такие же люди, как они? — Питер улыбнулся. — Одна голова, две ноги, две руки. Люди всегда могут договориться. Мы к ним с уважением, и они к нам с уважением. Мы пришли на свободное место, здесь никто не жил. Только кайова,² но мы им не мешали. У нас не было тогда лошадей, а индейцам нужны только лошади и бизоны.

Наши отцы сами пошли к ним, когда их шатры появились поблизости. Мы не знали, вернутся они или нет. Мы за них молились, и они вернулись. Отнесли индейцам хлеб и табак, а они им дали свои мешки и сумки для воды.³ Тогда вождем кайова был Темный Бык,

² Кайова — индейское племя, заселявшее Юго-запад США

³ емкости, изготовленные из желудка бизона

отец нынешнего Темного Быка. Отцы попросили у него разрешения жить на этом берегу, потому что здесь была хорошая земля для пшеницы. Темный Бык сказал: «Я не белый человек! Я не провожу границ по земле или по воде. Это белые люди устанавливают правила для других. Живите там, где вам нравится. Земля большая, ее хватит на всех».

С тех пор мы с кайова ладим. Они давно бросили кочевать, потому что бизонов больше нет. Кайова сейчас живут рядом с нами, команчи тоже. Работают у меня, когда хотят. Здесь в округе еще много индейцев, разных индейцев. Некоторые даже работают на карьере. А наши никуда не уходят, живут рядом с нами. Мы с ними ладим. Породнились уже. У одной сестры моей — муж из кайова. Сейчас он придет.

— Зачем?

— Помогать будет. Лечить будем твоего друга. — Питер снова улыбнулся, но на этот раз хитровато. — Надо кобылу от него хорошо закрыть, чтобы не увидел. Он с ума сойдет, если ее увидит.

— А откуда он знает, что мы здесь?

— Отец сразу позвал, — сказал Питер и, свернув пару оладий в трубочку, отправил их в рот. — Индейцы хорошо лечат. У нас даже кладбища нет. За пятнадцать лет никого не хоронили. Нехорошо будет, если твой друг умрет.

— Он не умрет, — сказал Кирилл. — Такой человек, как он, не может умереть от одной пули.

— От одной пули? — Питер покачал головой. — Я видел в Джорджии, как люди умирают от комариного укуса. Ты знаешь, что такое болотная лихорадка? Я сам рыл огромные могилы, чтобы похоронить всех, кого укусил маленький комар. И никто не мог им помочь. Пулю можно вытащить, раны можно перевязать, а с лихорадкой ничего нельзя сделать. Но здесь у нас нет таких комаров, и здесь никто не умирает от лихорадки. У нас здесь никто не умирает.

Мимо них молча прошла Полли, она несла лопату на плече. Кирилл проводил ее взглядом.

— Она собирается копать? Я могу помочь ей.

— Сама справится. Им нужно немного песка, чтобы лечить твоего друга, — пояснил Питер.

Кириллу оставалось только понимающе кивнуть, хотя он и сомневался в целебной силе песка. Ладно, им тут виднее. Бриксу он уже ничем не мог помочь. Но было слишком тяжело сидеть без дела и слушать нескончаемую болтовню гостеприимного хозяина.

— Может быть, для меня найдется какое-нибудь дело? Не могу же я целый день сидеть и пить кофе.

— Ты устал с дороги.

— Я уже отдохнул.

— Как насчет того, чтобы срубить старое дерево? — поинтересовался Питер.

— Я готов.

— Спасибо тебе, Крис! — Питер широко улыбнулся и встал из-за стола. Его лицо просто светилось от радости. — Спасибо.

— За что?

— Я давно ждал достойного помощника для такого дела. Мне сразу показалось, что ты подойдешь. Я ждал, пока ты сам захочешь мне помочь. Это очень, очень важное дело.

Кирилл дожевал последнюю пару оладий и допил кофе, и Питер подал ему шляпу.

— Вдвоем мы справимся быстро. Это хорошее дерево. Его в прошлом году разбило молнией, оно хорошо высохло за осень и зиму, — говорил Питер, направляясь к сараю. — Я собирался срубить его еще зимой. Но там старое воронье гнездо. Я думал, что вороны, может быть, снова поселятся там. Но они не прилетели, впервые за пятнадцать лет. Значит, построили новое гнездо, где-то в другом месте.

И то сказать, когда в твой дом бьет молния, задумаешься о переезде, да? Ну, а раз вороны там больше не живут, дуб можно и спилить. А если не спилить его сейчас, придется снова ждать зимы. Такие деревья пилят только зимой. Мы с тобой справимся с этим деревом, и у Полли с отцом будут хорошие дрова. На всю зиму хватит.

Они взяли с собой двуручную пилу, топор и клин. Проходя мимо дома, Кирилл увидел на крыльце индейца. В комбинезоне и клетчатой рубашке, он бы сошел за обычного фермера, если бы не коса, свисавшая на плечо, и если бы не лицо — оно было кирпичного цвета, и такое же оживленное, как кирпич.

— Хорошо, что ты быстро пришел, — сказал Питер индейцу. — Это Крис. Его друг ранен. Надо лечить раненого.

Индеец встал и назвал себя, приложив ладонь к животу:

— Ахо.

— Мы идем рубить одинокий дуб, — сказал Питер. — Крис хочет помочь нашей семье.

Индеец смотрел так, что казалось, будто он ничего не слышит.

Поднимаясь вдоль косогора, Кирилл издалека увидел то дерево, которое предстояло превратить в дрова.

«Сколько же лет он стоял здесь, этот дуб? — подумал он. — Как ему удалось выжить на склоне, ведь рядом нет ни одного деревца? Когда-то он был просто желудем, потом превратился в росток — и он рос под солнцем, и его не затоптало копыто бизона, и не подпилили зубы кролика.... Говорят, дубы живут веками. Сколько же он жил, прежде чем принял на себя удар молнии? Славное дерево. И славная смерть».

Они встали на колени перед вековым дубом, и острые зубья гибкой пилы выбросили на пожухлую траву первую струйку опилок. Через пять минут Питер стянул рубаху, и Кирилл последовал его примеру. Он уже понял, почему такие деревья пилят только зимой. Сейчас под лучами робкого мартовского солнца он уже взмок от пота, словно в мексиканской пустыне.

— Отдохнем, — скомандовал Питер и повалился на спину, раскинув руки. — Дуб хорошо высох. Мы быстро справимся.

— Надеюсь.

— Дубовые дрова лучше всего. Лучше, чем уголь. К тому же уголь надо покупать. Глупо платить деньги за то, что можно получить даром.

— Многие платят деньги, чтобы сберечь свое время, — сказал Кирилл.

— Ты куда-то торопишься? Нет. Я тоже. У нас есть время, пока отец лечит твоего друга.

— Он врач, твой отец?

— Нет. Но он умеет лечить. Ну, отдохнули, пилим дальше.

Питер встал на колени, поплевал на ладони и снова схватился за рукоятку пилы. И снова брызнули струйки опилок из-под звенящих зубьев.

На этот раз Кириллу показалось, что он пилит гранит. И когда Питер остановился и скомандовал: «Отдыхай», он раньше него повалился рядом с дубом.

— Мы пришли сюда первыми, — говорил Питер. — Потом появились другие с Востока. Немцы, чехи, ирландцы. Много их было. А сейчас почти никого не осталось. Они думали, что смогут прокормиться на этой земле. Но здесь тяжелая земля. Мало дождей. Очень трудно собрать хороший урожай. Поэтому все уехали. Остались только мы.

— Почему вы остались?

— Нам здесь хорошо. Земли много, людей мало.

— Ты же говоришь, здесь «тяжелая» земля.

— Ну и что? У нас есть хороший плуг, «Джон Дир». Есть сильные лошади. Мы ладим с этой землей.

Кирилл подумал, что Питер «ладит с землей» примерно так же, как сейчас пытался поладить с дубом. И ему стало понятно, почему его соседи подались в иные края.

— Человек имеет право жить там, где ему легче, — сказал он.

— Мы останемся здесь, — сказал Питер. — Те, кто уехал отсюда, сейчас копают землю на рудниках в Колорадо. Или тут неподалеку, на угольном карьере. Наверно, им больше нравится копать и выбрасывать землю, чем пахать ее, чем сеять зерно, чем собирать хлеб. Им больше нравится получать деньги каждую субботу. Им больше нравится каждое воскресенье пропивать эти деньги в кабаке.

— Ну, должен же кто-то добывать уголь...

— Уголь не растет, как пшеница. Он кончится. Здесь мало угля. В прошлом году уже иссяк один карьер, и всем пришлось уехать. Осталась только гора глины и огромная яма. Вот и все, что осталось после двенадцати лет. Здесь будет то же самое. И всем этим людям придется снова ехать куда-то. Все начинать сначала. И так они будут кочевать по всей земле. Они будут добывать хлеб в лавке, они будут жить в чужих домах, они будут греться чужим огнем. А мы останемся здесь, и у нас все будет свое, не чужое. Свой дом, свой хлеб, свой огонь.

Они еще не добрались до середины, когда снизу прибежал мальчонка с узелком. Белоснежная тряпица раскинулась на земле, густо усеянной опилками, и они пообедали отварным картофелем и жареными цыплятами. В черном глиняном кувшине с индейским орнаментом было козье молоко. Хлеб был пышным и душистым, горячим внутри, со смуглой мягкой коркой.

Еда придала сил, но работа не пошла быстрее. Дуб обрушился на землю уже на заходе солнца. От удара даже горы подскочили, но у Кирилла не было сил радоваться победе. Даже лежа на земле, дуб закрывал закатное небо голыми длинными ветвями.

— Вот и все, — сказал Кирилл.

— Это еще не дрова, — покачал головой Питер. — Нам еще пилить и пилить...

До наступления темноты они успели срезать всего лишь две нижние ветки. Возвращаясь в деревню, Кирилл думал только о том, что через несколько часов придется снова подниматься по этому косоугору. Краем глаза он заметил, что окна дома, где остался лежать Энди, были закрыты ставнями, но из щелей пробивался красноватый свет.

Питер, как оказалось, устал не меньше. Он *молча* сидел за столом, а сестры в белых платках порхали вокруг, подавая тарелки и подливая молоко в кружки. Полли среди них не было, что не удивило Кирилла — эту молчунью он скорее мог представить гарцующей на мустанге, чем снующей по кухне.

— Твой друг спит, — сказал Питер, отодвигаясь от стола. — Ты тоже ложись. Все будет хорошо. Если ты торопишься, можешь оставить его здесь. Мы проводим тебя до ранчо Коннора.

— А как же дрова?

— Значит, остаешься?

Питер поманил пальцем сестру, и на столе перед Кириллом появилась пустая кружка.

— Выпей на ночь, работать будет легче, — сказал Питер.

— Виски?

— Лучше, чем виски. Травяной чай.

Он поднял кружку и обнаружил на самом доньшке зеленоватую прозрачную жидкость. На вкус она была горькой, но приятной.

Ему постелили на широкой лавке вдоль стены. Он успел только стянуть сапоги и заснул, не раздевшись толком.

На рассвете они были уже возле поверженного великана. За ночь на месте битвы побывало много любопытствующих. На влажном от росы слое опилок остались следы енота. Он, похоже, искал под рухнувшим деревом место для новой норы. Здесь же виднелся глубокий отпечаток волчьей лапы. Как только топоры застучали по веткам, со всех сторон налетели синицы. Они внимательно обследовали каждую отлетевшую щепку, каждую полосу толстой коры. По их радостному писку было ясно, что сегодня они до отвала наедятся разными деликатесами — личинками, червяками да муравьиными яйцами, которые до сих пор были скрыты под корой.

Синицы не отставали от них весь день, пока они обрубали сучья и перепиливали ствол. Птицы не боялись людей, наверно, потому, что сегодня те работали молча, и этим не отличались от других их родичей — бобров или дятлов.

Обед был таким же, как вчера, но вместо молока была та самая зеленоватая жидкость, которой угостили Кирилла на ночь. Горький прохладный напиток бодрил, как хороший коньяк, но в нем не было ни капли спирта. И еще одно отличие — от любой выпивки развязывается язык, а после этого «чая» Кирилл на время потерял дар речи. Все слова казались пустыми и ненужными. Они с Питером работали вполне согласованно без единого слова, и шумные синицы смешили его своей болтовней. К концу дня он уже различал их по голосам.

Назавтра целая стая желто-зеленых обжор поджидала дровосеков и приветствовала нетерпеливым гвалтом. Когда люди принялись забивать клинья, чтобы расщепить колоды, то пичуги бесстрашно суетились рядом с ними, чудом не попадая под удары кувалды.

Наверно, здесь и в самом деле был край земли. Отдыхая, Кирилл оглядывал лес и замечал, что между деревьями порой проплывает силуэт оленя.

— Жалко, что я оставил внизу ружье. Можно было бы недурно поохотиться, — сказал он.

— Зачем? Тебе не хватает еды?

Кирилл пристыжено перевел взгляд вниз и увидел, что к ним поднимается одна из сестер Питера. Ему захотелось, чтобы это была Полли, но отсюда он не мог разглядеть ее лицо, наполовину закрытого белым платком. Она вела за собой пару мулов, а за ними катилась двуколка под дрова.

— К нам идет помощь, — сказал он.

— Полли? — Питер посмотрел из-под ладони. — Я ее не звал. Что-то случилось.

— Как ты ее разглядел отсюда?

— Только за ней мулы сами идут в гору. Мне или тебе пришлось бы их тянуть.

— Она колдунья?

— Нет. Просто ее все боятся.

— И ты?

— И я. И ты будешь бояться, когда узнаешь.

— Видали и пострашнее, — сказал Кирилл.

— Смейся, смейся. Вспомнишь еще мои слова.

Пока он укладывал поленья на тележку, брат и сестра перекинулись парой тихих фраз, а потом вдвоем набросились на оставшиеся чурбаки. Кирилл невольно залюбовался их слаженной работой. Широкая спина Питера бугрилась вздувшимися мышцами. Он легко вздымал над головой тяжеленную кувалду и со всего размаху обрушивал ее на клин, ловко вставленный сестрой в щель.

— Отец уезжает, — сказал Питер, поднося к тележке охапку поленьев. — За ним приехали с ранчо, там раненый.

— Что за ранчо?

— Его старый хозяин пропал. Сейчас там иногда живут какие-то незнакомцы.

— Ну, раз они просят у вас помощи, значит, вы все-таки немного знакомы.

— Об отце многие знают, — сказал Питер. — Если незнакомец просит о помощи, нельзя отказывать.

— Он поедет один? Ты же сам говорил, что тут у вас даже вдвоем опасно ездить.

— С ним поедет Полли. Она всегда ему помогает в таких делах.

— Можно мне тоже с ними? — спросил Кирилл.

— Не знаю. Как отец скажет, — ответил Питер, переглянувшись с сестрой.

Она не смотрела в их сторону, и Кирилл до сих пор не услышал от нее ни слова. Они нагрузили тележку, обвязали поленья сверху и осторожно тронулись вниз по косовету. От деревни в сторону реки удалялся всадник. Когда он скрылся за рощицей, Питер сказал:

— Наверно, плохи у них дела, если они послали за отцом. Эти пастухи нас не любят.

Отец стоял на крыльце. На нем был черный сюртук и белая рубашка со стоячим воротником. Лысину скрыла широкополая черная шляпа. В одной руке у него была кожаная сумка, в другой блеснула узкая ножовка.

— Оказывается, среди техасцев попадаются неплохие лесорубы, — сказал он. — Хорошая работа, Крис. Твой друг еще не проснулся. Он проснется через два дня. Не беспокойся, у него все будет хорошо. Нам надо навестить еще одного раненого. А ты отдыхай.

— Я не устал.

— Крис хочет поехать с вами, — сказал Питер.

Старик испытующе поглядел на Кирилла из-под низко надвинутой шляпы.

— Хорошо. Поедем втроем. Седлайте коней, нам надо спешить.

Кирилл живо переоделся и зарядил револьвер. Опуская его в кобуру, он вдруг понял, что впервые за много лет у него выдались подряд целых три дня, когда он не носил оружия. Эти три дня пролетели, как один час. С той самой секунды, когда он встретил Полли в ущелье, время потекло иначе.

Да, те три дня, за которые он «смог поладить» с дубом, пролетели, как один час. Но за те же три дня он постарел, наверно, на тридцать лет, ожидая, чем закончится лечение Энди Брикса. Мысленно он уже дважды похоронил его: когда стаскивал обмякшее тело с седла, и когда увидел в постели — обнаженного и окровавленного. Он боялся себе в этом признаться, но ему не верилось, что Энди выживет.

И хуже всего было то, что Кирилл был во всем виноват. Это он предложил ехать по сухому руслу. Это он не заметил чужих следов перед поворотом. И он не только опоздал с выстрелами, но и стрелял поверх противников. Он не хотел никого убивать, ему казалось, что достаточно будет их припугнуть. Он ошибся, и вот теперь за ошибку расплачивается друг.

После таких рассуждений он еще раз прокрутил барабан кольта и несколько раз взвел и плавно опустил курок, слушая, не скрипит ли пружина.

4

Когда он вывел своего мерина из конюшни, Полли с отцом верхом на лошадях уже гарцевали во дворе. Кирилл не сразу узнал свою спасительницу, вновь одетую по-мужски. На ней была алая сорочка и фиолетовый замшевый жилет с золотым шитьем. Белая фетровая шляпа, казалось, только что покинула витрину дорогого магазина.

Кирилл невольно задержал взгляд на седле. Такие обычно называют северными, и ковбои не пользуются ими из-за излишней тяжести и длины. Слишком много тисненой толстой кожи, слишком много серебра. Широкая подпруга, сплетенная из разноцветных шнуров, была украшена кисточками. Седло казалось неоправданно роскошным. Однако ни одна деталь здесь не была лишней.

Вычурное тиснение на коже сиденья и фартука своим рельефом позволяло всаднику надежно удерживаться в седле, а не елозить бедрами. Серебряная отделка швов предохраняла их от гниения. И даже кисточки, свисающие с подпруги, делали свое дело — они раскачивались и отгоняли слепней от брюха лошади. Кирилл все это понимал, но ведь Полли не намеревалась пересекать континент, а просто собралась навестить соседнее ранчо.

«Если бы мы были в городе, я бы решил, что она нарядилась для меня, — подумал он. — Да ну! Она меня и не замечает. Кто я ей? Бродяга»...

Сейчас ее можно было принять за богатую мексиканскую помещицу, а отец, весь в черном, был похож на священника. Рядом с ними Кирилл, наверно, выглядел батраком. Старик передал ему ножовку, он опустил ее в ружейный чехол за седлом, и они поскакали к реке.

Дорога шла вдоль проволочной изгороди, отделяющей от целины вспаханное, но незасеянное поле. Молодая рощица за поворотом расступилась перед всадниками, и бледные

листья прошелестели над головой. За тонкими серебристыми стволами чернели обугленные пни, следы давнего пожара. Кони перемахнули через сверкнувший под копытами ручей и спустились к броду.

За рекой поднимались холмы, поросшие редкими пятнами кустарника. Среди зелени травы тянулись длинные песчаные языки, часто кончавшиеся промоинами и оврагами.

Из-за холма выглянуло колесо ветряка, сверкающее лопастями на солнце. А вот и само ранчо — двухэтажный хозяйский дом, высокий амбар и приземистый барак с подслеповатым окном и жестяной трубой. Ни лошадей у коновязи, ни скота в загоне не было. Подъехав ближе, Кирилл увидел, что окна хозяйского дома закрыты ставнями, а на двери висит замок. Двери амбара, сорванные с петель, прислонились к стенке. С блока подъемной балки амбара свисал обрывок веревки. Похоже, на чердак давно уже не поднимали ни одного тюка сена. И хотя лопасти ветряка вращались под легким ветром, Кирилл не расслышал работы насоса, качающего воду из скважины — ветряк крутился вхолостую.

На ограде загона сидел тощий ковбой в широкополой шляпе.

Подскакав к нему, старик спросил, осаживая коня:

— Что тут у вас стряслось? Кого ранили?

Ковбой выплюнул табачную жвачку.

— Я просил приехать только доктора.

— Вот мы и привезли тебе доктора, — сказал Кирилл. — Где раненый?

Тощий кивнул в сторону барака. Старик повернулся к Кириллу:

— Ты пойдешь со мной. Дочка, разведи огонь в жаровне. Вот тебе железный клин, как следует разогрей. Докрасна. Мы тебя позовем.

Он первым вошел в барак, Кирилл последовал за ним. Внутри было темно и душно. У окна, занавешенного грязной тряпкой, лежал на драном тюфяке тщедушный парень с перевязанной до локтя рукой. Он был в исподнем, сапоги и одежда валялись рядом на полу. Раненый прерывисто хрипел, выпуклые веки закрытых глаз блестели от испарины. Старик наклонился над ним и взялся за запястье здоровой руки.

— Парень, твое сердце играет барабанную дробь, — проговорил он через полминуты, вытирая пальцы платком. — Куда ты так торопишься?

— Мне ничего не помогает, — сказал раненый. — Я умру, да? Умру?

— Не сегодня. Кто тебя так замотал?

— Я сам...

Старик покачал головой и размотал окровавленную тряпку.

— Это гангрена? Да? Гангрена? — спрашивал раненый, отвернувшись к стене.

Старик внимательно оглядел заплывшую рану, а потом стал осторожно прощупывать руку выше посиневшей кисти, всматриваясь под разными углами в следы своих пальцев и даже обнюхивая их.

— Пока это только воспаление, — сказал он, наконец.

Кирилл не был силен в медицине, однако даже ему было очевидно — такую гангрену можно назвать простым воспалением только для того, чтобы не портить настроение умирающему.

— Значит, руку можно спасти? — спросил парень.

— Можно.

— Сам подумай, куда я денусь без руки? Хотя и левая, а все равно жалко...

— Не бойся, спасем твою руку. Когда тебя ранило?

— Три дня назад. Я присыпал рану землей, но это не помогло...

— Присыпал землей... — повторил старик. — В следующий раз не делай этого. У тебя есть виски? Я вижу только пустые бутылки.

— Виски унесли.... Они бросили меня тут подышать одного, и даже виски унесли!

— Не хнычь, ты же крепкий парень. Вот, выпей из моей бутылки, — старик приставил горлышко к обветренным губам. — Пей, пей еще.... Отдохни. А теперь пей все до дна.

Он повернулся к Кириллу и шепнул:

— Достань мой нож из сумки... — А потом снова заговорил громко и ласково: — Вот видишь, что бывает, когда попадает грязь. Земля, это еще не самое плохое. Хуже, когда рану начинают промывать водой из реки или просто из лужи...

Кирилл достал нож с тонким закругленным лезвием. Старик удовлетворенно кивнул:

— Подержи над огнем, и сразу возвращайся.

Кирилл шагнул к выходу, но тут за окном послышалось тревожное ржание мерина, а затем — топот копыт.

«Будет дело», — подумал он, остановившись на пороге.

Снаружи донеслись грубые голоса. Он спрятал нож за пояс, медленно и бесшумно отступил к окну и осторожно отогнул тряпку, чтобы посмотреть, кто там приехал.

Их было двое. Не слезая с коней, они нависли над Полли, направив на нее револьверы. Девушка стояла у дымящей жаровни, независимо держа руки на поясе, и снисходительно улыбалась. Казалось, она не замечала стволов, которые мелькали перед ее лицом.

Тот ковбой, который встречал их сидя на заборе, сейчас стоял за спиной Полли с дробовиком в руках. Он ткнул ее стволом в спину и выкрикнул:

— Я же просил, чтоб доктор приехал один! Просил или нет?

Полли оглянулась и поправила шляпу, не переставая улыбаться. Она вела себя так, словно и не догадывалась о предназначении вороненых железок в руках пришельцев.

— Какого дьявола ты их сюда привел?

— Я же не знал... — оправдывался тощий. — Я думал, старик приедет один... Он поможет Рябому...

— Рябому все равно конец! А если босс узнает, что ты привел чужаков в берлогу, то и тебе конец, идиот!

— Они ничего не скажут.

— Это уж точно!

— Вы только посмотрите на эту дуру! Вырядилась, как мужик, и еще улыбается! Ты еще не поняла, что тебе конец?

Когда человек размахивает револьвером у тебя перед носом и говорит, что тебе пришел конец, ему можно верить. На Западе не разбрасываются словами. И Кирилл не мог понять, почему Полли продолжает улыбаться.

«А что ей остается? — подумал он. — Плакать и молить о пощаде? А может быть, она улыбается, потому что рассчитывает на меня?»

Совсем недавно Кириллу казалось, что в жизни наступили приятные перемены. Приятно было справиться с могучим дубом. Приятно видеть на телеге целую гору дров, которые ты своими руками заготовил на зиму. Приятно было украдкой следить за женщиной, которая шла у повозки с дровами, и еще приятнее было думать о том, как зимой она будет греться у камина и смотреть в огонь.

Но вот появились эти трое, и теперь придется заняться весьма неприятным делом...

Он расстегнул кобуру.

— Стой, — сказал старик. — Здесь тебе не Техас. Я выйду к ним. А тебе лучше побыть тут с раненым.

— Здесь слишком душно, — сказал Кирилл и взялся за кольт, потому что тощий, наконец, приблизился к тем двоим, которые уже спешили и наседали на Полли.

Теперь они стояли кучкой, что было непростительной ошибкой.

Ему пришлось выждать еще немного, пока девушка, заметив его в дверном проеме, не сообразила отойти в сторону.

— Куда ты, куда, пташка? — заржал один из них, поднимая кольт. — Хочешь побегать? Ну, побегай, побегай по загону, повесели публику!

Он выстрелил, и песок взорвался у ног Полли. Та невольно подпрыгнула на месте, вызвав радостный гогот стрелявшего.

У Кирилла на миг потемнело в глазах от ярости. Он шагнул вперед и опустился на колено, вскинув револьвер. На такой короткой дистанции пуля иногда проходит насквозь, и

ему не хотелось поранить лошадей, стоявших за этими ублюдками. А при стрельбе с колена пули уйдут выше.

Так и получилось. Все трое повалились на песок, а лошади только испуганно зафыркали.

— Что ты наделал! — гневно воскликнул старик из хижины. — Ведь они хотели только попугать!

— Вот я и испугался, — ответил Кирилл, застегивая кобуру.

— Что ты натворил! Как же так... Полли, посмотри, может быть, им еще можно помочь?

— Вряд ли, — спокойно ответила девушка, даже не глянув в сторону упавших.

Она смотрела на Кирилла. И ему понравилось, как она смотрит.

— Надо уходить, — сказал он, собирая с земли чужое оружие. — И чем быстрее, тем лучше, пока сюда не нагрянули их дружки.

— А с этими что делать? — спросила Полли. — Ты стреляешь быстрее, чем соображаешь. Что нам теперь делать с тремя трупами? Я не взяла с собой лопату.

— Лопата не понадобится.

— Но их же так не оставишь.

— Есть один простой способ. Помоги мне.

Вдвоем они подтащили тела к коновязи. Лошади пугливо шарахались, чуя кровь, но они все-таки смогли уложить и привязать каждого убитого поперек седла. А потом Кирилл отпустил лошадей и поторопил их свистом. Они разбежались в разные стороны, унося свой кровавый груз. Он подумал, что это были краденые лошади, и каждая помчалась сейчас к тому загону, откуда ее похитили.

— А вот теперь уходим, — сказал Кирилл.

Он уже вставил ногу в стремя, но глухой бас старика остановил его:

— Надо закончить то, для чего мы сюда приехали.

— Что? — Кирилл оглянулся.

— У нас на руках раненый, — сказал старик. — Дело придется довести до конца. Я уже дал ему выпить сонной настойки. Жалко тратить ее впустую. Пока она действует, мы закончим.

Кирилл не верил своим ушам. Старик чудом остался жив. И теперь не молился на радостях, не благодарил спасителя, а только жалел, как бы не потратить впустую драгоценное зелье!

— Дочка, разогревай клин, — приказал старик. — Крис, пойдем, приготовим больного.

Полли стояла у жаровни, держа стальной клин в длинных клещах над огнем. Черный металл уже поседел на конце.

Кирилл достал из-за пояса короткий нож, провел клинком над огнем, чтобы очистить лезвие, и вернулся в барак.

Они уложили руку раненого на табурет рядом с тюфяком, так, что распухшая синяя кисть свисала над полом. Кирилл сел на его локоть и подал нож старику. Тот продолжал непрерывно разговаривать с раненым, который отвечал сквозь сон, вяло и односложно.

— Кожа черной становится, потому что в ней мертвая кровь застоялась. Ты же не хочешь носить в себе мертвую кровь, верно?

— Да...

— Вот мы ее сейчас и выпустим...

— Да...

— Ты сюда из Техаса приехал?

— Да...

Лезвие ножа с легким треском скользнуло по вздувшейся коже, и она расступилась под ним. Гнилостная вонь разлилась в воздухе.

— А правда, что в Техасе от жары на скотине шерсть тлеет?

— Да...

Старик приложил к раскрывшейся ране ножовку, и Кирилл отвернулся, покрепче прижав руку к табурету. Несколько коротких хрустящих движений — и кисть со стуком отвалилась на пол.

Парень заскулил, но тут в барак вошла Полли, держа перед собой клещи с пылающим малиновым клином. Старик бесцеремонно толкнул Кирилла с табурета и согнул обрезанную руку в локте, а Полли сноровисто приложила клин к срезу, из которого хлестала тонкими струйками кровь. Рана зашипела, а парень пронзительно вскрикнул и сразу затих.

— Держи ее так, — скомандовал старик, и Кирилл стал на колени перед табуретом, на который опиралась локтем рука парня. Рана, с белой костью посередине, дымилась прямо у него перед носом.

Старик ловко обмотал культю длинной белоснежной тряпкой и бережно уложил руку на грудь раненого. Тот дышал прерывисто и часто, и его закрытые глаза напряженно жмурились.

— Поздно он нас позвал, — покачал головой старик. — Чего ждал? Вот и остался без руки. Ну да ничего, выкарабкается — как-нибудь. Увезем его. Похоже, за ним никто не вернется. Что у него там было?

Полли присела на корточки над отрезанной кистью, валяющейся в луже крови и перевернула ее остывающим клином, с любопытством разглядывая рану.

— Пуля. Застряла в мякоти у запястья. Его счастье, что пуля маленькая.

— Маленькие пули тоже убивают, — сказал старик, укладывая в сумку свой нож. — Но мальчишку, похоже, хотели только ранить. Кто-то хотел его просто напугать.

— Или выбить ружье у него из рук, — сказал Кирилл.

Он подумал, что, когда парень очнется, его надо будет о многом спросить. Например, где и когда его ранило? Не тогда ли, когда он клеймил украденных бычков? И не подскажет ли он, кто его послал на такое опасное дело? Много вопросов приготовил Кирилл, собираясь неотлучно дежурить у постели больного... Но старик рассудил по-своему.

Из жердей, одеяла и тюфяка они соорудили волокушу и на ней увезли раненого. Старик не разговаривал с Кириллом. Только вернувшись в деревню, он проговорил нехотя, глядя в сторону:

— На этой же волокуше отвезешь своего друга туда, куда вы направлялись. Я не спрашиваю — куда. Мне это незачем знать. И имен ваших я не знаю. Когда меня будет расспрашивать шериф, я расскажу все, как было. Твой друг скоро встанет на ноги. Постарайтесь убраться подальше отсюда. Возвращайтесь в Техас.

— Спасибо за все, — сказал Кирилл. — Могу я узнать, что вы намерены делать с этим парнем?

— Я его вылечу.

— Сначала покажите его шерифу, — посоветовал Кирилл. — Может быть, он сбережет ваши лекарства. Вряд ли стоит их тратить на того, по кому плачет виселица.

Старик бросил на него суровый взгляд из-под кустистых бровей.

— Виселица плачет по убийцам.

— Иногда вешают и скотокрадов.

— Лучше позаботься о своей шее. И забудь дорогу к нашему дому.

5

Когда-то Томас Мерфи соблазнился разговорами о золоте, найденном в Нью-Мексико.

На прииске, куда он добрался, его поначалу поражали местные нравы. Здесь не было воровства. Можно было спокойно оставить в незапертой хижине намытое золото и уйти работать на участок. Бывало, что пропадали инструменты, или вдруг исчезала одна упаковка галет из ящика, но воровства не было. Не было ни драк, ни ссор, потому что на это просто не оставалось времени. Каждый час работы приносил старателю прибыль — иногда десять центов, порой — десять долларов. И люди проводили чуть не круглые сутки на своих

участках.

Когда же вдруг обнаружилось, что какой-то новичок украл у соседа деньги, сорок два доллара, было немедленно созвано общее собрание, на которое, впрочем, пришли не все. Томаса Мерфи избрали судьей, потому что он был самым высоким и сильным. И он, выслушав обе стороны, постановил всыпать воришке сорок два удара плетью по голой спине. Приговор был единогласно одобрен собранием и тут же приведен в исполнение. Весь юридический процесс занял не больше часа, и удовлетворенные старатели разбрелись по участкам.

В следующий раз Томаса Мерфи отвлекли от работы по более серьезному делу. На соседнем прииске возник спор из-за воды. Чтобы намыывать больше золота, старатели давно отказались от кастрюлек и лотков, и уже не работали в одиночку. Шесть-восемь человек объединялись и строили промывочный желоб, к которому нужно было подвести воду через систему рвов и канав. Но где взять столько воды в засушливом Нью-Мексико? Естественно, тот, чей участок располагался у самого источника, был в более выгодном положении. Те же, кто оказался ниже по течению, страдали от нехватки воды. Но разве вода не была общим достоянием, так же, как воздух?

Чтобы их рассудить, и был вызван самый высокий, самый сильный и самый рассудительный старатель с соседнего прииска. Томасу Мерфи пообещали даже заплатить десять долларов за время, потраченное на процесс, независимо от его решения. Он посоветовался с компаньонами и отправился к соседям. Его приговор был простым и понятным. Воздух — это всего лишь воздух, а вода — это инструмент. Человек, первым дошедший до источника и застолбивший его, имел право на всю воду. Просто потому, что он первый.

При голосовании выяснилось, что «право первого» поддерживают даже те, кто сам пострадал от оногo. Ведь рано или поздно все они покинут этот прииск и отправятся дальше. И там-то каждый постарается стать первым и всю использовать свой приоритет.

Нашелся только один несговорчивый смутьян, который начал вопить, что судья подкуплен, что он продал свой вердикт за десять долларов. Его пытались образумить, но он выхватил револьвер. Томас Мерфи, не сходя с судейской телеги, засадил ему пулю в плечо. В левое, чтобы парень не утратил трудоспособности. И собрание вновь признало его решение справедливым.

Когда прииски перестали приносить достаточно золота, старатели подались на новые земли, в Оклахому, чтобы использовать свои навыки и инструменты для добычи угля. Томас Мерфи ушел из Нью-Мексико вместе со всеми, но ему не пришлось махать кайлом или катать тяжелую тачку. Шахтеры единодушно избрали его шерифом.

Он набрал верных помощников и принялся ретиво исполнять новые обязанности, сполна отрабатывая жалованье, которое выплачивала ему горнорудная компания. Как только случилось первое нападение на дилижанс, шериф Мерфи успел схватить грабителей раньше, чем те смогли пересчитать добычу. Он угадал, куда отправятся злоумышленники, и отыскал их логово. Шестеро его помощников окружили неприметную тростниковую хижину и по команде шерифа открыли ураганный огонь из карабинов. Злодеев зарыли там же, хижину сожгли, а награбленное вернули счастливым горожанам. Все были довольны исходом дела. Все, кроме судьи Бенсона.

«Шериф должен ловить преступников, а не убивать их», — сказал Бенсон, услышав об этом случае от посетителей салуна.

С точки зрения юстиции судья Бенсон был подлинным самозванцем. Все знали, что он способен разобраться в любом, даже самом запутанном споре. Но никто уже не помнил, с каких пор хозяина салуна «Бенсон из Ричмонда» стали называть судьей. И никто не знал, в каком году появился его салун на перекрестке степных дорог.

Не одна сотня фургонов проскрипела мимо высокого крыльца, и не каждый из гостей был способен расплатиться звонкой монетой. Кто-то выпивал в долг, чтобы рассчитаться на обратном пути из Калифорнии — но из Калифорнии редко возвращаются... А кто-то

оставлял в салуне вещи, ставшие вдруг обременительными.

Наверно, именно таким образом появилась в салуне книжная полка, на которой с годами собрались манускрипты, необходимые для судопроизводства: Первый, Третий и Четвертый тома «Американского законодательства», «Справочник переселенца в Орегон и Калифорнию», «Автобиография» Франклина, а также несколько разномастных томов Библии.

Судья Бенсон пользовался библией не менее сноровисто, чем шериф Мерфи — кольцом. Любое разбирательство начиналось с того, что все участники поочередно прикладывали ладонь к засаленному переплету и обещали говорить правду. Они и говорили правду, каждый по-своему. Судье оставалось только решить, чья правда была ближе к закону, который дан Богом. Со временем он стал непревзойденным мастером по выискиванию в библейских текстах таких строчек, которые лучше всего подходили к теме судебного заседания.

Приговоры такого суда обычно устраивали всех. Потерпевшая сторона получала возмещение убытков, а ответчик утешался тем, что он мог бы с чистой совестью плюнуть на решение судьи-самозванца, но не делает этого из уважения к Вышестоящей Инстанции.

Горнорудная компания давно уже пыталась выписать настоящего судью, с лицензией, молотком и париком. Но ни один юрист из больших городов не решался отправиться туда, где пришлось бы рисковать не только париком, но и скальпом. Индейцы казались слишком опасными соседями, и страх перед ними почему-то был гораздо сильнее в цивилизованной Филадельфии, чем в дикой Оклахоме. И горнорудной компании пока приходилось смириться с тем, что ее рабочие по-прежнему больше доверяли хозяину салуна, чем администрации карьера.

Шериф Мерфи, конечно, мог упрятать за решетку парня, которого уличили в краже мешка муки. Но шахтеры обязательно потребовали бы выслушать дело в салуне, то есть в суде. А судья мог и оправдать подсудимого, если тот взял мешок в качестве компенсации за задержанную зарплату.

Такое положение дел шерифу не нравилось, поэтому он не вмешивался в дразги, пока не начинали греметь выстрелы. Вот тогда он внезапно появлялся, и его молодчики быстро связывали убийцу, чей револьвер еще дымился. Бывало, что тело проигравшего в дуэли еще не было предано земле, а победитель уже трепыхался в петле.

Несколько таких случаев навсегда отбили у шахтеров привычку к необдуманным высказываниям, а горнорудная компания выплатила шерифу премию за укрепление порядка в поселке.

Но Мерфи мечтал о более крупных поступлениях на счет в банке. Можно было хорошо заработать, если бы в его округе объявился какой-нибудь из преступников, объявленных в розыск. Легко представить, как расстраивался Томас Мерфи, услышав, к примеру, о гибели знаменитого Билла Далтона.

Шайка братьев Далтон была почти в полном составе перебита три года назад в Канзасе. И надо же им было додуматься до такого! Затеять ограбление в городке, где они в юности прожили пару лет! Видно, те шаловливые подростки хорошо запомнились населению Коффвилля. И стоило им, повзрослев, снова появиться на тихой улочке и спешиться возле банка, как уже все мужчины города похватили оружие и сбежались туда же. Как только Далтоны выволокли на улицу мешок с деньгами, они тут же попали под залп десятка дробовиков и дюжины кольтов. И никакой судья Бенсон уже не смог бы им помочь...

Но Билла не было с братьями в тот раз. Незадолго до последнего ограбления он уехал к мамочке в Оклахому, да там и остался. Еще с год он порыскал по соседним штатам, и за его голову сулили хорошие деньги. И вот однажды в начале лета Билл играл с дочкой на крыльце своей фермы. Местный шериф выследил его, подкрался с заднего двора и застрелил на глазах у девчонки. Самое досадное для Мерфи было то, что сам он не раз проезжал через место, где это случилось, — поселок Эрдмор на техасской дороге. И, вполне возможно, захаживал в тамошний салун как раз тогда, когда там же сидел и сам Билл Далтон.

Чужая удача никогда еще не была ему так обидна. Оставалось надеяться только на то, что остатки банды тоже осядут где-нибудь в Оклахоме. У них не было иного пути. Вокруг — в Колорадо, Техасе, Канзасе и Нью-Мексико — кипели стройки, прокладывались железные дороги, росли города. Там прокручивались большие деньги, но их стерегли целые армии полицейских, агентов и охранников.

Только Оклахома пока еще жила по-старому. Сюда стекались все, кто не мог начать новую жизнь на старом месте: бандиты и воры, которые надеялись дожить свой век на маленькой ферме, а также воры и бандиты, которые надеялись пожить на тех, кто доживает свой век в такой глуши.

Рано или поздно объявится скромный новосел, чья фамилия значится в розыскных списках: Чарли Пирс, Крик Ньюкомб, Билли Дулин И рано или поздно Томас Мерфи сумеет заработать свою законную пару тысяч долларов.

Однажды, зайдя в салун, он услышал, как шахтеры судачат насчет вдовы Эда Коннорса. На днях ее видели в лавке, где она купила мужскую рубашку, бритву и еще всякую мелочь, необходимую мужчине. Поскольку старшему сыну, Майку, не было и шестнадцати, жители городка пришли к выводу, что у вдовы завелся хахаль.

Мерфи насторожился. Вряд ли Мойра стала бы тратить на кого-то из своих работников. Значит, парень — со стороны.

Не прошло и часа, как бричка шерифа уже катила в сторону ранчо Коннорсов.

У шерифа Мерфи было много помощников, но двое из них были особо важными — Фредди Лански и метис Чокто.⁴ Лански неотлучно находился при шерифе, с блеском исполняя роль адъютанта. Чокто Дженкинс, наоборот, появлялся рядом с Мерфи только в случае крайней необходимости, когда нужно было кого-то выследить и скрутить, либо догнать и пристрелить. Где он пропадал все остальное время, никого не касалось. Принято было считать, что Чокто, сносно владеющий языками сиу, команчей и кайова, подрабатывает тем, что сопровождает белых торговцев на индейских землях. Наверно, торговцы не были слишком щедры с ним, потому что в участке шерифа метис появлялся вечно в одной и той же рубашке до колен, в разноцветных мокасинах и в синей шляпе кавалериста времен Гражданской войны. Мерфи чуть не пинками выгонял его мыться и переодеваться, прежде чем брал с собой на дело.

Сейчас Лански правил лошадьми, а Чокто скакал сзади.

Ветер гнал им навстречу бесчисленные клубки перекати-поля. Лански, прикрывая от пыли лицо платком, сказал:

— А я еще помню, как тут бизоны бродили. А сейчас — одни колючки катаются. И трава тогда была выше головы.

— Да ты и сам тогда был не выше зайца, — буркнул Мерфи. — Останови здесь, не будем высовываться из-за холма. Дальше пойдем пешком.

Поднявшись на холм, они долго лежали за камнями, наблюдая за домом Коннорса. Работников не было видно. Наверно, все сейчас находились в конюшнях, либо в поле, вместе с табуном. Вот Мойра прошла через двор с тазом, в котором было сложено белье. Принялась развешивать простыни на веревках.

— В доме кто-то остался, — сказал Чокто. — Посудой гремит.

Мерфи ничего такого не расслышал. Но он привык доверять метису, который обладал просто звериным чутьем и слухом.

— Лански, зайдешь сзади, — распорядился он. — Постоишь у сарая. Если кто-то выскочит из задней двери, стреляй.

— Даже если это будет пацан?

— Я сказал «кто-то». Кто-то, кого ты не знаешь. Если чужак боится сам съездить в поселок за бритвой, значит, он в бегах. А раз он в бегах, тебе лучше выстрелить первым.

⁴ Чокто — оседлые индейцы Юга США, переселенные в Оклахому в 1830-е годы.

Понял? Пошли, Чокто.

Они обошли вокруг саманного забора, ограждавшего двор, и остановились у ворот. Мерфи дождался, пока Мойра скроется за рядом висящих простыней и, крадучись, вошел во двор. Ему хотелось застать незнакомца врасплох. Он достал револьвер и бесшумно поднялся на крыльцо. Дверь была распахнута. В кухне кто-то, действительно, возился с посудой.

Они с Чокто ворвались в кухню одновременно. У стола сидел незнакомец, водя брусом по ножу.

— Подними руки и замри! — крикнул шериф.

— Иначе ты мертвец! — добавил метис, ногой отшвырнув табурет и заходя сбоку.

Мужчина медленно отложил нож и встал, поднимая руки. Ему было на вид около сорока. «Глаза карие, нос с горбинкой, волосы черные, слегка вьющиеся»... Шериф попытался составить словесный портрет, но не нашел ни одной приметы из тех, что упоминались в розыскных листах. Ни шрамов, ни выбитых зубов, ни татуировок на руках. Одет прилично, гладко выбрит. Если он и в бегах, то ему явно не приходилось скрываться в пещерах или среди индейцев.

— Назови себя! — приказал Мерфи.

— А кто вы такие, чтобы спрашивать? — невозмутимо поинтересовался незнакомец.

Чокто ударил его револьвером в ухо, и мужчина отшатнулся к открытому окну.

— Стой! Куда? — Метис схватил его за ворот. — Отвечай живо, а то получишь пулю в лоб!

Шериф хотел унять помощника, но внезапно в открытое окно влетело что-то лохматое и рычащее. Собака накинулась на Чокто, вцепившись тому в локоть, и повалила на пол.

Незнакомец бросился к двери.

— Стоять! — рявкнул Мерфи, но тот уже юркнул в коридор.

Шериф отпихнул собаку и кинулся следом. Он увидел спину убежавшего и выстрелил. Мужчина скрылся в соседней комнате, захлопнув за собой дверь. Мерфи не рискнул войти за ним — у беглеца там могло оказаться оружие. Он выбежал на крыльцо и услышал выстрелы на заднем дворе.

Мойра Коннорс стояла среди висящих простыней, прижав ладони к побелевшему лицу.

— Мерфи? Что ты делаешь тут?

— Не мешай, — бросил он и побежал вдоль стены.

Осторожно выглянул из-за угла, держа револьвер перед собой.

— Он... Он тут! — крикнул, задыхаясь, Лански. — Вот он!

Шериф глянул на вытянувшееся на песке тело и повернулся к Мойре.

— Я знаю всех твоих работников. А это кто?

Она кинулась к убитому, путаясь в длинном платье. Опустилась на колени. Кончиками пальцев коснулась двух ран на спине, под лопаткой. Осторожно перевернула тело набок — и ахнула, увидев грудь, залитую кровью.

«Ай да Лански, — подумал шериф. — Черт бы его побрал! Когда не надо, бьет наповал».

— Кто это? — повторил он.

— Это? — Мойра встала и скрестила руки на груди. — Это компаньон мужа. Дик Руби, из Техаса. За что ты его убил?

— Кто может подтвердить, что это Дик Руби, а не Чарли Пирс?

— За что ты его убил?

— Я его не убивал. Он оказал сопротивление. Набросился на моего помощника. Если твой муж был компаньоном бандита, тебе придется ответить на множество вопросов.

Через открытое окно кухни доносились вопли метиса и рычание собаки.

— Уйми своего пса, пока мы и его не прикончили, — сказал шериф, запихивая кольт в кобуру. — Лански, подгони сюда бричку.

Помощник будто не слышал его. Он все еще держал револьвер обеими руками, направив ствол на покойника, лежавшего у его ног.

— Лански!

— Томас... Он выскочил из окна! И набросился на меня! Ты же видел! Я просто защищался! Я не хотел убивать!

— Заткнись. Подгони бричку. Отвезем его в поселок. Сделаем все по закону. Проведем опознание. Может быть, твой выстрел принесет тебе пару сотен.

— Вы не получите ни цента, — сказала Мойра. — Вместо того, чтобы искать убийц моего мужа, вы застрелили честного человека. Тюремная камера или виселица, вот что вас ждет.

Томас Мерфи только ухмыльнулся в ответ. На этой земле он сам решал, кого отправить на виселицу.

— Мойра Коннорс! Когда будешь в поселке, загляни в участок. Мне надо записать твои показания. Ты же знаешь, я все делаю по закону.

6

Владения ирландцев легко было заметить по оголенным склонам холмов и множеству овечьих орешков, рассыпанных на дороге. Овцы основательно поработали над местным ландшафтом, очистив его от травы, и широкая полоса красной земли лучше любого забора защищала огороды от бродячего скота.

Кирилл проехал под высокой аркой из двух согнутых березовых стволов. Наверху раскачивалась под ветром табличка, и на ней виднелись какие-то буквы, но он не успел ничего прочитать, потому что его отвлекла пуля, ударившая в землю.

На макушке холма стоял фургон с высоко поднятым дышлом, на котором развевалась зеленая тряпка. В ней угадывалась хорошо послужившая рубашка, доживающая свой век на почетной должности флага. От фургона еще не отлетел пороховой дым первого выстрела, когда новая сизая струя вырвалась наружу из темной прорехи. Громыхнул добротный раскат пятидесятого калибра, и вторая пуля щелкнула по столбу арки.

— Частное владение! — донесся до Кирилла высокий голос невидимого стрелка. — Поворачивайте назад!

— Отдай! — послышался второй голос, такой же высокий. — Моя очередь!

«Подерутся из-за ружья, — усмехнулся Кирилл. — Ничего не поделаешь, братья есть братья».

— Что за стрельба? — недовольно спросил Энди Брикс.

Кирилл наклонился над другом, лежавшим в волокуше.

— Проснулся? Долго же ты спал.

— Я спал? — Энди откинул одеяло и с недоумением оглянулся. — Как бы не так. Я побывал на том свете.

— Ну, и как там?

— Выглядит не слишком привлекательно. Это пустыня. Я лежал на горячем-горячем песке, а вокруг плясали индейцы с бубнами. Поили меня огненной водой. Потом сам святой Георгий ехал рядом со мной. Он на черном коне, я на белом. До рая оставалась пара миль, и вдруг где-то внизу началась пальба. Ну, Георгий мне и говорит: слетай-ка, мол, Энди, вниз, разберись там и поскорее возвращайся.

— Не торопись возвращаться к нему, — попросил Кирилл. — На земле еще много дел.

— Я и не тороплюсь. — Брикс оглядел себя и ощупал бок. — Откуда взялась белая рубашка? Чья она? У тебя же все рубашки черные. А у меня — синие. Кто меня вырядил в крестьянское тряпье?

— Долго рассказывать. Твоя рубашка пропала. Зато дырки в боку заросли. И ребро склеилось. Ты три дня лежал в корсете из глины и толченого кактуса.

— Три дня? — недоверчиво переспросил Энди. — Ты меня дурачишь? Мы же только что удирали от тех скотокрадов. Смотри, еще и солнце не зашло...

Новый выстрел оборвал его речь. Энди Брикс похлопал по бедру, пытаясь нащупать кобуру.

— Кто там палит все время? Поговорить не дадут.

— Младшие Коннорсы. Кажется, они меня не узнали.

Брикс, кряхтя, выбрался из волокуши. Он стоял, широко расставив ноги, как моряк во время качки. Да и качало его, как в шторм. Он сложил ладони рупором и закричал:

— Чертовы засранцы! Майк! Джимми! Так вы встречаете лучших друзей вашего отца?

— Отсюда не видно, друзья вы или враги!

— Так подпустите нас поближе!

— Я хотел подпустить! А Майк не дал! Да еще и промазал!

Брикс повернулся к Кириллу и сказал осуждающе:

— Вот видишь, что наделала белая рубашка? Меня теперь никто не узнает!

Он забрался в седло и крикнул:

— Ну, хотя бы кобылу мою вы признали?

Спустя минуту из фургона выскочил мальчишка и припустил по дороге навстречу гостям. Второй уселся на передке, с важным видом положив ружье на колени.

— Поехали, Крис. Вот мы и дома. Только не надо рассказывать Мойре Коннорс о том, где я провел эти три дня.

Тронувшись вслед за Энди, Кирилл обернулся, чтобы разглядеть табличку, болтавшуюся под аркой. На *обратной* ее стороне кривыми, но разборчивыми буквами было выведено: «Частное владение. Запретная зона. По нарушителям стреляют. По уцелевшим — дважды».

— Три дня... — задумчиво повторил Брикс. — Кто меня лечил?

— Тут неподалеку живет один колдун. И дочка у него — колдунья...

— Ага! — Энди подмигнул. — Так ты уже, я вижу, околдован? Хорошо, что ты с ними подружился. Полезное знакомство.

— Ну, я бы не сказал, что мы подружились. Пока ты валялся, я тут встретил кое-кого. Кажется, это были те самые ребята, на которых мы с тобой напоролись.

— Были?

Кирилл пожал плечами.

— Так уж получилось. Пришлось стрелять. Я не успел у них ничего спросить. Правда, один из них еще живой. Сейчас его лечит тот самый колдун. И я надеюсь, что нам удастся поговорить с парнем.

— Понятно. Какие еще новости?

— Я нашел их берлогу. Зброшенное ранчо. Думаю понаблюдать за ним.

— Попробуем. Может, что-нибудь и разнюхаем, — с сомнением протянул Энди. — Только мне кажется, что ты слишком резво взялся за дело. Тут полно скотокрадов. Я не собираюсь выводить их всех, как блох. Мне нужны только те, кто убил Эда, понимаешь? Те, кто угнал наших галисенью. А не те, кто ворует бычков.

Рыжий мальчишка подбежал к Бриксу и схватился за стремя:

— Дядя Энди! Вы не нажалуетесь маме? А то она весь день будет нас ругать!

— За что, Джимми? За то, что стреляли?

— Или за то, что промахнулись? — серьезно спросил Кирилл.

— Ой, дядя Крис! Мы бы вас ни за что не узнали!

— А с чего вдруг такие строгости? Это Дик, что ли, поставил вас в караул?

— Нет, не Дик, — сказал мальчишка. — Ружье нам дала мама, и приказала никого не подпускать. А Дик... Он... Его убили, вот.

* * *

Кирилл, Энди и Мойра Коннорс сидели в тени забора на заднем дворе. На том самом месте, где вчера смерть настигла их друга.

— По законам Техаса, Нью-Мексико и Колорадо действия шерифа тянут на убийство первой степени, — сказал Энди. — Уж я-то знаю.

— Мы в Оклахоме, — сказала Мойра. — Здесь нет закона.

— Поэтому мы и не будем подавать в суд, — сказал Энди Брикс и полез в карман за кисетом.

Лохматый пес тут же вылез из-за кучи золы и подбежал к нему, чтоб уткнуться носом в карман.

— Эх ты, попрошайка, — укорил его Брикс. — Думаешь, у меня тут сухарик для тебя? Это тебя Эд приучил, я знаю. У него всегда был запас угощения для собак и лошадей. Как же ты впустил во двор тех ублюдков?

— Он не виноват, — Мойра потрепала пса. — Он старый. Ему сейчас лишь бы поваляться в тени. Если б он умел лаять... Эд нашел его в прерии. Всему научил. Вот только лаять пес не умеет. Наверно, в нем слишком много волчьей крови. Ничего, я все равно возьму его с собой.

— Возьмешь с собой? — переспросил Брикс.

— Мы уедем отсюда. Ты поможешь мне продать ранчо побыстрее?

Энди тщательно утапывал табак в трубке, медля с ответом.

— Не для того я сюда ехал. Что ж, дело твое. И куда хочешь податься?

— Подальше отсюда. Чтобы мои дети не стали убийцами. Я же знаю, о чем они шепчутся. Они уже приговорили шерифа.

— Как насчет того, чтобы пожить у меня? Мелинда будет тебе рада. Про пацанов я и не говорю.

— Мне все равно, куда ехать, — ответила Мойра.

— У меня в Галвестоне дом, — сказал Кирилл. — Я почти все время провожу на шхуне. А дом пустует. Тебе там будет удобно. Работу найдем легко. И ребятам найдется занятие. В порту хватает работы для мальчишек.

— Нет, — сказала Мойра. И улыбнулась впервые за день. — Спасибо, Крис. Но твой дом ждет другую хозяйку. Ту, что войдет в него в подвенечном платье.

— Сговорились вы, что ли? Почему-то всем женам моих друзей не терпится меня оженить.

Энди Брикс строго поглядел на него:

— Я бы тоже был рад, если б ты пригласил меня на свадьбу. Из нашей команды только ты и Дик... — Он запнулся. — Да, Дик так и умер холостяком. По-моему, у него вообще никого не было. Кроме нас.

— Наверно, Дика уже похоронили, — сказала Мойра. — У них это быстро делается.

Может быть, так оно и лучше. Ему все равно.

— А нам не все равно. — Брикс тяжело поднялся со скамейки. — Крис, поехали.

— Не надо, Энди! Я боюсь вас отпускать. Ты плохо выглядишь. Белый, как...

Она осеклась.

— Как покойник? — с усмешкой продолжил Энди. — Это с похмелья. Вчера мы с Крисом немного перебрали.

— Нет, тебе нельзя никуда ехать, — повторила Мойра, схватив его за локоть.

Брикс осторожно разжал ее пальцы:

— Ты же сама понимаешь, что не поехать — тоже нельзя.

* * *

Стоило им отдалиться от ранчо и перевалить через холмы, как поднялся сильный ветер. Настолько сильный, что поначалу Кирилл всерьез опасался, как бы Энди не сдуло с коня. Брикс выглядел как человек, вернувшийся с того света. Его качало, он долго не мог поймать стремя, и в седло поднялся не с первой попытки. Однако с каждым порывом ветра посадка его становилась все уверенней. Скоро он уже смог отпустить поводья и на ходу переоделся, достав новую рубашку и жилет из седельной сумки.

— Как думаешь, Крис? Мойра не обиделась, что мы даже не остались пообедать?

— По-моему, ей сейчас не до нас.

— Как посмотрю на нее, начинаю жалеть, что женился. Прикинь, каково было бы Мелинде, если б та пуля попала не в Эда, а в меня. Нет, братишка, этот мир не больно-то приспособлен для семейного счастья.

— Что теперь? — спросил Кирилл.

— Теперь? Мы здесь, чтобы помочь семье Эда. Раз Мойра хочет уехать, поможем ей уехать. Все очень просто.

— Мы приехали не только из-за нее.

— Ну да. Из-за себя тоже.

— Из-за себя?

— А кому, по-твоему, мешают жить те ублюдки, что убили Эда? Только нам. Кому станет легче на душе при виде их трупов? Только нам с тобой. Вот я и думаю... Нет, Крис, она права. Все против нас. Сначала эти придурки-скотокрады. Потом — Дик... Иногда приходится останавливаться на полпути, поворачивать назад, когда до цели остается один шаг. Может быть, сейчас — как раз такой случай?

Кириллу не хотелось спорить. Энди всегда отличался переменчивостью настроений. Кто-то счел бы это недостатком, ведь мужчина должен быть жестким и непреклонным в движении к цели. Однако в том-то и дело, что к цели ведут не только прямые дороги, но и извилистые тропки. И, как показывает жизнь, тропки — они надежнее.

Однажды Брикс без видимых причин отменил хорошо продуманный налет на почтовый поезд. Вся команда собралась в назначенном месте, но, когда паровоз остановился возле водокачки, Энди не подал сигнала к атаке, а, наоборот, схватил Кирилла за руку и приказал застыть. Так они и простояли все полчаса, пока паровоз заправлялся. Наконец, поезд тронулся, и почтовый вагон с тридцатью тысячами долларов поехал дальше, из Колорадо в Канзас. Как выяснилось через несколько дней, деньги охранялись самим федеральным маршалом и двумя дюжинами его помощников.

Соотношение сил было не в пользу Брикса. Но откуда он об этом узнал? А он и не знал. Ему просто не понравился пассажирский вагон, что был прицеплен рядом с почтовым: в нем были погашены все огни. Обычно в окнах всегда теплится свет. И выключить его мог только тот, кто хотел следить за подходами к поезду, оставаясь незамеченным.

Так очередной каприз Энди Брикса, возможно, спас ему жизнь.

— Что будем делать? — спросил Кирилл.

— Продадим ранчо. Табун я никому не отдам, погоню к себе. А ты вернешься в

Галвестон, на шхуну. Будешь искать сокровища. — Брикс загнал патроны в дробовик и засунул его в седельную кобуру. — Давай поторопимся. Может, его еще не зарыли.

Они не опоздали. Тело, выставленное для опознания, все еще лежало на досках перед аптекой. Голова была приподнята и опиралась на стенку, так что все проходящие могли разглядеть лицо.

Помощники шерифа отгоняли зевак, чтобы те не мешали фотографу, который устанавливал камеру на штатив. Кирилл и Энди постояли в сторонке и, дождавшись магниевой вспышки, подошли ближе.

— Знаете его? — спросил фотограф, доставая из ящика пластинку. — Можете оказать услугу правосудию.

Брикс пожал плечами:

— Правосудие до сих пор как-то обходилось без моих услуг.

Он круто развернулся и зашагал к салуну. Кирилл бросил последний взгляд на умиротворенное лицо Дика. «Прощай, братишка»...

— Плохо дело, — сказал Энди, остановившись перед салуном. — Чертовы фотографы. Расплодились, как мухи. Ты понял, кому нужна карточка Дика? Разошлют по всем полицейским участкам, и в Колорадо или Арканзасе его обязательно опознают.

— Не обязательно, — сказал Кирилл.

— Эх, братишка! Если какая-то гадость может случиться, она случится. Обязательно случится.

Он уселся за стойку бара и огляделся:

— Почему так пусто? Вымерли все?

— Наверно, все на работе, в карьере, — догадался Кирилл.

— Ну и ладно. Текила есть?

— Могу предложить только мескаль, — сказал пожилой бармен с пышной седой шевелюрой и длинными усами.

Брикс махнул рукой:

— Какая разница? Лишь бы глотку обжигало.

Кирилл заметил, подсев на соседний табурет:

— Я только в Мексике узнал, какая разница между текилой и мескалем. И то, и другое гонят из агавы. Но текилу перегоняют дважды. Она крепче и чище.

— И производят ее только в городе Текила, штат Халиско, — добавил бармен, наполняя стопки.

— Вы бывали в Мексике? — спросил Кирилл.

— Нет. Я и в Шотландии не был, что не мешает мне рассуждать о шотландском виски.

— Один наш друг тоже любил виски, — мрачно сказал Энди и опорожнил стопку. — Так любил, что не мог пить его без церемоний. Подавай ему особый стакан, и *обязательно* со льдом. Когда я в первый раз увидел, как он пропускает мимо себя бутылку, пущенную по кругу, я подумал: «Ну и пижон! И как только Остин Крейн принял такого на работу?»

— Вы знали Остина Крейна? — почтительно осведомился бармен.

— Как это «знал»? Я работал на него. И это было лучшее время моей жизни. А тот мой друг, любитель виски, был у Крейна счетоводом. Сидел в конторе, вечно возился с бумагами. Мы поначалу не принимали его всерьез. Знали, что он из Балтимора. А разве городской белоручка с Востока может превратиться в ковбоя? Как приехал в дурацком клетчатом костюме, так и ходил в нем везде. Наверно, такой костюм был один на весь Техас.

Да, мы не сразу поняли, что этот парень был покруче многих. Однажды, когда мы все были в горах, на дом Остина Крейна напала шайка Смайзерса. В доме оставались только женщины с детьми, пара негров и наш счетовод. Негры — не в счет. Дик загнал их вместе с женщинами в кабинет Остина. Там были толстые стены и много книг. Книгами заложили окна, чтобы пули не залетали. А Дик вскрыл оружейный шкаф и устроился на галерее. Выставил в каждое окно по винчестеру и бегал от ствола к стволу.

Когда мы подросли, во дворе валялись двенадцать раненых уродов. Все были ранены

дважды — в руку и в ногу. Они не могли стрелять и не могли удрать. Вот тогда-то мы и узнали, какие бывают счетоводы.

— Вы говорите о войне в графстве Маршалл? — уточнил бармен. — События весны семьдесят пятого года?

— Я бы не назвал ту драку войной. Настоящая война началась лет через пять — шесть.

Бармен достал из-под стойки бутылку с черно-белой этикеткой.

— Виски с винокурни Джека Дэниэла, штат Теннесси. Позвольте мне вас угостить. Кажется, я знаю, о ком вы рассказываете. Точное имя этого человека мне неизвестно. Но в газетах писали о молодом бухгалтере из Балтимора, который бежал на Запад, скрываясь от суда за растрату. Сорок пять тысяч, кажется. Подозревали, что он скрылся на одном из ранчо Остина Крейна.

— Не было никакой растраты, — сказал Энди, отодвигая наполненную стопку. — Его подставили.

— Не сомневаюсь. — Бармен протянул руку Бриксу. — Меня зовут Рэймонд Бенсон. Буду рад помочь друзьям мистера Крейна.

Кирилл удивили познания бармена о событиях двадцатилетней давности. Бенсон с легкостью перечислял имена бойцов с той и с другой стороны, особо выделяя заслуги братьев Брикс — Эндрю и Генри. Помнил он и обстоятельства, при которых закончилась война между двумя мясными баронами — головорезы Смайзерса были амнистированы губернатором, а стрелки Остина Крейна почти все оказались за решеткой, и многих приговорили к смерти.

— Однако, насколько мне известно, ни один из ваших товарищей не был казнен, — заметил Бенсон, снова откупоривая бутылку виски. — Кого помиловали, а кто просто бежал из камеры смертников. А вот людей Смайзерса уже нет на этом свете. Ни одного. Следовательно, справедливость, как всегда, восторжествовала.

— Если бы так... — Энди глянул на Кирилла. — Если бы так...

За окнами салуна послышался скрип колес.

— Гроб, наконец, привезли, — сказал Бенсон.

В салун вошел один из помощников шерифа.

— Судья, у вас тут пусто. Ну, когда наберется народ, скажите, что нужны четверо, чтобы отвезти покойника на кладбище.

Кирилл поднялся первым.

— Мы справимся и вдвоем, — сказал Энди, становясь рядом.

— Вы уверены, мистер? — спросил помощник.

— Вдвоем мы и не с такими делами справлялись.

В поселке, как видно, не было похоронного бюро. А может быть, катафалком и венками пользовались только местные жители. Для чужака же, тем более неопознанного, годилась и простая двуколка. Они погрузили гроб, и могильщик повел за собой ленивых мулов.

Могила была вырыта на самом дальнем краю кладбища.

— Хорошее место, — сказал Энди. — Земля сухая. И вид отличный.

— А почему яма такая мелкая? — спросил Кирилл у могильщика.

— Все равно раскапывать, — ответил тот, опираясь на заступ. — Вон там лежит еще один такой же. Два дня жил в салуне, ждал дилижанса на Гатри. Неудачно сыграл в покер, схватился за нож. И получил пулю в живот. Окочился раньше, чем успел представиться. Ну, зарыли придурка. Через неделю приехал маршал Даррет. Могилу разворошили, открыли гроб, чтобы опознать труп.

— Опознали?

— Вроде того. На подкладке пиджака было одно имя, на шляпе — другое. А еще у парня на шее болтался медальон. Вот по нему-то и узнали, как звали покойника. Говорят, он успел изрядно наследить в Канзасе. Но премию за него никто не получил. А может быть, денежки у шерифа застряли... — Могильщик нахмурился и сплюнул. — Ну, и долго вы будете любоваться на пустую могилу?

Они поставили гроб на песчаный холмик, за веревки стянули вниз и быстро забросали землей.

— Да, отличное место, — задыхаясь, повторил Энди Брикс, оглядывая прерию. — Лучше и не придумаешь. Прикинь, Крис, каково будет тем, кто лежит на тесных городских кладбищах, когда наступит Второе Пришествие. Как они ползут из могил, как будут толкаться, спотыкаться, а потом блуждать между домами по вонючим темным улицам. А тут — встал, отряхнулся и пошел спокойно.

— Куда? — спросил Кирилл.

— Неважно. Тогда уже все будет неважно.

— Вам, парни, будет о чем потолковать с судьей Бенсоном, — сказал могильщик. — Такие разговоры как раз по его части. О Втором Пришествии, о смертных грехах и все такое прочее.

Когда они вернулись в салун, бармен снова достал из-под стойки бутылку от Джека Дэниэла, и Брикс радостно потер руки.

— Признаться, мое мнение о Теннесси изменилось в лучшую сторону, — сказал он, поднимая стопку. — По крайней мере, виски там гнать умеют.

Кирилл не ожидал, что приятель так быстро избавится от кладбищенской печали. И вообще, ему не нравилось, как изменился Энди. Слишком легко тот отказался от дела, ради которого они сюда приехали. Слишком легко пережил смерть друга. У Кирилла еще стояло перед глазами окаменевшее лицо Дика, а Брикс уже оживленно обсуждал с барменом перспективы продажи ранчо Коннора. При этом речь его становилась все менее связной, а взгляд — все более мутным.

— Тебе не стоит, наверно, пить так много, — сказал ему Кирилл. — Вспомни, каково тебе было вчера.

Вчера Брикс еще валялся без чувств, но, кажется, эти несколько дней не сохранились в его памяти.

— Вчера? Нет никакого «вчера», и нет никакого «завтра», — заявил он, подпирая щеку кулаком. — Есть только вот эта секунда. Хлоп! И ее уже нет!

Неожиданно он побелел и завалился набок, едва не упав с табурета. Кирилл успел подхватить его за локоть.

— Почему все кружится? — раздраженно спросил Брикс. — Остановите их! Откуда столько мух? Это приличное заведение или выгребная яма?

Он уронил голову на стойку.

— Готов, — невозмутимо произнес Бенсон. — Вы были правы, Крис. Ему не стоило увлекаться спиртным.

— Он еще не оправился после тяжелой болезни, — сказал Кирилл, удерживая Брикса на табурете.

— Я так и подумал. Наверно, он бы не выпил лишнего, если бы не похороны. Любого тянет к рюмке, как вернешься с кладбища.

— Вот еще! — пробубнил Энди, не раскрывая глаз. — Стану я переживать из-за каждого бродяги!

— У вас тут есть где отлежаться? — спросил Кирилл.

Бармен поглядел в окно.

— Пока никого нет, я провожу вас.

Они поднялись на второй этаж, где были комнатки для жильцов.

— Номер одноместный, — сказал Бенсон. — Но один из вас может переночевать на диване. Сколько вы рассчитываете здесь пробыть?

— До ночи, — ответил Кирилл.

— Лучше задержаться до утра. Ночь — опасное время.

— Ха! — воскликнул Брикс, валясь на диван. — Не знаю никого, кто погиб ночью! Всех моих друзей убили днем! Ночь — опасное время? Ха! Жизнь — вот опасное время...

Не прошло и минуты, как он погрузился в глубокий сон.

— Первый раз вижу, чтобы Энди свалился от пары глотков виски, — виновато сказал Кирилл.

— Похоже, что перед этим он хлебнул снотворного, — заметил Рэймонд Бенсон. — Некоторые настойки действуют весьма долго, особенно в сочетании с алкоголем.

— Вы правы. Его три дня лечили разными настойками.

— Пусть поспит. — Бенсон подоткнул одеяло. — Чем он болел? Лихорадка?

— Нет. Сквозное ранение в грудь.

— Что же вы сразу не сказали? Много было крови?

— Изрядно.

— Красное вино и хороший стейк, вот что его вылечит, — уверенно сказал Бенсон. — Такими лекарствами я вас обеспечу. Можете остаться здесь до полного выздоровления.

— Нет, нам надо вернуться на ранчо.

— Вы серьезно намерены отправиться туда ночью?

— Так спокойнее.

— Не заблудитесь?

— Пока светят звезды, трудно заблудиться. Меня другое беспокоит, — сказал Кирилл, глядя на спящего друга. — Смогу ли я его разбудить?

7

На латунной звезде Томаса Мерфи вместо слова «шериф» было написано — «охрана компании Кребса».

Горнорудная компания подменяла собой государственную власть в этих краях, куда государство еще не дотянулось. Если разобраться, то Мерфи был шерифом только на словах, и с точки зрения закона ничем не отличался от самозванца судьи Бенсона. С точки зрения закона он был обыкновенным наемным сторожем. Ну, может быть, старшим из сторожей. Ему платили только за то, что он охранял собственность компании. Правда, компании принадлежало все вокруг — и дома шахтеров, и их инструменты, и торговые лавки, и товары в лавках. А государство здесь не владело ничем, поэтому даже федеральный маршал⁵ Даррет не мог командовать горняцким «шерифом».

Такое положение вполне устраивало Томаса Мерфи. Особенно тогда, когда кто-нибудь пытался загрузить его лишними хлопотами.

— У нас проблема, Томас! — заявил помощник Лански, вбегая в участок. — Приехал Форсайт, он зол, как черт.

Мерфи выглянул в окно и увидел, что Чокто стоит возле пролетки, запряженной парой дорогих жеребцов. Метис о чем-то беседовал с седоком, которого не было видно за поднятым кожаным верхом. Трое всадников, увешанных оружием, виднелись за коляской.

— Какого черта ему надо? — Мерфи потер звезду рукавом и нахлобучил шляпу.

— Он приехал к инженеру Скилларду, а от него зачем-то к нам завернул. Форсайт просто кипит весь от злости. Говорят, у него пропали ковбои.

— Ну и что?

Скотопромышленник Форсайт не удостоил шерифа ни рукопожатием, ни кивком. Не слезая со своей коляски, он заговорил раздраженно и без вступлений, словно продолжая давно начатую беседу:

— Могу сказать, что меня весьма удивляют некоторые местные обычаи. Ладно, индейцы забирают у меня несколько коров каждый раз, когда я перегоняю стадо мимо их вонючих шалашей. Я понимаю, это местный обычай. Ладно, моих ковбоев убивают из-за

⁵ Федеральный маршал — полицейский чиновник, назначается Президентом, представляет исполнительную власть в федеральном суде. Его задачи и полномочия такие же, как у шерифа, но он не зависит от местных властей.

угла. Это тоже понятно. Видимо, здесь гордятся умением метко стрелять в спину.

Но, черт возьми, я нигде не сталкивался с обычаем оставлять убитых на растерзание койотам и стервятникам! Если у вас тут не принято хоронить покойников, то, может быть, мне придется самому научить вас, как это делается у белых людей?

— Привет, Скотт, — спокойно ответил Мерфи, не сходя с крыльца. — Могу я быть чем-нибудь полезен?

— Не думаю, Томми.

Форсайт грузно откинулся на спинку, и коляска жалобно заскрипела, а кучер натянул вожжи, успокаивая лошадей.

Мерфи поскреб подбородок, что означало крайнюю степень задумчивости. Поведение Форсайта было непонятным. Если он приехал просить помощи, то зачем же сразу от нее отказываться? Если же мясной барон приехал жаловаться на трудности жизни, то вряд ли он здесь найдет сочувствие. В его голосе звучал неприкрытый вызов, хотя он и не произнес ничего оскорбительного. Все это очень походило на то, как задираются пьяные в салуне.

Томас Мерфи несколько веселых лет отработал вышибалой в нью-йоркском кабаке, и прекрасно помнил, что кровавые побоища начинаются с безобидных словечек. Но Форсайт был трезв, и проехал с десятков миль — неужели ему не к кому было придаться в своих владениях?

— Мне очень жаль, что у тебя опять кого-то грохнули, — сказал Мерфи.

— Не «кого-то», а моих работников, — Форсайт снова встал в коляске. — Четверых, шериф, четверых. Неделию назад они уехали в патруль на южный край пастбища, и с тех пор их уже никто не видел живыми.

— Бывает, — сказал Мерфи сочувственно. — Здесь часто пропадают и люди, и скот.

— Ах, «бывает»? А бывает такое, что через несколько дней одного из пропавших находят на северном краю пастбища, другого за рекой, а остальных не нашли до сих пор? Кто-то убил моих людей, шериф, и разбросал их тела по округе. Разбросал на съедение птицам и зверям.

— Они были раздеты? — спросил Мерфи. — Их скальпировали? Может, кастрировали?

— Этого только не хватало!

— А лошади нашлись?

— Конечно, нет! Ни лошадей, ни оружия.

— Индейцы, — сказал шериф Мерфи. — Больше некому. Твой скот пасется на землях, где они жили слишком долго. Ничего не поделаешь, краснокожие до сих пор считают, что они тут хозяева. Говорят, где-то поблизости видели банду шайенов из Колорадо.

— Это все, что ты можешь мне сказать, шериф?

— Мои шахтеры тут не замешаны. Я не отвечаю за бродяг и ковбоев. Тем более — за индейцев. Если они так уж тебе мешают, почему бы не вызвать армию?

Форсайт стоял в коляске, заложив большие пальцы в кармашки жилета, и долго не отвечал, обводя взглядом площадь. Убедившись, что все присутствующие смотрят на него, он как бы задумчиво, но довольно громко произнес:

— Если тебе плевать, что индейцы не дают житья белым людям, то почему бы нам не выбрать другого шерифа?

Мерфи с деланным сочувствием развел руками:

— Не тебе меня выбирать. Ты не работник компании.

— Да, к счастью, я свободный человек. И живу в свободной стране. И я сам позабочусь о своих людях! — с этими словами Форсайт снова опустился на скамейку, и догадливый кучер щелкнул бичом.

Повозка с грохотом развернулась и укатила, а вслед за ней, глотая пыль, поскакали охранники.

— Здорово вы его отшили, босс, — восхищенно сказал Лански.

— Учитесь, парни, как надо разговаривать с богачами. Подумаешь, скотопромышленник! — насмешливо протянул Мерфи. — Никто его сюда не звал. И

защищать его здесь никто не собирается.

Он вернулся за стол и принялся разбирать и чистить револьвер. Это занятие всегда помогало ему успокоиться.

Томаса Мерфи чуть не трясло от злости после беседы с Форсайтом. Этот толстосум не был похож на обычного мясного барона. Его лицо было бледным и гладким. Он не ездил верхом и не носил оружия, и его голосу вряд ли подчинилась бы хоть одна, даже самая робкая, корова. Он никогда не управлял стадом, но, как видно, привык повелевать людьми. Он умел оскорбить человека, не повысив голос и не произнеся ни одного грубого слова.

Возможно, это скотопромышленник какой-то новой породы. Он может сидеть в своей конторе, задрав ноги на стол, и глядеть в окно. А за него все сделают наемные работники — ковбои, ветеринары, стрелки, резники, скорняки и рубщики. Он будет курить сигару за сигарой, а за окном телята будут превращаться в бычков, потом — в мясные туши, потом — в хрустящие банкноты. И только тогда Форсайт оторвет свою задницу от кресла, чтобы пересчитать деньги и сложить их в сейф. Нет, даже это за него сделают бухгалтер и кассир. Но тогда — зачем он нужен, этот Форсайт?

Мерфи чертыхнулся, потому что пружина спускового крючка вдруг распрямилась и вырвалась из пальцев. «Ну и ладно, — подумал он, — все равно ее давно пора заменить». Он вставил новую пружину, а заодно разобрал даже рукоятку, сделанную из оленьего рога, чтобы вычистить грязь, накопившуюся в стыках.

«Наставить бы ствол на Форсайта, — подумал Мерфи. — Просто чтобы посмотреть, как у него затрясутся губы от испуга. Вот бы подловить его на какой-нибудь незаконной сделке.... Да нет, у этих парней всегда все шито-крыто. Да и с властями они дружат. Попробуй тронь его, сразу побежит к маршалу Даррету».

Вспомнив о Даррете, шериф снова захотел разобрать пару револьверов. Маршал приезжал в шахтерский поселок зимой, после того, как убили Коннорса. И тогда Томасу Мерфи показалось, что Даррет слишком озабочен заурядным происшествием. Он самолично объехал все индейские стойбища в округе, чтобы побеседовать со стариками. А потом заставил Мерфи расспрашивать всякую пьянь — может, кто слышал, куда делись лошади, которых перегонял к себе Коннорс. Уж больно они были приметные, таких тут никто не держал — галисеньо, мексиканские пони...

Угоны скота были обычным явлением. Если сразу не удавалось сесть ворам на хвост, то любые поиски были бесполезны. Лошадей Коннорса давным-давно продали и перепродали где-нибудь в Техасе или на знаменитом воровском рынке в Коффвилле, по двадцать баксов за голову, не дороже. Пусть хоть трижды породистые, а больше двадцатки за ворованных лошадей не дают.

Суетливость, проявленная маршалом, была крайне неприятна Томасу Мерфи. Он догадывался — причина излишнего рвения кроется в том, что с Дарретом поговорил прежний хозяин лошадей, мистер Уильям Смит из Аризоны. Наверно, такой же тип, как Форсайт. Богачи тем и отличаются от бедняков, что никогда не могут смириться с потерями. Они готовы потратить тысячу долларов, лишь бы вернуть себе украденную десятку — и наказать вора. А этот Смит, как видно, не успел содрать с Коннорса всех причитающихся денег. Если лошади не найдутся, у него достанет совести выставить счет и вдове...

«Нет, — подумал Томас Мерфи. — Если мне еще раз предложат записаться в помощники федерального маршала, я снова откажусь. Одно дело стеречь шахтерское барахло да разнимать пьяных, и совсем другое — выслуживаться перед богачами».

Он посмотрел в окно — и застыл. Прямо перед крыльцом стояла пара низкорослых крепких лошадок. Томасу Мерфи не надо было заглядывать в справочники по коневодству, чтобы понять — это галисеньо, которых никогда прежде в округе не было.

— У нас опять гости, — доложил Лански. — Питер Уолк привез какого-то калеку. Говорит, тебе не помешает на него взглянуть.

— К черту Уолка! — Мерфи подошел к окну. — Чьи это лошади?

— Я же говорю, Уолк приехал.

Шериф и сам мог бы догадаться, кому принадлежат галисенью. Таких ладных и чистых фургонов не было ни у кого, кроме Питера Уолка из Мертвой долины. Обычно он запрягал пару, но на этот раз приехал на четверке. За двумя галисенью стояли лошади покрупнее, но той же масти — гнедые, с аккуратно подстриженным хвостом.

— Не вижу Уолка.

— Он в скобяной лавке. А шериф, говорит, пускай пока заберет раненого.

— Какого еще раненого?

— В фургоне лежит. Я ему говорю, мол, тут у нас не лазарет. А он...

— Заткнись. — Мерфи порылся в бумагах и нашел записку Даррета насчет галисенью. «Премия за каждую возвращенную лошадь — сто долларов. Все жеребцы гнедой масти, две кобылы тоже, три другие — бурые. Тавро в виде круга»... — В виде круга? Ну, пойдем, посмотрим.

Лански откинул задний полог фургона и, встав на подножку, заглянул внутрь.

— Эй, приятель! — Он оглянулся на Мерфи. — Томас, да тут, вроде, не раненый, а убитый.

— Посмотрим, посмотрим, — рассеянно ответил шериф, разглядывая тавро на бедре галисенью. Оно имело форму восьмерки. Очень крупной восьмерки. Как раз такой, чтобы перекрыть старое тавро. — Посмотрим... Что ты там бормочешь?

— Томас, да он не дышит!

— Позови-ка сюда Уолка.

Питер Уолк вышел из скобяной лавки, неся на плече ящик с гвоздями.

— Я думал, вы его уже вытащили, — разочарованно протянул он. — Ну, и куда прикажете складывать гвозди? У меня их будет двадцать четыре ящика. Давайте-ка я вам помогу выгрузить бедолагу...

— Не спеши, — остановил его шериф и забрался в фургон.

На соломе, прикрытой грубым полотном, раскинулся тщедушный юнец с редкой бородкой. Глаза его были неплотно закрыты, и казалось, он следит за вошедшими из-под опущенных век. Он тяжело и неровно дышал. Одна рука лежала под головой, другая, без кисти, была обмотана белой тряпкой и покоилась на груди.

Питер Уолк откинул задний борт фургона.

— Отец сказал, что это очень важно, вот я и привез бедолагу к вам. А заодно заберу в лавке свои гвозди. Я их еще осенью заказал.

— Понятно. Если б не гвозди, черта с два ты бы сюда поехал. Опять строишься?

— Понемногу, с Божьей помощью.

— Эй, амиго, слышишь меня? — Шериф потеревил раненого за плечо. — Да нет, похоже, что разговор у нас не получится. Что с рукой?

— Гангрена была, — пояснил Уолк, поставив тяжелый ящик в кузов. — Половину руки пришлось отнять. А началась гангрена из-за пули, которая сидела в руке. Если б отец опоздал, стало бы одним покойником больше.

— Где вы его подобрали?

— На заброшенном ранчо. Отец говорит, приятели бросили парня умирать. Даже воды ему не оставили.

— Кто говорил с ним?

— Да с ним не поговоришь. Он бредит.

— Бредит? В бреду можно услышать немало полезного. Он называл какие-то имена, клички или, к примеру, города?

— Я не слышал ничего такого.

Мерфи еще раз взгляделся в незнакомое лицо.

— Он не наш. Не с карьера. И среди ковбоев я его никогда не видел.

— Давайте выгрузим бедолагу, — нетерпеливо предложил Уолк. — Может быть, его кто-то узнает. Или он сам о себе расскажет, когда придет в себя.

— Ты предлагаешь положить его у дороги? — спросил Мерфи. — Или бросить на

забор, как тряпку?

— Разве больше некуда?

— Мне нужно время, чтобы определить парня куда-нибудь.

— А мне нужно грузиться. Как же быть? — Питер Уолк почесал затылок. — Пока ты будешь думать, я потихоньку начну укладывать ящики. И все останутся довольны. Верно?

Мерфи спрыгнул на землю и, проходя мимо лошадей, снова глянул на тавро. Оно было аккуратным и четким, и непохоже на переделку. Однако он хорошо знал, как ловко работают конокрады и их сообщники, сбытчики краденого.

Вернувшись в участок, он растолкал Чокто, спавшего в углу на лавке.

— Умойся. Переоденься во что-нибудь приличное. Потом оседлаешь мою молодую кобылу и отправишься в город. К Даррету. Пусть он выпишет и передаст с тобой ордер на арест Питера Уолка. Обвинение — скупка краденого. Свидетелями пусть запишет меня, Лански и тебя. Ты все понял?

Метис зевнул.

— Вроде все понял. — Он почесал затылок. — Только одно не могу понять: а умываться-то зачем?

— Затем, чтобы маршал пустил тебя на порог! — рявкнул Мерфи.

В окне было видно, как Питер выносил из лавки на дощатый тротуар небольшие, но тяжелые ящики. Затем он принялся перетаскивать их в свой фургон. Лошади встряхивали ушами каждый раз, когда он с грохотом ставил очередной ящик на дно кузова. Когда на тротуаре осталась только пара ящиков, Мерфи, не отворачиваясь от окна, сказал:

— Лански! Ну-ка, пригласи его сюда. А сам беги в контору. Если инженер Скиллард там, пусть даст телеграмму в Аризону. Мол, лошади нашлись, пусть хозяин приезжает для опознания.

— Какие лошади?

— Не твое дело. На обратном пути зайди за фотографом. Нам не помешает портрет этого однорукого. Возможно, его узнают соседи.

Уолк вошел, отдуваясь и вытирая пот со лба.

— Шериф, ты меня задерживаешь. Я уже начинаю жалеть, что связался с этим делом.

— Э, друг, ты еще не знаешь, с каким делом связался, — многозначительно произнес Мерфи. — Кажется, у тебя новые пони?

— Пришлось подпрячь, уж больно тяжелый груз. Две дюжины ящиков по пятьдесят фунтов. А я не люблю лошадей мучить.

— Откуда они у тебя?

— Купил.

— Я понимаю, что не нашел в кустах. У кого купил? Когда? По какой цене?

Уолк вытряхнул платок, аккуратно свернул его и уложил в нагрудный карман.

— Я жду, — сказал Мерфи. — Отвечай.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мне за это платят. Я должен спрашивать, если чего-то не знаю.

— Ну, от меня ты не много узнаешь. Этих пони покупал не я. Сестра ездила на ярмарку, хорошо поторговала, на выручку приобрела новую сеялку и пару лошадок. Про сеялку могу рассказать больше. Произведена на заводе Маккормика, трехрядная...

— Не прикидывайся дураком, Уолк. Что за тавро такое — «восьмерка»? Я знаю все конюшни в округе, знаю все клейма. «Восьмерка» до сих пор не встречалась.

— На ярмарке можно и не такое встретить, — спокойно ответил Уолк. — Для того их и устраивают, ярмарки, чтобы каждый мог найти что-то новое.

— Ярмарки устраивают не для того, чтобы сбывать краденое.

— О чем ты, шериф?

— Да все о том же. Ты слышал, как погиб твой сосед Коннорс? Если подзабыл, я тебе напомню. Он перегонял табун. Его застрелили, а лошадей похитили. Это были галисеньо, гнедые жеребцы. Точно такие, на каких ты приехал.

— И тавро точно такое? — побледнев, спросил Уолк.

— Его несложно переделать. Надеюсь, ты не потребуешь проверки?

Уолк опустился на стул и расстегнул ворот рубахи. Проверить подлинность тавра можно только одним способом — забить животное и посмотреть на его шкуру изнутри. Так поступают с бычками, когда возникает спор о принадлежности стада. Одним бычком меньше — не беда. Но погубить лошадь — совсем другое дело...

— Я отдал за эту пару сто долларов, — наконец, сказал Уолк. — Сестра не стала бы покупать лошадей, если б у продавца не было документов. И сам подумай, шериф: стали бы убийцы Коннорса ждать весны, чтобы продать похищенных лошадей?

— Зачем мне думать? — Мерфи пожал плечами. — Думать будет судья. Вот ему ты все и расскажешь. И про сестру, и про сеялку и про то, какие замечательные бумаги были у того продавца на ярмарке. А уж судья решит, чего стоят твои слова. Питер Уолк, я должен арестовать тебя.

— Арестовать? За что?

— За скупку краденого. А также по подозрению в причастности к убийству Эда Коннорса. — Мерфи подвинул к нему пустую коробку из-под галет. — Складывай вещи сюда. Не бойся, ничего не пропадет. Завтра же поедем в город, и Даррет попросит, чтобы наше дело рассмотрели в первую очередь. Я же знаю, у тебя вечно забот по горло. Но эту ночь, ты уж извини, тебе придется провести в участке. Таков порядок.

Уолк расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. На его щеках проступили красные пятна.

— Шериф, ты же меня знаешь!

— Именно поэтому мы тут сидим вдвоем. Без посторонних. И заметь, я не стал надевать на тебя наручники.

— Премного благодарен! Но дай мне хотя бы съездить домой! Я вернусь к вечеру, честное слово!

Мерфи сокрушенно развел руками:

— Тебе-то я верю. Но ты и сам знаешь, какие опасные у нас дороги. Вот, Форсайт жалуется, что у него пропали четверо ковбоев. Если такие крутые ребята пропадают, кто поручится за твою безопасность? Мирному фермеру вроде тебя лучше пересидеть ночь под защитой шерифа. А то и до суда не доедешь.

— А мои гвозди? — с отчаянием спросил Уолк. — Их растащат, пока я буду торчать в суде!

— Не беспокойся за свои сокровища. Думаю, с твоим фургоном ничего не случится.

— Сомневаюсь, — буркнул Питер. — Пять минут назад я тоже думал, что со мной ничего не случится.

8

На рассвете Кирилл слышал звонкие размеренные удары — кто-то молотил по висящему куску рельса. Скоро в домах зашкрипели двери, и улицы поселка заполнились толпой. Это было мрачное зрелище. Сотни мужчин в одинаковых черных робах шагали туда, где из-за холма выглядывали деревянные вышки и курганы вынудой породы. Там был карьер, и там их ждала работа.

Кирилл поймал себя на том, что немного завидует шахтерам. По крайней мере, они точно знали, куда идут и что их там ждет. А вот он чувствовал себя так, будто посреди океана попал в туман при полном штиле.

Энди снова впал в спячку. Его дыхание было ровным и тихим, почти незаметным. Кирилл позвал его, потом потеревил за нос — безрезультатно. «Колдовское зелье все еще действует», — подумал он и отправился вниз. Позавтракав в компании Бенсона и его прислуги, пожилой мексиканки, Кирилл отправился в конюшню. Расчистил копыта сначала кобыле Брикса, а потом своему мерину, и долго распутывал колтуны в гриве. Это занятие

когда-то казалось ему совершенно бессмысленным, а сейчас почему-то доставляло удовольствие. Наверно, потому, что он давно уже не возился с лошадьми.

После обеда он решил заглянуть в лавку, за гостинцами для юных Коннорсов.

На площади стоял фургон, вокруг которого сгрудилась небольшая толпа. Кирилл сразу узнал кряжистую фигуру Питера.

Тот стоял поодаль, угрюмо наблюдая, как выпрягают лошадей. Заметив Кирилла, он вяло улыбнулся:

— Привет. Как здоровье твоего друга? Он все еще спит?

— Нет, проснулся.

— Ненадолго, — сказал Питер. — Поест и снова заснет.

— Так и получилось, — признался Кирилл.

— Ты его не буди, ему надо отлежаться.

— И сколько дней это займет?

— Не знаю. Некоторые лежат неделю, некоторые — три дня. — Питер с досадой махнул рукой: — А у меня горе. Только успел порадоваться парочке пони, как их у меня отнимают. Говорят, краденые. Надо ехать в город, разбираться. Надеюсь, их хозяин приедет раньше, чем они околеют от старости. Теперь вот думаю, как быть с фургоном? Его же растащат, пока меня не будет.

— А когда ты вернешься?

— Если бы знать... Я предлагал целый доллар любому, кто перегонит фургон за реку, ко мне домой, и никто не берется! Оно и понятно. Народ у нас больно пугливый. Смелости хватает только на то, чтобы растащить чужое добро, едва хозяин отвернется.

— Перегнать фургон? Что ж, я помню дорогу к твоей ферме, — сказал Кирилл. — С удовольствием прокачусь.

Лицо Питера осветилось улыбкой:

— Спасибо. Это как с тем дубом, помнишь? Я ждал, что ты сам предложишь помощь.

— Да разве это помощь? Вот если бы я нашел для тебя хорошего адвоката...

— Мы тут разбираемся без адвокатов. Приедет хозяин, он узнает своих лошадей. Или скажет, что это не его лошади. Так тоже бывает.

— Будем надеяться.

Они подошли к фургону.

— Шериф, я договорился! — сказал Питер. — Вот — мой друг, Крис. Он отгонит фургон за реку, и тебе не придется сторожить мое имущество. Давайте вытащим раненого, и покончим с этим делом.

— Чтобы покончить с этим делом, незачем вытаскивать раненого, — ответил шериф. — Раз уж твой фургон возвращается домой, то пусть и парень вернется туда, откуда приехал. Твой отец взялся за лечение, ему и дальше лечить. А когда больной сможет отвечать на вопросы, я его допрошу. Ну, а если лечение не поможет... У вас, Уолков, много пустующей земли. Найдется местечко и для могилы.

— У нас нет пустующей земли. Нет кладбища. И отец не даст ему умереть.

— Посмотрим, посмотрим, — усмехнулся шериф, внимательно оглядывая Кирилла. — Откуда приехал, друг?

— Галвестон, Техас.

— Техасцы считают себя самыми крутыми, особенно когда попадают в Оклахому.

— Я не считаю себя ни крутым, ни техасцем.

— Посмотрим. Имей в виду, если потеряешь по дороге хоть один гвоздь, мистер Уолк выставит неустойку. А если раненый по дороге загнется, то тебе придется отвечать перед законом. Так что вези его бережно, как беременную жену.

Кирилл догадывался, что за раненый лежит в фургоне. Его почти не удивило то, что их дороги снова пересеклись.

— А что, в поселке нет лекаря? — спросил он.

— Есть, — сказал Питер. — Но он лечит только шахтеров. А этот бедолага — чужак.

Его никто не знает. Крис, скажи отцу, что я немного задержусь в городе. Гвозди пусть сложит в сарай при мельнице, мы будем строить новый амбар. Но без меня чтоб не начинали. Передашь? Не хочу, чтобы мои зря волновались.

— Передам.

Кирилл вернулся в салун и сказал Бенсону:

— Мне надо отлучиться.

— Ясно. Мы позаботимся о вашем друге. Что ему передать, когда он проснется?

— Да я ненадолго, — сказал Кирилл. — Впрочем... Если задержусь, то пусть он возвращается на ранчо Коннорса. Там и встретимся.

Он подвязал поводья своего мерина к задку фургона, перебрал вожжи и устроился поудобнее на сиденье. Дорога предстояла долгая. Верхом он добрался сюда за пару часов. Значит, теперь путь займет часа четыре. И минут пятнадцать на то, чтобы увидеть Полли...

Ему было стыдно признаться в этом самому себе, но если бы не Полли, он бы не взялся за перегон. Он даже не надеялся перекинуться с ней парой слов. Хотя бы увидеть еще раз. Может быть, старик разрешит ему задержаться. Должен же кто-то разгрузить фургон? Да и раненого надо будет перенести куда-то.... Он оглянулся. Раненый лежал в узком пространстве между ящиками. «Как в гробу, — подумал Кирилл. — Надеюсь, он не отдаст концы раньше срока. Очень хочется с ним потолковать».

Он уже был готов тронуться, когда к фургону подошел один из помощников шерифа. Его рука была по локоть обмотана окровавленной тряпкой.

— Дай-ка я гляну, кого ты везешь.

Когда он протиснулся под откинутый полог, Кирилл невольно отвернулся, не выдержав вони давно не мытого тела. К счастью, шериф закричал с крыльца:

— Чокто! Дженкинс, черт бы тебя побрал, ты еще здесь!

— Ты сам приказал, чтоб я переоделся, — проворчал помощник, выбираясь обратно. — А теперь чем-то недоволен.

— Ну что, налюбовался? Знаешь его?

— Нет.

— Дженкинс, глянь на парня повнимательнее, — сказал шериф.

— Могу и глянуть. От этого ничего не изменится. Я его не знаю.

— Ну, тогда нечего тут торчать! — заорал шериф, не в шутку разозлившись.

Кирилл щелкнул вожжами, и фургон тронулся. «К вечеру вернусь», — подумал он.

Перед дорогой нельзя загадывать, когда вернешься. Ни вслух, ни в мыслях. Кирилл знал это правило, но, как всегда, вспомнил о нем слишком поздно. И, проехав мимо последних барачков поселка, он остановился. Не поленился сходить за винчестером, который остался в седельной кобуре, и за пачкой патронов. Положил карабин за сиденье, а пачку распечатал и пристроил рядом, в удобной нише. Наверно, Питер держал тут флягу с водой. Что ж, у каждого свои привычки.

Кирилл привстал и огляделся. Дорога уходила вдаль, теряясь за холмами.

— К вечеру вернусь, — упрямо повторил он и взмахнул кнутом.

* * *

За последние годы он привык, что его повсюду сопровождает команда. На шхуне ему почти ничего не приходилось делать самому. Курс прокладывал капитан, матросами командовал боцман, и даже кок не нуждался в его помощи.

Сейчас Кирилл чувствовал себя довольно неудобно, правя лошадьми на безлюдной дороге. Но примерно через час он заметил между холмами двоих всадников.

В этих краях любой незнакомец может оказаться врагом. Но враг, которого видишь, не опасен. И Кирилл спокойно следил за тем, как они приближаются.

Они двигались наперерез фургону. Но не слишком быстро, и, достигнув дороги, оказались у Кирилла за спиной, примерно в двух сотнях шагов. Ему приходилось то и дело

оглядываться, чтобы не терять их из виду. Их кони мерно шагали, не догоняя его, и не отставая. Впрочем, было довольно трудно отстать от тяжело груженого фургона, который неспешно катил по пыльной дороге.

Кирилл не подгонял своих лошадей. Они лучше него знали, с какой скоростью и в каком направлении двигаться. Эта пара гнедых была командой, которая способна управиться со своим делом без начальства. Начальство нужно для того, чтобы оплатить их труд — овсом и свежей водой. Ну и еще для того, чтобы защитить от разных опасностей.

Пока же он позаботился о том, чтобы защититься самому. Надвинул тент ближе к передку, словно в ожидании дождя. Теперь он не мог видеть, что творилось сзади и с боков. Но и сам стал невидим для преследователей. Точнее, для того, кто хотел бы ссадить его дальним выстрелом в спину.

Впрочем, мало ли по каким делам могли ехать эти двое? Вон за холмами проплыло белое пятнышко — еще чей-то фургон катит по прерии курсом «северо-северо-запад». А двум всадникам, возможно, надо попасть за реку. Конечно, они могли бы скакать чуть быстрее. Но, может быть, их лошади устали?

Через полчаса он заметил позади еще один силуэт. Кто-то мчался со стороны поселка.

«А этого мог послать шериф, — думал Кирилл. — Я бы на его месте не доверил перевозку раненого случайному человеку. Возможно, он спохватился и послал сопровождающего. Надо было сказать ему, что я — друг Эда Коннорса. А может, и не стоит ему этого знать...»

Его охватила смутная тревога, стоило вспомнить про Эда. Могло ли быть случайностью то, что за короткое время погибли двое друзей, и третий был на волосок от смерти? Энди Брикс чудом выжил. Да, чудом, и у этого чуда есть имя. Полли...

Кирилл порадовался, что едет один, и никто не видит, как глупо он сейчас улыбается. Скоро он увидит ее. Увидит и поговорит. Ему хотелось слышать ее голос. Как она смотрела на него там, на ранчо, когда он уложил троих придурков! Да ради нее он способен и не на такое...

Он думал о ней, и жизнь постепенно снова наполнялась хоть каким-то смыслом. Не было никакого смысла ехать сюда, чтобы отомстить за Коннорса. Его гибель была естественной, как от удара молнии или от лавины. Такие уж тут края... Совсем другое дело, если бы Эд погиб от руки наемного киллера. Тогда месть превратилась бы в самозащиту. Ведь тот, кто убил кого-то из твоей команды, может добраться и до тебя. На этом основана кровная месть, древнейший принцип взаимоотношений между соседними пещерами.

«Ну а как же быть с Диком? — спросил он себя. — Тоже естественная смерть? А с Бриксом? Не слишком ли много крови даже для такого славного местечка, как Оклахома?»

На этом месте ход его рассуждений был прерван топотом копыт. Трое всадников стремительно настигали его.

Дорога шла над краем оврага. «Удобное место, — подумал Кирилл. — Если они хотят напасть, сделают это здесь. Если же проедут мимо, значит, я стал слишком пугливым».

Он расстегнул кобуру и сдвинул ее под руку.

Один из них догнал его и поехал справа по обочине, над самым краем оврага. Коню приходилось продирается через низкий кустарник. Если бы кони умели ругаться, всаднику пришлось бы выслушать немало интересного — ведь другая обочина была гораздо удобнее.

Кирилл почувствовал знакомый холодок в груди, как всегда перед неизбежной схваткой. Противник занял позицию справа, потому что оттуда удобнее стрелять.

Выпустив поводья, Кирилл достал огрызок сигары из кармана рубашки, но прикуривать не спешил. Спички лежали на сиденье, рядом. Он потянется за ними, и даже возьмет. Старый трюк, маскирующий движение руки к револьверу, не раз выручал его в портовых кабаках. Иногда даже удавалось обойтись без стрельбы — забиякам оставалось только изумленно хлопать глазами, и их воинственный порыв моментально угасал...

Краем глаза он разглядел того, кто ехал рядом. Типичный ковбой с небогатого ранчо. Залатанная рубашка, старые сапоги. Поводья держит одной рукой. Вторая — на дробовике,

который лежит поперек седла. Кирилл увидел, что курки не взведены и понял, что у него в запасе есть время.

— Послушай, друг, — дружелюбно начал ковбой. — Ты, вроде, работник старого Лукаса?

Кирилл отрицательно мотнул головой.

— Но это ж его фургон, так?

Кирилл кивнул и обернулся. Слева фургон нагнали двое — бородач в длинном плаще и индеец в замшевой рубахе. Эти уже не были похожи на ковбоев. И седла у них были не ковбойские. Зато каждый держал на колене обрез дробовика.

Бородач придержал коня, оставшись сзади. «Этот будет стрелять в спину», — подумал Кирилл.

— А что везешь?

Вместо ответа он пожал плечами.

— А чей мерин сзади подвязан? Твой?

Продолжая играть в молчанку, он кивнул.

— Ты не из Техаса? Вроде я тебя где-то видел. Может, ты работаешь на Дэна Мосли?

— Я работаю на себя, — лениво процедил Кирилл и потянулся за спичками.

— Что, сильно крутой? — насмешливо прищурился ковбой. — То-то я смотрю, что ты пустился в одиночку за реку.

— А что, у вас все ездят толпой?

— Не все. А только те, кому жить охота.

Кирилл уловил за спиной еле слышный скрип и щелчок. Он понял, что бородач взвел курок дробовика.

Разговор кончился гораздо раньше, чем следовало бы. Что ж, не всякий владеет искусством непринужденной беседы на безлюдной дороге.

Он оттолкнулся ногами от бортика и повалился внутрь кузова, прямо на раненого. И в этот же миг загрохотали выстрелы. Полотно тента трещало и вспыхивало рваными дырами, и сквозь них врывались струи дыма. Кирилл лежал между ящиками, по которым молотила картечь, и считал выстрелы. «...Пять, шесть. Все, хватит. Или будете перезаряжаться?»

Сквозь дыры он увидел мелькнувший силуэт, но стрелять по нему не стал. Он ждал, когда они заглянут в фургон.

— Готов, — сказал один. — Нашпиговали обоих.

— Надо проверить, как там Рябой. Босс приказал заткнуть ему глотку.

— Чего проверять? Раз молчит, значит, готов. Для нас что главное? Чтоб он молчал.

— Все равно. Надо проверить.

— Поджигай. Огонь проверит.

— Мерина я беру себе, я первый выстрелил.

— Руби постромки.

— Фургон жалко. Может, прихватим?

— Совсем рехнулся? Слишком приметный. Особенно теперь.

Они засмеялись.

Один из всадников подъехал к лошадям, запряженным в фургон, и наклонился в седле, чтобы перерезать постромки. Кирилл прицелился ему в бок. Как только тот поднял руку, открыв потемневшую подмышку, Кирилл нажал на спуск. Ковбой привалился к шее коня, руки обвисли, и он загремел на землю.

— Что за черт! Кто стрелял?

— Он там! Там!

«Конечно, там, где же мне еще быть», — мысленно ответил Кирилл. Он не видел противников за продырявленным тентом, но они сами себя обозначили, открыв пальбу из револьверов. Вот струя дыма врывается в полумрак фургона вместе с новым лучиком света — воет рикошет — и ответные выстрелы Кирилла попадают в цель, судя по воплю.

Третий неосторожно показался в заднем проеме тента. Это был бородач. Пуля,

выпущенная Кириллом, сбросила его на землю. Конь взвился на дыбы и отпрыгнул в сторону.

Кирилл прислушался. Слева хрустнул песок под копытами, справа кто-то хрипел.

Одним рывком перемахнув через борт, Кирилл упал на землю и откатился под колеса. Ударил выстрел, второй, потом третий. Пули молотили по земле, взбивая пыль. Стрелял индеец, которого Кирилл ранил сквозь тент. Он зажимал рукой рану на груди, и сквозь пальцы брызгала кровь.

Лежа между колесами, Кирилл выстрелил из-под фургона. Всадник запрокинул голову и свалился с коня.

Оставался еще бородач. Он лежал у ног своей лошади, лежал лицом вниз, раскинув руки в стороны, и не шевелился. Но в руке его был дробовик, палец застыл на спусковом крючке, и курок был отведен.

Ранен или прикидывается?

Кирилл выстрелил по дробовику. Ружье отлетело в сторону — но бородач даже не вздрогнул.

Когда Кирилл выбрался из-под фургона и осторожно подошел к бородачу, тот уже не дышал в луже крови. Двое других тоже были мертвы.

— Плохо, — сказал он. — Я надеялся поговорить хотя бы с одним из вас.

Слишком много вопросов осталось без ответов. Кто были эти трое? Почему им так хотелось, чтобы Рябой молчал? Кто такой Дэн Мосли?

Впрочем, Кирилл уже знал главное — не стоит пока продавать ранчо Коннора. Оно еще пригодится. Стены там крепкие, подходы открытые. Имеется запас воды, и наверняка солидный запас патронов. Есть еще желающие заткнуть глотку Рябому? Добро пожаловать на мушку.

9

Лошади сами нашли дорогу к ферме. Навстречу фургону выбежали мальчишки.

— А где дядя Пит? Ой, сколько дырок! Дед будет ругаться...

Дед не ругался. Он молча стоял на крыльце, скрестив руки, и смотрел, как Кирилл выгружает из фургона ящики с гвоздями.

— Двадцать четыре, — Кирилл вытер взмокший лоб. — Сложите их в сарай при мельнице. К стройке не приступайте, пока не вернется Питер.

— Зачем привез парня обратно? — спросил старик.

— Приказ шерифа, — сказал Кирилл, снова взбираясь на сиденье фургона. — Но я думаю, что ему тут будет неуютно. Полагаю, что уже завтра к вам наведаются весьма неприятные типы. Передайте им, что больной проходит лечение на ранчо Коннора.

Он натянул вожжи и взмахнул кнутом, заставляя лошадей развернуться.

— Постой, — сказал старик. — Я не разрешал тебе править моим фургоном. Слезай. Заходи в дом.

— Нет времени, — вежливо улыбнулся Кирилл. — Я бы с удовольствием. Но некогда.

Старик хлопнул ладонью по бедру и что-то проворчал, скрываясь за дверью.

Кирилл снова подергал вожжами, но теперь лошади не слушались его. Они мотали головой и сердито всхрапывали. Увидев, что и его собственный мерин косится на него как-то нехорошо, Кирилл подумал: «Против колдуна не попрешь», и смиренно поднялся на крыльцо.

Старик ждал его за столом.

— Садись. Рассказывай.

— Ваш сын завтра отправляется в город. Какая-то история с лошадьми. Кажется, они оказались краденными...

— Об этом я не спрашиваю. Рассказывай, кто стрелял по фургону.

— Мы не успели познакомиться. Но мне показалось, что они не имели ничего против

меня, тем более — против вашего фургона. Им был нужен наш пациент. Они называли его Рябым. И почему-то очень не хотели, чтобы он излечился и заговорил.

— Сколько их было?

— Трое.

— Трое.... — угрюмо повторил старик. — Еще трое.... Где ты их оставил?

— В овраге, что южнее брода.

— Зачем ты хочешь увезти его к Коннорсам? Мойра не будет рада такому гостю.

— Она будет рада его видеть, — уверенно сказал Кирилл. — Она будет очень рада, если он был с теми, кто убил ее мужа. А он — был, я почти уверен. Если в банде остались живые, они придут за Рябым. Если никто не придет, значит, с бандой покончено.

Старик посмотрел на него с сожалением:

— Здесь тебе не Техас. Здесь нет никаких банд. Их давно вывели. Здесь все служат закону и порядку. Помощники шерифа. Помощники маршала. Охранники скота. Охранники железной дороги. Сторожа магазинов и складов. Любой может застрелить тебя, и будет оправдан в суде. И те, кто придут сюда за Рябым, будут иметь ордер на проникновение в жилище, ордер на обыск и ордер на мой арест, если я вздумаю им противиться.

— Вот почему я и не хочу оставлять его тут.

— Ну да, понятно. Хочешь устроить сражение? Хочешь, чтобы всех Коннорсов похоронили в одной могиле? Мало тебе пролитой крови?

— Не я начал эту войну, — спокойно ответил Кирилл. — А чтобы ее закончить, надо победить. Или погибнуть.

— Войну нельзя закончить. — Старик встал. — Но ты еще молод, чтобы понять это. Сиди здесь, жди. Мне надо подумать.

— Подождите! Те, кто стрелял по вашему фургону, спрашивали меня, не работаю ли я на Дэна Мосли. Кто это?

— Вор. Старый вор. Держит воровской рынок в Техасе. Ему можно сбыть все. От чайной ложки до паровоза. А спросили тебя на всякий случай. Вдруг ты такой же, как они?

— Я не такой.

— Ну, по мне все вы одинаковы, — сказал старик и вышел.

Кирилл наклонился к узкому окну, похожему на бойницу, чтобы лучше видеть Полли. Она стояла возле фургона, вытирая лошадей, и слушала отца. Тот говорил, сердито хмуясь, будто выговаривал ей за что-то. Девушка виновато отводила взгляд, но Кириллу казалось, что она едва сдерживает улыбку. Вот она скосила глаз в сторону дома, и их взгляды встретились.

Он улыбнулся ей, и Полли смущенно отвернулась. «А она не так сурова, как в прошлый раз», — подумал Кирилл. И тут же вернулся за стол, увидев, что старик возвращается.

— Вот что, техасец. Садись на своего коня и уезжай, — сказал он. — Я нашел место, куда спрятать раненого. Никто не найдет.

— Шериф хочет допросить парня, когда он сможет говорить.

— Через неделю, не раньше. Чего сидишь? Ты же говорил, что торопишься.

— Теперь мне некуда спешить. Могу я хотя бы воды попросить?

— За поворотом увидишь колодец. Там и напьешься. Прощай.

Полли уже забралась в фургон и прибирала там. Кирилл спустился с крыльца и приподнял шляпу:

— Добрый день, мэм.

— Для кого добрый, для кого-то не очень, — проговорила девушка, не удостоив его взглядом.

Отвязывая мерина, он следил за тем, как она ловко скрепляет рваные края дыр в полотне тента. Перехватив его взгляд, Полли задернула задний полог. Но Кирилл успел заметить, что на сиденье уже лежит стеганая подстилка с бахромой. Ни один мужчина не догадается обзавестись такой. А вот женщина обязательно прихватит ее в дорогу.

Его догадка оказалась верна. Ему пришлось постоять у колодца всего полчаса, когда

знакомый фургон показался из-за холма. На всякий случай он выждал, чтобы убедиться — лошадьми правит не злобный старик.

— Так и знала, что будешь меня караулить, — сказала Полли, когда он поехал рядом.

— Я просто пил воду.

— Держи. — Она ловко бросила ему небольшой узелок. — Водой не наешься.

В узелке оказалась надрезанная половинка хлеба, с пластом отварного мяса внутри. Кирилл не стал притворяться, будто не голоден.

— Отец говорит, ты опять попал в историю, — насмешливо сказала она.

Он пожал плечами.

— Тебе нельзя у нас задерживаться. Таким, как ты, здесь не выжить. Я видала крутых стрелков. Все они похоронены на тюремном кладбище.

— Отличное мясо, — сказал он, ссыпал хлебные крошки из узелка в ладонь и отправил их в рот. — Спасибо. Я провожу тебя до реки.

— Не стоит.

— Все равно нам по дороге.

— У меня есть провожатые, — она показала кнутом на гребень лесистого холма.

Оттуда, из-за деревьев, торопливо спускался всадник на пятнистой лошади.

Он быстро нагнал фургон. Это был индеец, невысокий и толстый. Поперек седла у него лежал карабин, украшенный кожаными накладками. Индейцы относятся к оружию, как к собственному ребенку: заботливо и строго, но порой и побаловать любят. И этот винчестер был не просто ухожен — он был наряжен. Желтая кожа, обшитая зеленым шнуром, обтягивала его в тех местах, где к оружию прикасались руки — на ложе приклада и на цевье. Шоколадного цвета замша, охватившая приклад, была расшита бисером.

— Привет, Крис, — сказал индеец.

Кирилл немного удивился, но тут же вспомнил, что они уже встречались когда-то. Ну да, в тот самый день, когда он привез раненого Брикса. Индеец запомнился своей необычной прической — волосы были обрезаны справа на уровне уха, а слева опускалась толстая коса. И еще — у него было необычное имя.

— Привет, Ахо.

— Я поеду впереди.

Индеец усакал, не оглядываясь. Он держался в седле ровно и легко. Казалось, его тело плывет в воздухе отдельно от скачущего коня.

— Он муж моей сестры, — сказала Полли. — Мы едем к его родне. Они позаботятся о раненом.

— Далеко ехать?

— Засветло успеем. Если не придется останавливаться.

— А индейцы знают, как лечить таких больных?

— Его не надо лечить. Раз в день давать настойку. Да менять подстилку. Нужна неделя, чтобы вышла вся мертвая кровь.

— Значит, через неделю я смогу с ним поговорить?

— Надеюсь, что через неделю ты будешь далеко отсюда, — сказала она. — Если, конечно, к тому времени тебя не убьют.

— Я постараюсь продержаться эти семь дней, — пообещал он. — Очень хочется задать парню несколько вопросов. Кажется, он знает, кто убил моего друга.

— Коннора?

— Да.

— Так ты приехал из Техаса только для того, чтобы отомстить за друга?

— Можно и так сказать.

— Странно. Взрослый мужик, а рассуждаешь, как мальчишка. Нет, — она горько усмехнулась, — семь дней в Оклахоме тебе не прожить. Возвращайся в Техас, там спокойнее.

— Откуда ты знаешь? Бывала там?

— Давно. Был у меня дружок, настоящий техасец. Он возил меня к себе, чтобы познакомить с родителями. Мы собирались пожениться, да не получилось.

— Где он сейчас? В Техасе?

— Нет. У нас. На тюремном кладбище.

— Он был стрелком?

— Ты слишком много спрашиваешь.

Она прикрикнула на лошадей и замахнулась кнутом. Кирилл понял, что разговор окончен. Но не отстал, а продолжал молча ехать рядом, украдкой разглядывая ее. Сейчас ему никто не мешал, и он мог убедиться — она даже красивее, чем показалась при первой встрече. Правда, теперь стало видно и то, что Полли вовсе не девчонка. Было ей, наверно, лет двадцать пять. На высоких скулах виднелись едва заметные оспинки, и у Кирилла сжалось сердце. Точно такие же были у его сестры...

— Тебе лучше свернуть здесь, — сказала Полли. — Иначе не попадешь на брод.

— Я поеду с тобой, — ответил он.

— Как хочешь.

Он с трудом удержался от довольной улыбки. Больше всего Кирилл боялся, что она окажется такой же вредной, как ее папаша, и прогонит его каким-нибудь колдовским способом.

«Я же хотел вернуться к вечеру», — вспомнил он. И тут же забыл. Все планы можно послать к черту, когда появляется настоящее дело.

А его дело сейчас — ехать рядом с Полли и охранять ее. Да, у нее уже есть один охранник, индеец. Но этот толстячок казался таким безобидным, что его самого следовало охранять.

Вечерело, когда они свернули с дороги на широкую тропу, протоптанную в траве. Слева и справа теперь высились длинные валы бурой комковатой глины. Иногда попадались кучи полусгнившего хлама, среди которого можно было разглядеть то сломанную тачку, то ржавую лопату, стертую до самого черенка. Скоро в воздухе появился еле уловимый запах гари, и Кирилл насторожился. Он не мог похвастаться особо чутким носом, но все же отличал вкусный дымок кухни от тоскливой горечи сожженного мусора. Ему пришло в голову, что так пахнуть может только покинутый лагерь.

Ахо, видимо, подумал о том же. Он резко повернул своего мустанга и взлетел на глинистый вал, чтобы из-под ладони оглядеть прерию. Кирилл направил коня за ним. Сверху было видно поляну в кольце невысоких мескигов.⁶ На траве темнели округлые пятна, оставленные стоявшими здесь типи.⁷ Белая зола кружилась вьюжной спиралью над остывшим кострищем.

— Темный Бык ушел, — сказал Ахо.

— Они не могли уйти далеко, — сказала Полли. — Мы догоним их.

— Не сегодня. — Индеец махнул в сторону заката. — Если пустимся за Быком, ночь застанет нас в камышах за Волчьей рекой. Переночуем здесь.

Ахо вырыл яму для костра и замысловато обложил ее дерном и камнями. Когда пламя разгорелось, дым уходил не вверх, а стелился над травой.

На ночлег Полли улеглась под фургоном, а Кирилл с индейцем устроились возле погашенного костра. Прежде чем закутаться в одеяло, Ахо достал небольшую фляжку и отпил глоток, а потом протянул ее Кириллу:

— Выпьешь на ночь?

Обычно в дороге Кирилл воздерживался от выпивки. Но индейцы очень чувствительны к любому проявлению недоверия со стороны белых, и ему не хотелось обидеть попугайчика.

⁶ Мескит — вид американской акации

⁷ Типи — переносное жилище равнинных индейцев, коническая палатка из шкур и жердей.

Он понюхал горлышко:

— Самогон?

— Наливочка, — ласково произнес Ахо. — Мы ее называем «Глаз пумы». Пьем на ночь. Если придется встать, все будешь видеть без огня.

Напиток оказался таким кислым, что Кирилл всего передернуло.

— Спасибо, — процедил он, не в силах разжать зубы, и достал портсигар. — Закурим?

Индеец размял и понюхал сигару.

— Хороший табак. Мексиканский?

— Нет. С островов. Кажется, с Кубы или Мартиники.

— Даже не знаю, где это. — Ахо посмотрел на звездное небо. — Мир огромен.

— Не слишком.

— Моя семья кочевала между Рио-Гранде и Арканзасом. В детстве я думал, что за большими реками уже нет жизни. Смешно?

— Почему?

— Белые люди многое находят смешным.

— Белые люди — это и есть самое смешное, что я видел, — сказал Кирилл.

Ахо долго молчал, глядя в небо.

— Мой свояк Питер был в Чикаго. А его сестра была еще дальше.

— Ты про Полли? Где же она побывала?

— Спроси у нее сам. Она иногда бывает разговорчива.

Больше они не произнесли ни слова. Индеец закутался в одеяло и стал неотличим от валунов, темнеющих вокруг.

А Кирилл, поняв, что не сможет заснуть, отошел подальше.

Ночь была лунной, и плавные изгибы дороги были хорошо видны среди пепельных холмов и черных низин. Кирилл с нарастающим нетерпением ждал, когда же «наливочка» начнет действовать, но с его зрением ничего не происходило. Луна была молочно-белой, выпуклой, с ясно видимыми бородавками и оспинами. Небо оставалось густо-синим с разноцветными звездами. Трава в степи серебрилась так же, как и в любую другую лунную ночь.

Он поднялся на холм и огляделся. С высоты ему была видна светлая дорога к поселку, по которой он сегодня днем проехал на фургоне. Хотя прошло уже довольно много времени, следы фургонных колес до сих пор темнели в пыли, как сдвоенная нить на гладкой ленте. Отсюда он увидел и сам поселок — ажурная вышка ветряка выступала из темных холмов, как кончик иглки из складок сукна, и в крайнем доме горели два окна.

Дорога изгибалась, повторяя поворот реки, пропадала за рощей, и снова светилась уже на другом берегу. Кирилл вдруг увидел краем глаза, что слева от него пролетела над самой землей сова. Не поворачивая головы, он отчетливо видел, как она взмыла, прогнулась на лету, выкинула вперед толстые лапы и безошибочно нашла ими голую ветку приземистой акации.

Он протер глаза. Ночь оставалась черной, но эта чернота была прозрачной. Прошло еще несколько минут, а Кирилл не трогался с места, привыкая к новому миру, который распахнулся перед ним.

Теперь он видел, что степь исполосована дорогами. Он видел на траве колею, которую оставил Питер, когда вез раненого к шерифу. Видел он и тропу, взрыхленную копытами нескольких быстрых лошадей, промчавшихся вдоль реки куда-то в сторону Мертвой Долины. Даже мыши, перебегающие в траве, оставляли за собой угасающий след.

Днем прерия представляет собой довольно однообразное зрелище. Когда едешь среди волнистых холмов и пригорков, тускло-коричневых и повторяющихся с надоедливой постоянством, не видишь ничего, кроме сухой травы и неба над головой. Надо остановиться и выждать, и тогда, если достанет терпения, обнаружишь стайку мелких птишек, нарядившихся в такие же тускло-коричневые перья, как и окружающие холмы.

Если застыть и продолжать наблюдение, то еле заметное пятно на тусклом фоне вдруг

слегка дрогнет и переместится в сторону, и станет ясно, что все это время вислорогая антилопа стояла и смотрела на тебя. А неопрятная куча длинных стеблей вдруг сама собой покатится против ветра и превратится в дикобраза, который с недовольным видом пересечет твой путь и снова застынет неподалеку, на этот раз в виде огромной волосатой швабры.

Но чтобы увидеть все это днем, надо остановиться, а Кирилл не любил остановок в пути. Совсем иначе жила прерия ночью. В траве неутомимо сновали какие-то зверьки. Он едва успевал разглядеть их. Они шуршали, грызли, прятались и нападали; одни перетирали былинку, а другие впивались им в горло — жизнь кипела, бурлила, торжествовала и ужасалась.

«Вот если б Ахо дал мне этой наливочки с собой... — подумал Кирилл. — В море ночное зрение порой важнее дневного».

И вдруг понял, что, впервые за многие годы, ему не хочется возвращаться в море.

* * *

Когда большая индейская семья снимается с места зимней стоянки, ей трудно исчезнуть бесследно. И фургон покатиł по широкой и хорошо заметной полосе следов, оставленных на траве и в песке. Кирилла немного тревожило то, что впереди между холмами иногда поблескивала река, и следы направлялись определенно в ее сторону. Переправа с фургоном стала бы тяжелым испытанием.

Но на берегу реки их поджидали совсем иные трудности.

Широкая цепочка следов внезапно разрослась во все стороны, словно все, кто шел к реке, вдруг разбрелись поодиночке. Одни пошли направо, другие налево, третьи повернули назад, а четвертые шагнули прямо в реку.

Полли растерянно оглядывалась:

— Что здесь случилось?

— Ничего не случилось, — пояснил Ахо.

— Ничего, — согласился Кирилл. — Если не считать того, что Темный Бык решил оторваться от погони. Куда теперь — налево или направо?

— Налево каменный холм, — ответил индеец.

Понятно. Каменистая плоскость не хранит следов, особенно если преследуемые не забудут об этом позаботиться.

— Назад тоже бесполезно идти, там поселок, — сказала Полли. — Там будет слишком много чужих следов. И никто не подскажет, куда они ушли. Только запутают еще больше.

— Впереди — река, — подытожил Кирилл. — Остается один путь. Двигаемся направо вдоль реки.

Через полчаса они обнаружили еще теплые угли небольшого костра. Наверно, то был сигнальный костер: обгоревшие сучья лежали на ровном месте. Не было никаких камней, чтобы поставить на них чайник. Не было и ни одной дырки в земле, оставленной костровыми рогатинами. К тому же ни один из следов не отклонился в сторону и не кружил на месте, как это бывает даже на коротких остановках.

— Идут на Косой Брод, — уверенно заявил Ахо, мельком глянув на угли.

Кирилл снова оглядел остатки костра и на этот раз заметил то, что проглядел поначалу. Обугленные сучья были положены в золу уже после того, как костер догорел. Длинный сук лежал параллельно реке, а короткий пересекал его под острым углом. Это был знак для тех, кто идет следом. Знак, понятный только своим.

Река в этом месте была не слишком широка, но изобиловала скрытыми ямами — их выдавали воронки, бегущие среди оливковой ряби и белых гребешков. Ахо первым направил своего мустанга в воду и показал рукой на белый валун, высившийся на другом берегу значительно правее.

— Держите на него! Полли, не смотри на воду!

— Спасибо за совет, — негромко проворчала девушка.

Они долго пробирались по песчаной отмели, и Кирилл тоже не смотрел на воду, потому что непрерывно вертел головой, оглядывая берега. Каждый раз, когда приходится долго пересекать открытое пространство, чувствуешь себя движущейся мишенью. Конечно, если в тебя уже целятся, ты вряд ли успеешь увернуться от выстрела. Но Кирилл по себе знал, как неудобно стрелять в мишень, которая вертит головой и в любой момент может обнаружить стрелка. Стрелку в таком случае приходится не только целиться, но и скрываться. А когда делаешь два дела одновременно, все получается не так, как хотелось бы.

Индеец пересекал длинный брод, держа карабин на бедре стволом вверх. А как только выбрался на берег, остановил коня вплотную под валуном, защитив свой левый бок.

— Кайова собираются у скалы Белого Мула, — сказал Ахо, когда они подъехали к нему. — Там раньше собирались на летние праздники. За ними едут чужие.

— Где это написано? — спросил Кирилл.

— На земле.

Стволом карабина он показал на втоптаный в песок огрызок тонкой сигары.

— Наверно, у Темного Быка есть повод для праздника, — сказала Полли. — Это было бы прекрасно. Хорошо, что у меня много подарков. Но плохо, что они нас не отпустят сразу. Отец будет беспокоиться. Поехали скорее, Ахо, почему ты стоишь?

— Здесь опасные места, — важно произнес индеец. — Дальше поедem так. Я первый, вы двое сзади. Если остановлюсь, вы тоже стоите. Если поворачиваюсь и убегая, вы тоже убегаете и не ждете меня.

— К чему такие сложности? — сказала Полли недовольно. — Мы здесь ездили тысячу раз безо всяких предосторожностей! Нам надо спешить.

Ахо, не ответив, ускорил вперед.

— Это называется боевой дозор, — сказал Кирилл.

— Он просто любит командовать, — ответила Полли. — Да, отец знал, кого послать со мной.

Так они проехали еще несколько миль, пока Ахо не остановился и не подозвал их жестом. Тропа вела к тому, что здесь называют «гребенкой» — к череде невысоких вытянутых холмов, оголенных наверху и опушенных сухим кустарником внизу.

— Уже близко, — сказал индеец.

Они поднялись на первый холм, и с его высоты стало видно, как изменился вид прерии на этом берегу. Все пространство было покрыто пятнами густого и высокого темно-зеленого кустарника, а между ними просвечивала безжизненная рыжая земля. Если обычную степь часто хочется сравнить с морем, то здесь перед ними лежало, скорее, болото.

— Похоже, они прошли совсем недавно, — сказал Кирилл и спешил, чтобы пощупать след, оставшийся на склоне холма.

Не успел он сделать и двух шагов, как что-то со страшной силой ударило его в бок.

И сразу время пошло по-другому.

Сначала ему показалось, что его лягнул злой мустанг. Потом он сообразил, что мустанг индейца стоит слева, а удар был справа. «Но почему тогда я падаю не в сторону, а вперед?» — удивился он. А ведь он падал, будто с огромной высоты. Бурая земля в белых известковых потеках приближалась медленно. Он будто парил над ней, крепче сжав карабин. Земля все еще приближалась, когда он, наконец, услышал далекий треск винтовочного выстрела ...

Ноги подогнулись, и он повалился набок, перекатился по склону, прижимая карабин к груди, и застрял в сухом кустарнике.

Он не закрывал глаза ни на секунду, но не видел ничего кроме комьев земли и голых сучьев. Где-то далеко послышался топот убегающего коня, потом где-то проскакало еще несколько лошадей. Кто-то кричал: «Догоним, догоним, ему не уйти!».

Очень не хотелось подниматься. Он знал, что, как только пошевелится, будет очень больно. Так и вышло. Вся правая сторона груди моментально налилась свинцовой тяжестью боли, от которой Кирилла всего скрючило, и он чуть не закричал. Но крови нигде не было, и обе руки были целы. Ноги казались ватными, но он все же смог встать на колени. Большого

добиться не удалось, и Кирилл стал на коленях выбираться из куста. Карабин он держал прикладом на поясе, потому что просто не мог поднять к плечу.

Слышались чужие голоса. Закусив губу, чтобы не застонать от боли, Кирилл на коленях обогнул куст и увидел Полли на земле.

Она лежала лицом вниз, неподвижно, но Кирилл сразу понял, что она жива: убитые не держат руки на затылке, придерживая шляпу. Какой-то оборванец в дырявом сомбреро взбирался на сиденье фургона. Второй, в драном пончо, стоял над Полли с винтовкой в руках.

— Сходи проверь того, которого я ссадил! — крикнул ему хозяин сомбреро.

— Ага! Больно ты умный. Я уйду, а ты пока набьешь свои карманы? Сам ссадил, сам и проверяй!

Он пнул девушку в плечо. Она встrepенулась, и шляпа свалилась с ее головы, открыв длинную косу, уложенную кольцом.

— Что за дьявол! Девка? Переодетая девка! Эй, все не так и плохо!

Он заблуждался. Для них обоих все было плохо, очень плохо. Никогда еще Кириллу не приходилось стрелять из винчестера, стоя на коленях. Да еще от бедра. Можно было бы и лечь поудобнее, времени хватало, но он не был уверен, что потом сможет встать. Стоять на коленях было больно и неудобно, к тому же тянуло согнуться и потерять больное место. Боль добавляла злости, а злость мешала целиться. И первый выстрел оказался не совсем удачным. Метил в голову, попал в живот. Бандит, что стоял над Полли, скрючился и, шатаясь, отступил от нее. Второму Кирилл попал в грудь, он рухнул, раскинув руки, и его сомбреро покатилося по земле. В это время первый еще стоял на ногах и силился вскинуть винтовку. Кирилл выстрелил в него снова, и он опустилсЯ на колени. Он сгибался и разгибался, ругаясь, изо рта летели кровавые брызги. Его винтовка все-таки поднялась, но Кирилл успел попасть ему в лоб. Бандит опрокинулся набок и, наконец, затих.

Пока Кирилл стрелял, Полли подобрала свою шляпу, извиваясь, как ящерица, подползла к нему и спряталась за его спиной.

— Заметила, сколько их?

— Есть еще двое, — почти беззвучно произнесла она. — Поскакали за Ахо. Они скоро вернутся.

— Вряд ли.

— У него быстрый конь. Они не догонят его. И вернутся за нами, — упрямо повторила она.

До них донеслись выстрелы — один, второй и, после паузы, третий. Все они были сделаны из одного и того же оружия. Это была не перестрелка, а расстрел. Кирилл поднялся, тяжело опираясь на карабин, как старик на клюку.

— Они не вернутся. Потому что они его догнали, — сказал он.

Редкий охотник способен удержаться от преследования убегающей добычи. На этой человеческой слабости и сыграл хитрый индеец. Он не стал вступать в бой с бандитами, пока те прятались в засаде. Но стоило им выскочить на открытое пространство, да еще и вытянуться в цепь, как из охотников они превратились в дичь. Ему оставалось только подыскать подходящее место, чтобы неожиданно остановиться и перебить их поодиночке.

Выбравшись на лысый гребень холма, где мерин как ни в чем ни бывало выщипывал последние чахлые травинки, Кирилл огляделся и помахал шляпой, хотя вокруг не было видно ни души. Если, конечно, не считать двух лошадей, которые растерянно стояли вдалеке над телами своих хозяев, невидимых за кустарником.

Кирилл свистнул. Над кустом вытянулась длинная шея мустанга, потом показался и Ахо. Лошадь и человек встали одновременно.

— А все-таки он прятался, — сказала Полли. — Не верил, что мы тут справимся.

Она хорошо держалась. Правда, ей понадобилось на пару минут скрыться за кустом, чтобы поправить кое-какие детали одежды.

Кириллу приходилось видеть, как ведут себя люди перед лицом смертельной

опасности. Почти все держатся достойно, хотя бы поначалу.

Гораздо тяжелее сохранить достоинство, когда опасность миновала. Страх, загнанный гордостью в какие-то закоулки организма, вырывается наружу, как пружина из сломавшегося механизма. И часто вырывается вместе со всем, что ему попадает на пути. А некоторые очень достойные воины признавались, что на них напал понос после каждого боя, поэтому воевать лучше натошак.

Неизвестно, каким способом Полли справилась со своими чувствами, но из-за кустов она появилась побледневшая и усталая. Она равнодушно перешагнула через убитых, забираясь в фургон.

Трофеи оказались небогатыми. Четырнадцать долларов бумажками, шесть серебром, две старые винтовки, немного патронов... Их револьверы были покрыты ржавчиной, а подметки обвязаны бечевкой.

— Бродяги, — заключил Ахо.

— Посмотри, сколько грязи в стволе винтовки, — сказал Кирилл, разможил приклад об камень и отбросил обломки. — Удивительно, как им удалось в меня попасть.

— Они попали в тебя? Я думал, ты притворяешься. Ты слишком хорошо падал. Как настоящий мертвец. Но ни один индеец не поверил бы тебе.

— Я что-то сделал не так?

— Убитые не прижимают к себе ружье. И с них всегда слетает шляпа.

— Спасибо за науку. Ты тоже здорово убежал, — ответил Кирилл. — Но только несчастные бродяги могли клюнуть на такую уловку.

Ахо помог Кириллу стянуть рубаху, чтобы осмотреть рану, но никакой раны не было. На ребрах густо краснел четкий квадрат. А на серебряном портсигаре осталась продолговатая вмятина от пули.

— Вот видишь! — сказала Полли. — Не прошло и двух дней, как тебя едва не убили.

— И убили бы, — сказал Ахо. — Если б ты был некурящий.

Кирилл поцеловал портсигар и переложил его в левый карман жилета. Индеец одобрительно кивнул. А Полли хмыкнула сердито:

— А на голову сковородку? — Она тряхнула вожжами и добавила: — Впрочем, пустой голове пуля не страшна.

10

Илья Остерман никогда не умел считать деньги. В детстве лишний пятак казался ему неслыханным богатством. Можно было с утра пораньше отправиться на бульвар и посидеть в ресторане, где работал знакомый мороженщик. Да, в настоящем ресторане, сидеть за столиком, пока не собралась публика, важно потягивать лимонад и смотреть на море, которое раскинулось внизу, на сиреневые силуэты пароходов, стоящих на рейде... Тогда он чувствовал себя просто миллионером.

Правда, тогда он и слова такого не знал — «миллионер». Это уже в Нью-Йорке, став главарем банды, он понял, что значит ворочать миллионами. Его хозяева владели десятками роскошных ресторанов, и в каждом Билли Истмен был желанным гостем. Но почему-то самые изысканные вина не казались ему такими вкусными, как тот одесский лимонад.

Теперь он носил несколько имен. В Мексике его знали как Гильермо Ориентеса. Правда, губернатор считал, что его зовут Уильям Смит. Под этим же именем он устроился и в Аризоне.

Богатство его росло, однако Илья никогда не знал точных размеров. Наверно, ему хватило бы денег не только на роскошный спальный вагон, но и на то, чтобы купить всю железнодорожную линию. Но в Оклахома Илья отправился в самом обычном вагоне третьего класса. Не от жадности, а просто так ему больше нравилось.

Он привык кормиться в станционных буфетах, первым выскакивая из вагона, чтобы опередить попутчиков и занять место за столиком, а не торчать у стойки. И подобно многим

другим пассажирам, он часто пробирался в самый конец поезда, чтобы полюбоваться уходящим вдаль пейзажем.

Железная дорога, проложенная по прерии, не имела никакого отношения к таким понятиям, как комфорт, безопасность и надежность. Колея была проложена по равнине, но изобиловала крутыми поворотами, потому что строители не тратили время на сложные инженерные работы.

Вместо того, чтобы засыпать овраги, пробивать тоннели или громоздить насыпи, они просто огибали препятствия. Поезда здесь не могли разогнаться до привычной на Востоке скорости в пятьдесят-шестьдесят миль в час без риска сойти с рельсов. Но попытки достичь такой скорости были здесь делом привычным, судя по количеству катастроф.

Попутчики жизнерадостно сообщили Илье, что этот поезд собран из вагонов, которые уцелели от трех предыдущих составов. Ни один из них не дошел до конечной станции. И все из-за того, что на одном и том же участке рельсы вдруг начинали скручиваться в спираль и сбрасывали поезд, как норовистый мустанг сбрасывает неопытного ковбоя-объездчика. Это родео продолжалось до тех пор, пока, наконец, железнодорожная компания не решила, что дешевле будет починить полотно, чем все время закупать новые вагоны и локомотивы. Сгнившие подмости из веток заменили щебеночной насыпью, и рельсы крепко-накрепко прибили к новым шпалам.

— Теперь-то мы наверняка доберемся до Гудворда, — заявил сосед Ильи, нежно прижимая к плечу молодую жену. — А оттуда до Ванденберга рукой подать. Говорят, там открылась вакансия редактора газеты. Хорошее дело, не находите? Сам-то я скорняк, могу и по плотницкой части, но газету выпускать прибыльнее. А женушка может пойти учительницей в баптистскую школу.

— А далеко ли от конечной станции до Шерман-Сити? — поинтересовался Остерман.

Кандидат в редакторы почесал в затылке и принялся опрашивать соседей, но никто из сорока пассажиров ничего не слышал о городе с таким названием. Только фотограф из Денвера вспомнил, что видел в полицейском участке объявление: «На дороге между Шерман-Сити и заброшенным прииском Бешеного Койота опасно появляться без вооруженной охраны».

— Значит, такой город все-таки существует, — заявил скорняк-редактор. — И процветает, судя по тому, что там нужна охрана. Значит, есть что охранять!

— Я знаю, что он существует, — сказал Илья. — Я даже был там, но добирался со стороны Техаса, на дилижансе. А недавно получил телеграмму с описанием нового маршрута, через Гудворд.

— О, значит, там есть телеграф! А газета?

— Не знаю.

— Может быть, сами начнем ее издавать? «Шерман-Сити Геральд Трибьюн»! Звучит весьма солидно. Вы, мистер Смит, будете писать статьи о бизнесе, всякие культурные новости, обзор моды и политики. Да и для вас, мистер фотограф, такая газета просто золотая жила! Вы станете первым фоторепортером Оклахомы!

Фотограф с видимым сожалением отказался от столь блестящей карьеры. Ему надо было добраться до Шерман-Сити только для того, чтобы присоединиться к географической экспедиции Земельного Управления.

— Я тоже не задержусь в Оклахоме, — сказал Остерман.

— Ничего, — бодро заключил скорняк-издатель. — Как только вдохнете воздух свободной земли, вы забудете обо всех старых делах. Когда надумаете устроиться в мою газету, я приму вас без разговоров. Ведь мы уже почти родственники. Давайте не терять связи, если нам повезет, и мы доберемся до конца!

Илье Остерману повезло, и он благополучно сошел с поезда на конечной станции. Здесь его, как весьма солидного инвестора, встречал сам инженер Скиллард, на изящной пролетке, запряженной парой кобыл. На козлах величественно восседал негр в полотняном пыльнике и лоснящемся цилиндре. Он даже не покосился на подошедших и не прервал своей

доверительной беседы с лошадьми.

Скиллард, миниатюрный брюнет с идеальным пробором и бородкой клинышком, откинул дверцу коляски и платком смахнул пыль с кожаного сиденья.

— Люблю, когда поезд приходит точно по расписанию, — радостно заметил он. — В этом чувствуется дыхание цивилизации. Не так ли, доктор Смит? Мафусаил, поехали!

Илья протер пенсне, которым обзавелся перед отъездом, чтобы выглядеть солиднее. Судя по тому, что его называли «доктором», пенсне начало действовать.

Негр царственно вознес сложенный кнут над головой, но лошади тронули, не дожидаясь его щелчка. Кнутовище опустилось на широкое плечо, затем поскребло за оттопыренным ухом и вернулось на колени кучера, который, как видно, не любил шуметь понапрасну.

— Одну минуту! — Илья привстал, оглядываясь.

На опустевшей платформе одиноко маячила фигура фотографа с двумя чемоданами.

— Это мой попутчик, — объяснил Остерман. — Ему тоже надо в Шерман-Сити. Не могли бы мы...

— Что за вопрос? — оскорбился Скиллард и закричал фотографу: — Эй, дружище, забирайтесь в нашу колымагу!

Чемоданы были подвязаны к багажной полке с величайшей осторожностью.

— Там реактивы и пластинки, — пояснял фотограф, который представился как Сол Грубер. — Я не говорю о моих камерах, но таких реактивов и пластинок здесь не достать ни за какие деньги. Это бесценный груз, воистину бесценный.

Забравшись в коляску, фотограф прикорнул в уголке и тотчас же заснул, успев завещать своим новым попутчикам заботу о бесценных чемоданах.

— Я не нашел Шерман-Сити на карте, — сказал Остерман, когда коляска отъехала от станции достаточно далеко, а на горизонте все еще не появилось никаких очертаний города. — Правда, в моем распоряжении были только карты пятилетней давности.

— Пятилетней? Ну, дружище, за пять лет в этих краях происходит столько всего, на что ваша Аризона должна затратить пять веков, — засмеялся Скиллард. — Новые дороги, новые города... Города рождаются, города умирают... Но Шерман-Сити мы поставили на века. Он станет подлинной столицей Серебряной Страны. Да, не удивляйтесь. Знаете, что сейчас у вас под ногами? Серебро, свинец, олово, медь — все это таит в себе земля, на которой стоит наш славный город. Я уж не говорю про уголь...

Слушая лекцию о полезных ископаемых этой безжизненной пустыни, Илья рассеянно глядел на тень коляски, что бежала рядом, подпрыгивая и извиваясь на неровностях дороги: мелькали спицы колес, лошади вскидывали острые колени... Он подумал о лошадях, которые ждут его в Шермане. Если нашлись галисенью, то найдется и их продавец. А от продавца всего один шаг до тех, кто убил Коннорса.

Он проводил взглядом высокий шест, вбитый в землю у дороги. Верхушку его венчал огромный коровий череп с широко расставленными рогами, а под черепом была прибита табличка. Он сумел разглядеть только окончание надписи: «... енберг».

— Скажите, коллега, что означает этот необычный символ?

— Вы про череп? Не обращайтесь внимания, — махнул рукой Скиллард. — Когда-то здесь застолбили участок под новый город. Капитан Ванденберг скромно назвал его своим именем. Но кроме заявочного столба пока еще ничего построить не успели.

— Но я слышал, что в этом городе даже открылась вакансия редактора газеты. И я видел Ванденберг на карте!

— Неудивительно. Вы же пользовались старыми картами, — невозмутимо ответил Скиллард. — А что касается газеты, то это чистая правда. Место редактора, как видите, никем пока не занято. Так вот, здесь есть еще и месторождения поваренной соли, и когда кончится уголь, мы начнем их разрабатывать.

— Вы заглядываете в весьма отдаленное будущее, коллега.

— К сожалению, дружище, оно вовсе не такое отдаленное. Не забывайте, вы в

Оклахоме, а здесь все делается со страшной скоростью. И будущее здесь наступает даже раньше, чем кончится прошлое.

Да, здесь есть уголь, но его пласты небогаты. Знаете, какие бывают сорта угля? Самый лучший — это антрацит, но его здесь нет. Наш уголь по качеству, конечно, уступает пенсильванскому антрациту. Нас-то он вполне устраивает, но на большой рынок с ним не выйдешь. А теперь представьте себе только на минуту, что будет с шахтерскими поселками, когда закроется карьер. А ведь вокруг Шерман-Сити четыре таких поселка! Зачем нам озлобленные толпы неграмотных и безнравственных существ, которые больше не знают, к чему бы приложить свои сильные руки?

— Полагаю, они займются солью, серебром, свинцом... — предположил Остерман.

— Знаете, дружище, это не так просто. Пока все эти месторождения существуют в виде заявок. Рано или поздно мы до них доберемся, надо только нагнать сюда побольше народу. Но народ не поедет в пустыню, ему нужен город. Не поселок, состоящий из палаток и бараков, а город.

Вот я и придумал. Знаете, чем займутся наши шахтеры? Вместо того, чтобы собирать свои пожитки и отправляться на поиски лучшей жизни, они будут строить новую жизнь прямо здесь, в Шерман-Сити.

— Хороший план, коллега.

— Они воздвигнут новые дома и проложат новые дороги, построят новые банки и новые школы. Мы начнем с бойни. Это будет самая крупная и самая современная бойня Запада! Знаете, из чего делают мыло? Из жира. Проктер и Гэмбл пристроили свой заводик к бойням в Цинциннати и стали миллионерами. Мы будем строить мыловаренный завод одновременно с бойней. Ну, как вам эта идея?

— На мыло всегда будет спрос, — уклончиво ответил Илья. — Особенно среди шахтеров. Но на всем пути я пока не видел никого, кому тут была бы нужна бойня, да еще самая большая.

— Вы про скот? Скот уже на подходе. Огромные массы скота ждут своего часа в Нью-Мексико и Колорадо. Вместо того, чтобы платить бешеные деньги за перевоз в далекий Канзас, скотоводы с удовольствием пригонят стада к нам. Здесь же будет самый большой холодильник, и свежее мясо будет моментально замораживаться.

Все рассчитано до мельчайших деталей. Я видел и чертежи холодильника, он будет работать на аммиаке. Знаете, что такое аммиак? Это обычный нашатырный спирт. Я видел даже эскизы упаковки для мяса. Но про мыловаренный завод я пока никому не говорил! Вот куда стоило бы вложить капитал! Это шанс, дружище, отличный шанс!

— Да, пожалуй.

«Бойня в таком глухом месте? Отличная идея, — подумал Остерман. — Угонщики скота со всего Запада будут записываться в очередь за полгода, потому что бойня — лучшее место для сбыта краденого».

— ... Сюда бурной рекой потекут новые деньги, большие деньги для нового города! И главное здание этого нового города мы назовем в вашу честь! — торжественно заключил Скиллард. — Знаете, какое?

— Здание мэрии?

— Нет.

— Вокзал? Неужели отель?

— Похоже, но не отель, — Скиллард похлопал Остермана по коленке. — Это будет самая лучшая в Америке тюрьма!

Илья Остерман, собираясь в дорогу, долго и придирчиво выбирал себе подходящее оружие. Пятизарядный револьвер «Айвер Джонсон», если верить обещаниям продавца, должен был защитить его от грабителей поездов и от кровожадных индейцев. Но продавец не знал, что первой мишенью для столь замечательного револьвера могла стать сияющая физиономия мистера Скилларда.

«Тюрьма! Он издевается! Вызвать его на дуэль или застрелить прямо здесь, в коляске?»

— размышлял Остерман. А ничего не подозревающий инженер продолжал развивать свою грандиозную идею.

Здесь, на новых землях, все рождалось заново. Географы едва ли не каждый день наносили на карты названия впервые появившихся населенных пунктов. Одинокaя ферма превращалась в поселок, из поселка вырастал городок, и каждое такое поселение стремилось прежде всего обзавестись отелем и газетой, чтобы считаться настоящим городом. Потому что новые переселенцы потянутся именно в город, а не в безвестную глушь. И именно город может стать столицей округа, как только федеральное правительство решит, что на освоенной территории необходимо прочертить еще несколько административных границ.

А округ — это новые теплые места для чиновников, государственные деньги, новое строительство. Столичное положение обещало городу долгую и безбедную жизнь, но чтобы стать столицей округа, недостаточно было только выбрать громкое название. Надо было выгодно отличаться от других конкурентов на высокое звание.

Например, на выборах в Небраске столицей одного округа стал город с громким названием Небраска-Сентер,⁸ состоявший к тому времени из одного жилого дома, одного магазина и одного склада.

В соседнем округе долго тянулся спор между тремя претендентами, каждый из которых состоял из магазина, коновязи и веревки для сушки белья. Победил тот город, где веревка оказалась длиннее.

Исход выборов часто пытались решить с помощью взяток или шантажа, порой в дело шли пули. Во время такой кампании в Додж-Сити понаехали бандитские шайки, и выборы начались под присмотром хорошо вооруженных «независимых наблюдателей». Пришлось прибегнуть к мобилизации ополчения, чтобы уравнивать шансы.

Никому не хотелось доводить дело до стычек и разорительных уголовных процессов. Чаще всего новые города, чтобы придать себе побольше политического веса, старались учредить у себя какое-нибудь высшее учебное заведение. По всей стране, как грибы, росли колледжи и университеты. Но инженер Скиллард придумал более сильный ход.

Да, государству, безусловно, очень нужны образованные люди. Но подлинное образование можно получить только в Старом Свете. Все же новые университеты и академии нужны были для того, чтобы на несколько лет упрятать туда подрастающих отпрысков переселенцев из Старого Света. Пусть лучше крепкие и буйные юноши сидят в *аудиториуме*, чем слоняются без дела.

Но в Оклахоме в аудиториумы пока еще некого было загонять: у переселенцев и их детей хватало иных забот. Зато эта местность прекрасно подходила для того, чтобы содержать другую публику. И если бы удалось построить вместительную современную тюрьму, то ее услугами охотно воспользовалась бы не только администрация Территории, но и соседние штаты. Где тюрьма, там и суд, а где суд — там и столица.

Таким был расчет инженера Скилларда.

— Нет, коллега, — отвечал ему Остерман, усмирив оскорбленное самолюбие. — Мое имя слишком незначительно, чтобы красоваться на храме правосудия. И вообще, я предпочитаю делать инвестиции, не поднимая шума.

— Дружище, сразу видно, что вы не следите за развитием архитектуры! Нет, нам в Шерман-Сити не нужны мрачные казематы и сторожевые башни. Мы воздвигнем здесь нечто в духе прогресса и либерализма! Нечто в виде...

Он внезапно оборвал свою речь и тревожно оглянулся. Коляска прокатилась мимо оврага, обрамленного курчавым кустарником. Скиллард привстал на сиденье, глядя назад, а потом повернулся к кучеру:

— Мафусаил! Послушай, Мэт, почему ты поехал этой дорогой?

Негр ничего не ответил.

⁸ Center (амер) — центр, середина.

— Эй, Мэт! Нам не надо на карьер, ты все перепутал! Вези нас к моему дому, старый дурак!

Скиллард, хватаясь за бортик шаткой коляски, перебрался ближе к облучку и принялся дергать кучера за полы длинного плаща.

Негр выпрямился, и плащ упал с его плеч.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Скиллард, растерянно поворачиваясь к Остерману. — Но это же не Мэт!

Кучер стоял во весь рост, держа вожжи одной рукой, в другой руке у него был обрез дробовика, а на поясе хищно блестели патроны. Он оглянулся и сверкнул зубами, презрительно улыбаясь:

— А я думал, что для тебя мы все на одно лицо!

— Кто ты? Где Мэт? — дрогнувшим голосом спросил Скиллард.

— Какая разница? — негр натянул вожжи, и коляска замедлила ход.

Скиллард вернулся на свое место и больно вцепился пальцами в колено Остермана.

— С-с... Спокойно, д-доктор! — выговорил он, заикаясь. — У нас в Оклахоме и не такое случается.

Илья с трудом оторвал его вспотевшую ладонь от своей ноги. Оглянувшись, он увидел, что из-за кустов показались фигуры всадников. Они быстро настигли остановившуюся коляску и окружили ее плотным кольцом.

— Спокойно, доктор, это всего лишь индейцы, — сказал Скиллард. — Эй, парни, что это вы затеяли? Вы знаете, кто я?

— Вылезай, мистер инженер, — сказал негр, бросив вожжи и указывая стволом обреза направление выхода. — А ты, доктор, сиди тихо.

Индейцы выглядели совсем не так, как в шоу «На Диком Западе». На них были грубые рубахи без воротника и широкие полотняные штаны. Грязные пыльные волосы кое у кого были перехвачены налобной тесьмой, а у прочих просто топорщились слипшимися перьями.

Скуластые и узкоглазые, они равнодушно рассматривали Остермана, и их лица вовсе не были красными. Скорее, этот цвет можно было назвать густо-желтым.

Лошади были без седел и прочей сбруи, если не считать уздечки. У двоих-троих из-за плеча выглядывали ружейные стволы, остальные были безоружны — по крайней мере, так показалось на первый взгляд. Но присмотревшись, Илья увидел в руке ближе всех стоящего к нему индейца топорик на длинной резной ручке, украшенной продольными разноцветными канавками. «Томагавк!» — вспомнил он название топорика из романов Купера.

Скиллард тяжело спрыгнул на землю и сказал:

— Доктор, не беспокойтесь, сейчас мы все уладим.

«Я не беспокоюсь», — хотел ответить Остерман, но в этот момент фотограф Сол Грубер неожиданно проблеял:

— Мы уже приехали?

От его голоса Скиллард вздрогнул так сильно, что лошади испуганно переступили, а индейцы рассмеялись.

«Они не убьют нас, — понял Илья. — Не могут убить люди, которые так весело и безобидно смеются». — Он и сам попытался улыбнуться, но не преуспел в этом. Наверно, потому, что был готов перебить их всех.

Стать жертвой ограбления не входило в его планы. Илья взял с собой пять тысяч в золотых монетах, которые сейчас оттягивали его пояс. Грабители обнаружат тайный поясок сразу же — они заставляют расстегнуть рубашку даже раньше, чем шарят по карманам. И что тогда? Даже если они оставят ему чековую книжку, найдет ли он банк в этой глуши?

А действовать без финансовой основы Илья Остерман уже давно разучился. Значит, поиски убийц Коннора опять зайдут в тупик. Выходит, он зря приехал. Получается, права была Инес, когда говорила, что сейчас неподходящее время для дальних поездок...

Один из индейцев заговорил удивительно низким голосом, и все застыли. Было ясно, что говорит вождь. Он был намного старше своих спутников. Его лоб пересекали глубокие

морщины, а из налобной повязки свисало белое перо. Седые волосы двумя толстыми косами лежали на ключицах, а серую рубаху украшала кожаная бахрома.

Когда вождь умолк, один из индейцев сказал:

— Наш босс приказал привезти инженера. Землемер тоже пригодится. Доктор нам не нужен.

«Доктор? Это он обо мне!» — догадался Илья, и у него отлегло от сердца. Индейцы уважают врачей. Белые же грабители считают их наиболее ценной добычей, наряду с банкирами и юристами.

— Кто ваш босс? — спросил Скиллард. — Я знаю всех вождей в округе. Чьи вы люди?

— Мы люди Темного Быка. Это его дядя, Красный Коготь, — переводчик скосил глаз в сторону старого индейца. — Темный Бык послал Красного Когтя за тобой.

— Зачем я ему нужен? — спросил Скиллард, скрестив руки на груди. — Если вождь Темный Бык хочет говорить со мной, он может приехать ко мне в город, там я встречу его со всеми знаками уважения. Он знает, где я живу. Ему трудно было приехать? Что он там о себе думает? Ладно, послушайте, джентльмены... Вы же видите, что я не один. Мне надо сначала устроить нашего дорогого гостя...

— Ты поедешь с нами, землемер тоже, — сказал переводчик, показав томагавком на фотографа. — А Четырехглазый сам найдет дорогу в город.

Индейцы расступились, пропуская к пролетке пару коней без седоков. Старые седла были настолько протерты, что на луке из-под кожи белела деревянная основа.

— Вылезай, землемер, — переводчик коснулся томагавком фотографа.

Тот покосился на сверкнувшее лезвие и вылез без малейших возражений, забрался в скрипучее седло и покрепче натянул на лоб кожаную фуражку.

— Мои чемоданы, — только и сказал Сол Грубер, и казалось, его нисколько не беспокоит перемена транспорта.

— Да! — крикнул из толпы индейцев старый негр, притворявшийся кучером, а сейчас гордо восседавший на мустанге. — У этого землемера бесценный груз в чемоданах!

Индейцы ловко приторочили багаж фотографа к его седлу.

— Почему вы не скажете им, что вы не землемер? — спросил Скиллард.

— Они не поверят, а спорить с ними бесполезно, — спокойно ответил Грубер. — Я знаю индейцев.

Вождь Красный Коготь заговорил, обращаясь к Остерману. Илья напряг слух, но в гортанной речи индейца не встретилось ни одного знакомого слова, даже звуки казались нечеловеческими. Вождь показал ему три пальца, потом кивнул в сторону солнца и провел рукой дугу до края горизонта. «Наверно, это означает три дня», — подумал Илья и обратился к индейцу-переводчику:

— Скажите вашему боссу, что я впервые оказался в вашей местности и по этой причине не могу знать не только дороги до города, но даже и направления к городу...

— Я не понимаю твоего языка, — сказал переводчик. — Откуда ты?

— Аризона! — Четко, по слогам, ответил Илья.

— Ты не нужен нам. Уезжай в город.

— Но я не знаю, где город! — с отчаянием выкрикнул Остерман, глядя, как его недавние попутчики удаляются вместе с индейцами.

Вождь проскрежетал несколько коротких фраз, и всадники умчались, скользя над высокой травой. Белая шляпа Скилларда отчетливо виднелась среди их темных силуэтов.

Переводчик остался у пролетки.

— Когда приедешь в город, скажи всем: вождь приказал казнить Скилларда. Белые братья нарушили договор. Ваши люди начали копать землю на другом берегу реки. За это Скиллард будет убит. Из его костей мы сделаем забор. Пусть белые люди всегда помнят — им нечего делать на чужом берегу.

— Минуточку, — сказал Илья. — Я понял так, что мистер Скиллард вернется в город через три дня.

— Да. Через три дня к вам в город вернется его шкура!

Индеец захохотал. В руке у него появилась плеть, и он принялся стегать лошадей, запряженных в пролетку. Они дернули вразнобой, и Остерман неловко сел на пол, хватаясь за дверцу. Индеец продолжал стегать кобыл, скача рядом и подгоняя их. Когда же они помчались, он засвистел и издал переливистый пронзительный визг. Лошади рванули так, что Илья снова повалился, ударился затылком обо что-то твердое, и свет померк в его глазах...

11

Шериф Мерфи делил свои обязанности на три категории — терпимые, малоприятные и ненавистные. Самой же ненавистной была обязанность содержать арестантов под стражей. Мало того, что их следовало неусыпно стеречь. Их еще требовалось кормить! Поэтому он старался никого не держать в участке больше суток. Всех побыстрее сплавлял в город. Но с Питером Уолком, как и следовало ожидать, возникли проблемы.

Гнусный выродок, тупица, подлая тварь, скотина и ублюдок по имени Дженкинс был отправлен за ордером — и до сих пор не вернулся. Без документов ехать в суд не имело смысла. Однажды, в самом начале карьеры, Мерфи уже допустил подобную ошибку. Скрутил известного шулера прямо в салуне, кинул в бричку и примчался в город, ожидая наград и почестей. И вернулся в поселок, уплатив штраф за превышение полномочий.

Нет уж, больше никакой самостоятельности. И Питеру Уолку пришлось три ночи провести за решеткой в участке. Он, впрочем, не выказывал ни малейшего недовольства. Наоборот, был просто счастлив, что может, наконец, выспаться. Он дал шерифу денег на свой прокорм, и из салуна в участок приносили завтрак, обед и ужин.

Но Питер Уолк не был бы Питером Уолком, если бы не подбросил еще одну проблему. Когда фотограф принес шерифу только что изготовленный снимок однорукого, Мерфи долго глядел на отпечаток. И чем дольше глядел, тем сильнее портилось его настроение.

— По — моему, получилось неплохо, — осторожно сказал фотограф, привыкший к постоянной критике своего искусства.

— А по-моему, наоборот. Он тут совсем не похож на себя.

— Но ты же рассматривал его в темноте фургона. А я снимал при ярком свете вспышки. Смотри, даже шрам на щеке виден. Очень надежная особая примета, ее не спрячешь под одеждой.

— Да уж, надежнее не бывает. А обрубок вместо руки — не особая примета?

— Но ведь раньше у парня руки были на месте. Те, кто его знает, наверняка помнят именно про шрам. Сколько тебе нужно отпечатков, чтобы разослать соседям?

— Сделай еще пару.

— Так мало?

— Он большего не заслуживает.

Даже и пару отпечатков Мерфи не собирался никуда посылать. Парня он опознал сам. Как только фотограф удалился, на столе появилась коробка, в которой хранились розыскные извещения.

— Так и есть! Черт! Ну и осел же я! — сказал шериф через несколько минут, сравнивая две фотографии.

На одной был неопознанный ковбой. На другой — беглый каторжник. Лицо — одно и то же, никаких сомнений. Разница только в том, что ковбой был с закрытыми глазами, а каторжник глядел на шерифа нагло и насмешливо. Звали его Полом Хинкером, кличка — «Рябой», рост пять футов шесть дюймов, на щеке шрам.

Список преступлений — сбыт алкогольной продукции, кража скота, незаконное ношение оружия, два убийства. Бежал год назад во время транспортировки из Нью-Мексико в федеральную тюрьму Колумбус, штат Огайо. Вместе с ним бежали еще семеро заключенных, фотографии прилагаются.

На всякий случай шериф отложил все снимки в отдельную стопку. Если арестанты бежали вместе, им незачем расставаться. И те, кто бросил однорукого подышать на старом ранчо, могут сейчас околачиваться где-то поблизости.

Вспомнив о парне, которого застрелил Лански, Мерфи достал его фотографию и снова перебрал отложенные снимки. Нет. Тот, кого Мойра называла Диком Руби, не входил в список беглецов. Жаль. Очень жаль.

Хотя, с другой стороны, все не так и плохо. Если Дик Руби чист, то никто из соседей-шерифов его не опознает, и дело затихнет само собой. А вот физиономия Однорукого Хинкера может наделать шума. «Сам разберусь», — решил Мерфи.

В офис зашел Лански, и шериф быстро спрятал снимки в ящик стола.

— Томас, народ обеспокоен слухами, — сказал помощник. — Насчет индейцев. Краснокожие что-то затевают.

— Ты ошибся дверью. Если охота потрепаться насчет кровожадных апачей, катись в индейскую полицию.⁹ Там тебя выслушают с охотой.

— Какие апачи? — немного обиделся Лански. — Я про наших кайова. Шахтеры говорят, что уже вторую неделю никто из индейцев не приходит в поселок.

— Ну и что? Соскучились?

— Можно и так сказать. Соскучились по свежей зелени, по меду, по яйцам и молоку. В лавках остались только консервы. Но ты же сам знаешь, что не это людей беспокоит. Помнишь, как было в Аризоне три года назад? Тогда тоже индейцы сначала попрятали женщин и детей в горах, а потом начали резать фермеров.

Мерфи раздраженно хлопнул ладонью по столу:

— Не говори, чего не знаешь! То были апачи! И они не резали фермеров! Они резали колючую проволоку, громили поселки строителей железной дороги, а потом бились с кавалерией. А фермы сгорели, когда начался степной пожар. Пожар же начался, потому что кавалерия подожгла камыши, чтобы выкурить апачей!

Лански испуганно замахал руками:

— Да разве я спорю? Только шахтерам-то это не объяснишь! Они уже поговаривают, что индейцы могут что-то устроить. Томас, надо как-то поговорить с ними, что ли...

— Я знаю, откуда идут эти слухи, — Мерфи решительно встал. — Идем в салун. Пусть судья Бенсон придержит язык.

Несмотря на разгар рабочего дня, в салуне собрались примерно два десятка горняков. Сидя за столиками и вдоль стойки, они одновременно повернулись и уставились на Мерфи.

— А вот и шериф, — сказал бармен. — Интересно знать, кто тебя известил?

— Меня извещать не надо. Я и сам все могу узнать. Что тут у вас за собрание?

— С тобой, шериф, хочет поговорить один парень, но он боится, — сказал Бенсон. — Ему и при рождении досталось не слишком много отваги, и жизнь была наполнена вечным страхом, а последние события, похоже, напугали его до полусмерти. Он шел к тебе, шериф, но растерял последние капли смелости по дороге. Вот он и застрял у меня. Ты уж не гневайся на него.

— Хватит морочить мне голову, — сказал шериф, оглядываясь. — Честному человеку незачем меня бояться.

— Я тоже так думаю, — кивнул Бенсон. — Мэт, покажись на свет Божий.

Над стойкой медленно выросла всклокоченная седая голова старого негра. Мерфи расхохотался, схватившись за ремень:

— Так он прятался у тебя в ногах, как нашкодивший кот! Мэт, в чем дело? С чего бы тебе меня бояться?

— Я не вас боюсь, сэр, — проговорил негр, продолжая постепенно вырастать над

⁹ Индейская полиция — силы охраны правопорядка в резервациях и на Индейской Территории, состоящие из коренных жителей.

стойкой. — Я индейцев боюсь.

Он остался стоять рядом с барменом, будто прячась за ним.

— Опять индейцы? — возмутился Мерфи. — Да вы что, сговорились? Весь день только и слышу о краснокожих!

— Мафусаил, повтори шерифу все, что рассказал нам, — попросил Бенсон.

— Вчера мы с инженером Скиллардом поехали в Гудворд на станцию встречать какого-то важного гостя. Приехали, ждем поезда. Скиллард сидел в буфете, я при лошадях. Тут подходит ко мне черный Саймон, раб Темного Быка. Не хочешь ли, говорит, посмотреть одну интересную штуковину? И ведет меня за собой на конюшню. А там два индейца.

Саймон наставил на меня ружье и повел наверх, где сено. Они меня сеном забросали и приказали молчать до завтрашнего вечера. Он забрал мой плащ.

— Понятно, — резко бросил шериф. — Они тебя связали?

— Нет, сэр.

— Тогда почему ты не выбежал сразу? Почему не предупредил Скилларда? Почему на помощь не позвал никого, черт возьми!

— Мне было страшно, сэр. Саймон сказал, что убьет моих детей, если я выйду из конюшни до вечера.

— Черт возьми! Значит, Скиллард уехал не с тобой... Этот черномазый Саймон увез его к Темному Быку... К индейцам! Опять индейцы! Мэт, если он пропадет... — Мерфи ударил кулаком по стойке так, что негр снова юркнул под нее. — Вылезай, старый осел! Что они задумали? О чем говорили?

— Они говорили о землемерах.

— Что говорили?

— Я не то сказал, сэр, извините. Они молчали. Говорил только Саймон. Он сказал, что убьет моих детей...

— Это я уже слышал! Что еще?

— Он сказал, что землемерам здесь делать нечего. И все. Истинно так, сэр, больше не сказал ни слова! Нечего, говорит, им тут делать!

Шериф Мерфи развернулся и обвел взглядом людей, собравшихся в салуне. Он засунул большие пальцы за пояс и угрожающе наклонился вперед:

— Кажется, вы все тут чем-то радуетесь? У вас какой-то праздник, ребята? Вы веселитесь вместо того, чтобы кинуться вдогонку за своим инженером и спасти его! Он вам мало платит? Он спит с вашими женами? Отвечайте! Что плохого сделал вам Скиллард, кроме того, что дал вам работу?

— Мы ничего не имеем против инженера... Но что мы можем сделать?

— Я вам скажу, что вы можете сделать! — рявкнул шериф и направился к выходу. — Все, у кого есть конь, собирайтесь на площади! Все, кто носит штаны, приходите туда же с оружием. Поднимите всех, кто не на работе. Пойдем выручать Скилларда!

Шахтеры неохотно поднялись с мест и побрели из бара. Шериф, стоя у выхода, не поленился похлопать каждого по спине, не то подбадривая, не то поторапливая. Однако он и сам понимал, что никто из них не примет участия в погоне.

Лошадей держали всего трое или четверо — чтобы было на чем ездить в город. Что это были за лошади? Старые клячи, не стоявшие и той десятки, что за них заплатили.

Оружие? Оно было у многих. Если, конечно, считать оружием ржавые револьверы, годные лишь колоть орехи.

Нет, он мог рассчитывать только на своих помощников. Но их еще надо было собрать. Пока под рукой был только Лански. Дженкинс? Когда появится, будет немедленно уволен. А остальные мотаются где-то по своим делам.

Значит, надо посылать в Компанию за подмогой. В конце концов, Скиллард — слишком важная персона, чтобы о его судьбе пекся один только Мерфи.

Инженер Скиллард почти не показывался на карьере. Просто не успевал, потому что все время был в дороге. Он носился в своей бричке между поселком и городом, или между

городом и станцией, и, бывало, что возвращался в поселок уже затемно. И ничего с ним не случилось.

Порой он возил деньги, и тогда Мерфи давал ему охрану — но и эти поездки всегда кончались благополучно. «И вот что из этого вышло, — подумал Мерфи. — Тут у нас нельзя расслабляться. Когда видишь индейца, надо быть готовым ко всему. А когда не видишь, еще опаснее».

— Лански! Не помнишь, сколько охранников работают на Компанию?

— Целая армия. Человек пятьдесят.

— Так-так. Добавим всех моих помощников, кого сможем найти. Стволов шестьдесят наберется. Можно шахтерам раздать оружие...

Он задумчиво глядел в окно, когда Чокто Дженкинс бесшумно просочился в участок через едва приоткрытую дверь.

— Черт бы тебя побрал, Дженкинс! — заорал Мерфи из другого угла офиса. — Где тебя носило? Стой, не подходи! Лански, дай ему мыло! Пусть сначала отмоется, а потом докладывает.

— Я уже мылся, босс, — заявил Чокто. — Есть новости. Кайова угнали лошадей компании, украли коляску компании и захватили инженера.

— Мы уже знаем, — стараясь не дышать, произнес Лански. — Вот тебе мыло, а умывальник найдешь во дворе, если ты еще не забыл, где у нас двор.

— Мы не отправляемся в погоню, босс? — спросил Чокто, подцепив мыльный брусок кончиком ножа. — Догоним, тогда и помоемся все вместе.

С этими словами он отправил мыло в карман рубахи.

— Какую погоню? — раздраженно спросил Мерфи. — Гоняйся, не гоняйся, никакого толку не будет. Их уже не догнать.

— Я слышал, что назначен сбор вождей, — сказал Чокто. — Волчья Рубаха, босс шайенов, послал на сбор своего сына. Из резервации навахо приехал Тапахонсо. Темный Бык тоже там будет.

— Где?

— У скалы Белого Мула, на границе Большого Леса. Там мы его и догоним.

— Верно, босс! — подхватил Лански. — Посмотрим, как он будет оправдываться, когда мы налетим.

— Темный Бык думает, что мы побоимся за ним гнаться, — сказал Чокто. — Но мы его догоним и повесим! Чтоб больше никто не покушался на имущество компании!

— Я побегу, позову ребят, да, босс? — вскочил Лански.

— Там же и повесим, — мечтательно повторил Чокто. — Прямо на скале Белого Мула. Ее станут называть скалой Темного Быка. Босс, надо взять побольше ребят в погоню, чтобы никому не было обидно!

Оба помощника уже стояли на пороге, но Мерфи не торопился отдавать приказ. Он спокойно сидел, задрав ноги на стол, и сворачивал самокрутку.

— Босс, время уходит!

— Дженкинс, остынь. Иди мойся, иначе за нами никто не осмелится ехать, — сказал Мерфи.

Ему совершенно не хотелось тащиться к Белому Мулу. Он знал это место. Самое проклятое место в округе. Начать с того, что пришлось бы пересечь две реки, причем берега Волчьей реки были заселены всякой швалью так же густо, как трущобы Нью-Йорка. Беглые каторжники, конокрады и убийцы скрывались в бесчисленных пещерах.

Всю пойму покрывал камыш в два человеческих роста, и там можно было спокойно спрятать слона, не то что украденную лошадь. Прогуляться через этот гостеприимный край Мерфи согласился бы только в сопровождении кавалерийского полка.

Сама же скала стояла посреди долины, где постоянно пропадали изыскатели. Просто уходили туда — и не возвращались. Рассказывали, что много лет назад там был прииск. И все, кто на нем работал, умирали от скоротечной болезни. Кто прямо на прииске, а кто за

стойкой бара, празднуя свое возвращение. В общем, в живых никого не осталось.

— Да, индейцы умеют выбирать место для пикника, — задумчиво произнес он.

— Томас, ведь нам даже не придется туда идти! — бодро сказал Лански. — Когда краснокожие узнают, какую армию мы тут собрали, они сами отпустят Скилларда.

С порога послышался голос Чокто:

— Что? Индейцы отпустят Скилларда? Не будет такого.

Он вошел, осторожно обтирая лицо полотенцем. Вытер руки и, скомкав, швырнул почерневшее полотенце на скамейку.

— Они украли его не для того, чтобы освободить. Надо было сразу ехать за ним. Пока мы тут сидим и *моемся*, они, наверно, уже разрезали ему живот вот здесь, — он ткнул себя пальцем под ребро, — зацепили крючком кишку и потихоньку начали ее вытаскивать. Знаете, как орет взрослый мужчина, когда видит собственную кишку? Он пищит, как котенок! Он бы и хотел кричать погромче, но от ужаса у него сжимается горло. И получается такой тоненький слабый голосок, что все вокруг смеются.

Чокто достал из кармана рубахи гребешок и принялся вычесывать длинные волосы.

— К вечеру ваш инженер уже не будет кричать, — продолжал он с удовольствием. — Он будет беззвучно плакать. Пока не кончатся слезы. А его кишки будут лежать у него на коленях, и по ним будут ползать мухи. Собак к нему не подпустят, чтобы не загрызли насмерть. Но мух отгонять никто не будет.

— Хватит тебе, — сердито бросил Мерфи.

— Бедный Скиллард, — проговорил Лански.

— О, ты еще не знаешь, какой он бедный! — ухмыльнулся Чокто. — Ночью его начнут укорачивать. Будут отрезать пальцы, и каждую ранку поливать особым зельем, чтобы кровь не вытекала. Его будут поить кофе с молоком и заставлять курить трубку, чтобы он не умер раньше времени.

— Как это — раньше времени? — спросил Мерфи.

— Три дня, не меньше, — солидно сказал метис. — Если он умрет в первый день, это позор для семьи. Через три дня его оставят висеть головой вниз над костром, а семья снимется с места и отправится кочевать. Очень важно, чтобы он оставался живым, когда они уйдут. Важно, чтобы он умер своей смертью. Так мы едем?

Мерфи хлопнул ладонью по столу.

— Черт возьми, Дженкинс! Я за чем тебя посылал в город? Где ордер?

— Ордер? — Чокто поковырял в носу и внимательно разглядел палец, прежде чем вытереть его об рубаху. — Ордер... Так я же не видел маршала. Я, как только узнал про Скилларда, сразу помчался к тебе. Это же важнее, чем какой-то ордер.

— Как я, по-твоему, могу привести человека в суд, не имея ордера на арест?

— Это не моего ума дело. Мое дело — тебе помогать. Так мы едем спасать инженера?

— Да. Едем. Лански! Запрягай. Едем в город.

12

Лагерь индейцев они увидели издалека. Сначала на фоне закатного желтого неба показались верхние концы их шатров, типи. словно растопыренные тонкие пальцы, тянулись они из-за гребня холма. Их было много, Кирилл насчитал с десятков заштрихованных треугольников.

А потом они подъехали ближе, долина раскрылась перед ними, и типи стали видны целиком. Теперь они были похожи на песочные часы — сверху прозрачный треугольник скрещенных жердей, внизу темный треугольник бизоньих шкур. Типи стояли не кругом, как обычно, а группами по три-четыре в каждой.

Отдельно, у самого леса виднелась высокая белая палатка с пологом, украшенным синими поперечными полосами. Посреди лагеря горело несколько костров, и в разных концах пестрели группы лошадей. Сюда, к скале на границе прерии и большого леса,

собралось сразу несколько разных семей.

Монотонный рокот барабана доносился, казалось, из-под земли.

— Я же говорила, у них праздник, — сказала Полли.

От лагеря к ним скакали шестеро всадников. Над передним колыхались белые перья короны.

Ахо выехал вперед. Он поднял обе руки вверх и выкрикнул короткое гортанное приветствие, от которого у Кирилла мурашки пробежали по спине, а его конь попятился, недовольно отворачиваясь.

Молодые индейцы остановились в тридцати шагах. Расстояние броска камня, как они выражаются. Или дистанция прямого выстрела из кольта, как привыкли считать белые. Подъезжать вплотную — невежливо, а останавливаться слишком далеко — знак недоверия.

Кирилл видел, что на их темных лицах с высокими скулами нет никакой раскраски, и это его обрадовало. Лица красят обычно перед боем или для особых ритуалов. А ему не хотелось бы участвовать ни в том, ни в другом.

Индейцы молчали, разглядывая гостей. Они были из разных племен, судя по их одежде и украшениям. Тот, что нес на голове орлиное оперение, держал у бедра круглый кожаный щит, расписанный по спирали. Парень слева от него носил налобную повязку с двумя перьями, свисающими вдоль ушей. А шляпа того, кто справа, была обвита блестящей и пятнистой змеиной кожей. Трое одеты в рубахи с бахромой, двое — в клетчатые сорочки, один щеголял кожаным жилетом, надетым на голое тело.

Полли взгляделась в них и позвала:

— Ники, рада тебя видеть! Меня послал отец! У меня есть дело к Темному Быку!

— Здравствуй, Полли! — отозвался щеголь в жилете. — Мы рады тебя видеть! Следуй за нами вместе с твоими спутниками!

Их кони слаженно развернулись и поскакали к лесу, где под навесом из веток стоял длинный стол.

Полли озадаченно посмотрела вслед индейцам и проговорила:

— Что-то не то. Это не праздник...

— Это сбор вождей, — сказал Ахо. — Я вижу аризонские палатки. Много чужих. Будем вежливы. Чужие могут неправильно понять тебя, даже если ты ничего не скажешь.

— Опять эти наставления, — проворчала Полли, но присмирела.

За длинным дощатым столом сидели всего лишь два человека, по одному на каждом конце, и от этого стол казался еще длиннее.

— Кто привез сюда столько досок? — насмешливо спросил Ахо. — Наверно, индейцы какой-то новой породы. Которые не могут есть на земле.

— Это старый стол, — сказал тот, что носил оперение. — Здесь жили белые. Они рыли землю. От них остался только этот стол. И могилы.

— Мне надо видеть Темного Быка, — сказала Полли.

— Ты будешь ждать здесь. Сейчас ты не можешь никого видеть, — с мрачной торжественностью произнес молодой индеец и ускакал вслед за своими товарищами.

Те двое, что сидели за столом, были в городской одежде. Они не встали, чтобы поздороваться, и не подали руки пришедшим. По той простой причине, что их руки были связаны за спиной.

— Ой, мистер Скиллард? — удивилась Полли. — Что вы тут делаете, господин инженер?

— Жду ужина, — мрачно заявил мужчина в высокой белой шляпе.

— Вы думаете, нас подадут на ужин? — поинтересовался второй пленник, в кожаной фуражке. — А я-то надеялся дожить хотя бы до завтрака.

— Кажется, тебя зовут Полли Уолк? — спросил Скиллард. — Ты не развяжешь меня, юная леди?

Полли промолчала.

— Конечно, не развяжешь, — продолжал инженер упавшим тоном. — Ты же с ними

заодно, юная колдунья. Ты такая же, как твой брат. Дикари тебе ближе, чем белые люди.

— Не бойтесь, никто вас не съест, — сказала Полли. — Не знаю, почему вы тут оказались в таком положении.

— Почему? Я тоже хотел бы знать, почему! Они привезли меня и привязали, и ничего не говорят! — раздраженно воскликнул пленник. — Они болтают только на своем диком наречии, я ничего не понимаю. Но, оказывается, они при этом умеют прекрасно говорить и на человеческом языке!

— Мы подумаем, чем вам помочь, — холодно пообещала Полли и вернулась к фургону.

Кирилл присел на ящик у стола и тут же вскочил, потому что гнилые доски рассыпались в прах.

— Они забыли вас предупредить, дружище! — злорадно рассмеялся пленник в белой шляпе. — Сидячие места только для нас с мистером Грубером. Дружище, вы не похожи на дикаря. Позвольте представиться. Инженер Бенджамин Скиллард, Горнорудная Компания Кребса. А это мистер Сол Грубер, фотограф из Денвера.

— А мое имя — Пробитый Портсигар, — Кирилл приподнял шляпу. — Джентльмены, могу угостить вас водой и предложить самые дешевые сигары с мексиканских плантаций.

Он напоил из фляги сначала Скилларда, потом Грубера, но от сигар оба дружно отказались.

— Зачем они нас связали? — ворчал Скиллард. — Все равно мы никуда не убежим.

— Не ропщите, Бен, — сказал Грубер. — Вы сами в этом виноваты. Не надо было на них кричать. Не надо было грозить им армией. Не надо было говорить, что их вождям самое место в тюремной камере. Индейцы не обидчивы, но они все ваши слова воспринимают буквально.

— Вы понимаете индейцев, мистер Грубер, — сказал Кирилл.

— Почему бы мне не понимать их? Я прошел со своими камерами всю Америку, от Великих Озер до Рио-Гранде. И никто меня не связывал так, как сегодня. Ни тлинкиты, ни черноногие, ни кроу, ни ассинобойны. Они видели, что я их уважаю, и за это уважали меня.

Они так меня уважали, что даже позволяли себя фотографировать, а мне от них больше ничего и не требовалось. Мой жанр — портрет. Приходится в основном делать панорамы для Географического Общества, за это мне платят. А портреты я снимаю для себя. И для истории. С удовольствием сделаю ваш портрет, мистер Пробитый Портсигар.

Скиллард язвительно проскрипел с другого конца стола:

— Не мешало бы сделать сначала наши портреты, Сол. Чтобы все знали, как обращаются краснокожие с теми, кто несет им цивилизацию.

К ним подошла старая индеанка с корзиной. Полли побежала ей навстречу:

— Тетушка Лиз!

— Полли, девочка, зачем ты приехала? И как ты нашла это место? Ахо, у тебя опять новая лошадь! Еще злее, чем прежняя. Поешьте здесь, я не могу позвать вас к нашему огню. Там много чужих. Ахо, развяжи маленьких белых вождей. Покормите их и не дайте им убежать, не то они пропадут.

Кирилл поспешил исполнить ее приказ раньше, чем индеец успел повернуться. Маленький белый вождь Скиллард прошипел что-то вроде «всех бы вас на одном суку», а фотограф первым делом перекрестился и пробормотал что-то на латыни.

— Что у вас случилось, тетушка?

— Все хорошо, милая, все хорошо. Ничего не случилось. Мы чего-то не понимаем, наши соседи тоже чего-то не понимают. Вот мы с ними тут и собрались, чтобы вместе все понять. Что у тебя в фургоне?

— Маленькие гостинцы для тебя и для моих сестер. И больной. Отец хочет, чтобы вы его лечили.

— Гостинцы пусть полежат у тебя. Не надо, чтобы соседи их видели. Им будет обидно, что для них ничего не привезли. А больной.... — Она вздохнула. — Нам сейчас самим себя

надо лечить. Многим кровь ударила в голову...

Ахо спросил:

— Мы можем развести здесь огонь, тетушка? Скоро ночь.

— Огонь? — старуха помедлила с ответом. — Я не знаю, останетесь ли вы тут на ночь. Подождите Ника.

Они расстелили одеяло на траве и уселись вокруг корзины. Фотограф Грубер пристроился рядом с Ахо, а инженер гордо остался за столом. Правда, вместо северского фарфора ему пришлось довольствоваться таким же листом лопуха и кукурузной лепешкой, какими пользовались и дикари, сидя на земле поедая печеного лосося.

А лосось был хорош.... Кирилл пальцами отделял ломкую белую мякоть от костей и отправлял ее в рот, а потом обмакивал ломтик лепешки в кисло-сладкий ягодный соус и пережевывал все вместе. И свежая вода после рыбы казалась изысканным вином.

Полли собрала кости, отнесла их в сторону, и к ней тут же бесшумно подлетела пара ворон. Никто и не заметил, где они прятались перед этим, терпеливо дожидаясь, когда люди закончат свою часть трапезы.

Темнело, и ночная прохлада заставила подняться с земли. Наконец, появился долгожданный Ник с горячей веткой в руке. Они быстро соорудили костер из старых ящиков и стали готовиться ко сну. Ник принес два солдатских одеяла для Скилларда и Грубера.

— Долго нас будут здесь держать? — спросил инженер как можно учтивее. — Твои начальники должны знать, что меня наверняка уже ищут. Ищет армия, ищет охрана карьера, весь город уже на ногах. Объясни там своим начальникам ...

— У меня нет начальников, — ответил индеец и исчез в темноте, отступив от костра.

Разламывая ящик для костра, Кирилл заметил на торце полустертое клеймо и поднес его ближе к огню, чтобы прочесть. «Горнорудная Компания Кребса и Миллса, 1875, Огайо».

«Похоже, что это имущество той же самой компании, которая владеет карьером в Шерман-Сити. Только двадцать лет назад в ней был еще какой-то Миллс. И уже двадцать лет назад их ящики прибыли сюда, в самую глушь Индейской Территории. Надо признать, эти Кребс и Миллс были в молодости отчаянными парнями», — подумал Кирилл.

Дощечку с клеймом он оставил для истории, а остальное отправил в костер. Ящики сгорали быстро, и в дыме была неприятная горечь.

Полли выглянула из фургона, и Кирилл подошел к ней.

— Вот, закопай это где-нибудь подальше, — она подала ему свернутый кусок холста.

От грубой ткани тяжело пахло кровью.

— Как там наш больной, не проснулся? — спросил Кирилл.

— Рано еще.

Он отошел с лопатой к деревьям и обнаружил там полузасыпанную старую канаву. «А вот тут у Кребса и Миллса было отхожее место», — с усмешкой подумал он, вонзая лопату в податливый песок.

В ночи продолжал мерно бить барабан. Слух успел привыкнуть к его непрерывному рокоту. Занятый работой, Кирилл прислушивался к разговорам у костра.

— Вам не кажется, Сол, что их танцы затянулись? — спросил инженер. — Может быть, они собираются попытаться нас бессонницей?

— Это не танцы, — задумчиво ответил фотограф. — Боюсь, что это совсем другое. Под такую музыку принято общаться с духами.

— Только духов нам не хватало.

— А скажите, мистер Грубер, — вмешалась Полли. — Очень трудно научиться фотографировать? Можно ли научить этому простую девушку вроде меня?

В ее беззаботном голосе совершенно искренне прозвучало детское любопытство. Можно было подумать, что ее и в самом деле больше всего на свете сейчас интересует фотография. Как будто они не были окружены со всех сторон вооруженными и мрачными

индейцами, и не бубнил в ночи ритуальный барабан своим замогильным голосом...

Ахо бесшумно подошел к Кириллу и присел на корточки.

— Кто-то замыслил недоброе дело, — сказал индеец.

— Ты про пленников?

— Да. Бубен поет о смерти.

Кирилл бросил на дно ямы тряпку, засыпал ее землей и уложил сверху срезанные ломти дерна.

— Мало ли что поет бубен? Песни — это песни, а жизнь — это жизнь.

— Что ты будешь делать, если за ними придут? — спросил индеец.

— Ничего.

— Ты уверен? Ты не будешь их защищать?

— Не буду, — сказал Кирилл. — Я не лезу в чужие дела.

— Я тоже. — Ахо запрокинул голову, разглядывая звездное небо. — Завтра будет жаркий день. Не отходи от Полли ни на минуту.

Они вернулись к костру, где фотограф рассказывал Полли о своем искусстве.

— ...Но скоро этим сможет заниматься каждый. У меня в чемодане лежит камера Истмена, называется «Кодек», я вам обязательно ее покажу.

— Как называется? — переспросила Полли.

— Ко-дек.

— Это на каком языке?

— Ни на каком. Истмен сам придумал это слово, потому что для той штуки, которую он изобрел, ни в одном языке слова не нашлось. Так вот, с его камерой вам ничему не надо будет учиться. Ни вставлять пластины, ни проявлять их — все сделают за вас.

Внутри камеры уже есть рулон фотопленки, его вставили на заводе. Вы снимаете сто кадров, потом отправляете камеру на завод в Рочестер, а там вашу пленку проявляют, печатают карточки, вставляют в камеру новую пленку и отправляют вам. То есть полностью оправдывается лозунг фирмы: «Нажми на кнопку, остальное сделаем мы!»

— Но такая камера стоит, наверно, огромных денег, — вздохнула Полли.

— Вместе с пленкой двадцать пять долларов.

— Как хороший револьвер, — заметил Кирилл.

— Слышите? — Скиллард поднял лицо и приложил ладонь к уху. — Кто-то плачет.

— Кто-то поет, — поправил его фотограф. — И не «кто-то», а шаман. Я угадал, там идет разговор с духами. Хорошо, что мы далеко от них и не слышим подробностей.

— Наверно, прибыльное дело эти ваши карточки? — спросила Полли, возвращая разговор к менее тревожным темам. — Вы можете хорошо заработать в шахтерском поселке.

— Это иллюзия, юная леди. Чужие деньги всегда кажутся больше своих. Настоящий мастер не может стать богатым. Его награда не в деньгах. Если же он попытается превратить свой талант в богатство, его ждет большое разочарование. Вы, конечно, слышали о Мэтью Бреди, великом мастере фотографии...

— Вы забыли, где находитесь, Сол, — перебил его Скиллард. — Откуда эти люди могли слышать о вашем Бреди?

— Во время Гражданской Войны он организовал «дивизию фотографов», — продолжил Грубер, не заметив этой реплики. — Он собрал огромную коллекцию военных снимков. Он вложил в дело почти сто тысяч долларов и надеялся, что его затраты окупятся после войны. Но после войны оказалось, что его фотографии никому не нужны. Никто их не печатал, чтобы не будить в обществе неприятные воспоминания. И Бреди обанкротился. Он не мог отдать долги, он не мог платить жалованье своим репортерам, и в конце концов оказался в полной нищете.

— В каждом деле есть риск, — заметила Полли. — Может быть, и наши шахтеры не сразу захотят сниматься за деньги. Но постепенно...

— Как ужасно он кричит, собака, — выругался Скиллард. — Если это и в самом деле песня, то я не думаю, что он поет о любимой девушке или о траве у дома.

— Интересно, что некоторые шаманы позволяют себя сфотографировать, а некоторые, наоборот, могут и камеру разбить, — проговорил Грубер, глядя в сторону шаманской палатки. — Так вот, о чем мы говорили? Да... А еще пленка хороша тем, что из нее можно делать бегущие картинки. Вы слышали про бегущие картинки Майбриджа? О, это великое изобретение! Все началось в семьдесят втором году, когда губернатор Калифорнии поспорил с друзьями о лошадях...

— Слышите? — перебил его Скиллард. — Вот, опять...

— Не мешайте, Бен, — мягко попросил Грубер. — Возможно, кроме меня, никто не расскажет юной леди о достижениях фотографии.

Он замолчал, глядя в огонь.

«Ему страшно, — подумал Кирилл. — Но этот человек умеет справляться со страхом. Он читает лекцию, вместо того, чтобы молиться и плакать. Нет, я не дам его убить».

— Так что там насчет лошадей? — спросил он.

— Лошадей? — Грубер растер ладони над огнем, словно они у него были обморожены. — Так вот, губернатор Стэнфорд утверждал, что когда лошадь бежит рысью, в какой-то момент все четыре копыта одновременно находятся в воздухе. А его друг так не считал. Они заключили пари, разрешить которое было поручено Майбриджу. Тот вооружился камерой и принялся снимать скачущих лошадей.

Это было в семьдесят втором году. В семьдесят седьмом году он предоставил свои снимки Стэнфорду, и тот выиграл пари. Работа затянулась на пять лет, потому что Майбриджу пришлось отсидеть срок за убийство. Если бы его жена не завела любовника, и если бы Майбридж их не застал, и если бы он промахнулся, и если бы суд присяжных его оправдал — тогда прогресс фотографии не был бы заторможен на целых пять лет!

Все дело в том, что Майбриджу удалось расчленить движение на составные части. Просто поставил в ряд двадцать четыре камеры, и они срабатывали одна за другой. А когда он стал просматривать эти картинки, они вдруг ожили. Наш глаз не успевает заметить смены одного кадра другим, и создается полнейшая иллюзия движения! Я видел это сам в Денвере. Шестьсот карточек скользят перед глазами одна за другой, и лошадь скачет, как живая...

— А не проще посмотреть на живую лошадь, чем любоваться карточками? — спросил Кирилл.

— Проще. Но в этом нет никакого чуда. А Майбридж сотворил чудо, и мне странно, что никто этого не заметил, — закончил Грубер.

— Будет чудо, если мы доживем до утра, — съязвил Скиллард. — Спокойной ночи, приятных сновидений.

Посреди ночи Кирилл проснулся оттого, что барабан замолк. Ахо тоже поднял голову.

— Идут сюда, — шепнул он.

И отполз в сторону, бесшумно и мгновенно. Кирилл сел к костру так, чтобы его было видно тем, кто приближался со стороны лагеря. Скоро донесся шорох шагов, и отсветы костра выхватили из темноты несколько силуэтов.

Полли тоже подошла к костру и осталась стоять рядом, накинув на плечи одеяло.

— Это ты, Ник? — спросила она.

— Уезжай, — сказал Ник. — Не жди рассвета. Уезжай сейчас.

— Ты можешь сказать, что тут у вас творится? — спросила Полли и коснулась его руки. — Тетушка Лиз отказалась от подарков. Темный Бык не обнял меня и ничего не подарил отцу. Что случилось? Почему барабан?

— Пророк из Аризоны встречался с духами.

— И что сказали духи?

Ник молчал. Из-за него вышел индеец с обритой головой. Его лоб пересекала над бровями красная блестящая полоса. Краска была совсем свежая.

— Женщина! Слушай и передай своим, — сказал он. — Духи не хотят, чтобы твои братья рыли землю у скалы Белого Мула. Это принесет нам всем смерть. Нам и нашей земле.

— Рано или поздно все мы умрем, — сказала Полли. — В этом тоже будут виноваты

мои братья?

— Духи говорят, что мы вернемся на землю после смерти. А твои братья останутся в вечном огне. Мы хотим вернуться на землю, где можно жить. А твои братья убивают землю. Я все сказал.

Он закрыл глаза, показывая, что разговор окончен, круто развернулся и зашагал прочь. Его широкая спина блеснула в отсветах костра и скрылась в темноте. Индейцы ушли, но Ник остался, потому что Полли продолжала держать его за руку.

— Ники, Ники, подожди, объясни мне...

— Я не могу объяснить.

— Зачем вы привезли сюда инженера и мистера Грубера? Что с ними будет?

— Не знаю. Темный Бык приказал привезти сюда тех, кто роет нашу землю. С ними будут говорить наши соседи.

— А потом их отвезут в город?

— Я не знаю. Они несут нам смерть, Полли. Здесь рыли землю двадцать лет назад, и тогда умерли все. Те, кто рыл, умерли первыми. Потом умерли их начальники. Потом умерли те, кто воровал у них лошадей и еду. Здесь под землей живет смерть, и ее нельзя выпускать.

— Так сказали духи, да?

— Какие духи, Полли? Ты думаешь, я такой же дикарь, как эти шайены и навахо? Они язычники, они поклоняются своим идолам. Пусть они верят духам, если им так хочется. Но эта земля и в самом деле прячет под собой смерть. Лучше бы тебе уехать отсюда поскорее.

Он вырвал свою руку и убежал к огням лагеря.

К ним подошел Ахо. На его рубашке белели прилипшие сухие травинки.

— Ники прав. Надо уходить. Утром будет драка. Кайова будут защищать инженера, а шайенам нужна его кожа.

— Кожа? Зачем? — спросил Кирилл. — В чем он так провинился?

— Ни в чем. Но они обдерут его, а землемер передаст кожу в экспедицию.

— Но зачем? Чего они хотят этим добиться? Напугать землемеров?

— Мне все равно, чего они хотят, — сказал Ахо, отряхивая рубашку. — Но нам надо уходить. Иногда люди теряют голову при виде крови. Они превращаются в волков. В ненасытных волков. Надо уходить, если вам дорога ваша кровь. Иначе ее выпьет безумная стая.

— Жаль фотографа, — сказал Кирилл. — Он может не выдержать, когда они возьмутся за инженера.

— А мне жаль вас, — сказала Полли. — Вы еще и крови не увидели, а уже превратились в зайцев.

— Старый Лукас не доверил бы свою дочь зайцу, — спокойно ответил Ахо.

— Мы никуда не уедем, — твердо сказала Полли. — Мы — свидетели. При нас никто не посмеет это сделать.

«Да, мы свидетели, — мысленно повторил Кирилл. — И поэтому никуда не уедем. Просто не успеем».

13

Индеец засвистел, лошади понесли, Илья Остерман ударился головой об угол коляски, и свет померк в его глазах...

Свет померк только на миг, но когда глаза Ильи открылись, он уже был где-то в другом месте. Он лежал, судя по всему, на земле. Под щекой была колючая трава, а в грудь больно давили жесткие комья глины. Прямо перед глазами белели какие-то полосы. Остерман стянул с переносицы пенсне и ясно увидел голые ребра лошадиного скелета.

Он сел, дрожа от холода. Перед ним вздымались из жухлой травы выбеленные ноздреватые кости. Чуть дальше он увидел огромный череп с изогнутыми, невероятно широкими рогами.

По мере того, как прояснялось его сознание, он начинал видеть не только то, что было перед носом. Он увидел опрокинутую набок пролетку. Одна лошадь медленно брела, волоча за собой обрывки упряжи, и что-то выискивала в траве.

Второй не было видно, но Илья слышал, что она всхрапывает где-то рядом. Он с трудом поднялся на ноги и увидел ее. Лошадь лежала на боку, неестественно запрокинув голову назад.

Передняя нога была поджата под бок, а другой ногой лошадь судорожно водила по земле, и копыто уже пропахало в рыжей глине глубокую дугу. Заметив человека, кобыла принялась всхрапывать громче, и копыто задвигалось быстрее.

Медленно обведя взглядом вокруг себя, Илья зябко повел плечами — уж больно неуютный тут был вид. Повсюду, до самого горизонта, из серой травы, из рыжей земли, из-за каменных гряд выглядывали белые кости. Ребра, позвонки и рогатые черепа сотен, тысяч, миллионов погибших быков.

И никаких признаков жилья или хотя бы дороги.

Илья выругался сразу на всех языках, какие знал. Стоило пересечь половину континента, чтобы заблудиться в самой его середине!

Солнце стояло низко над горизонтом, придавленное к нему горами свинцовых туч.

«По крайней мере, теперь я знаю, где восток, — подумал Илья. — Или запад, если сейчас вечер».

Нет, не вечер. Солнце поднималось, и скоро его лучи стали теплыми.

«Значит, я провалялся тут всю ночь... Башка трещит, как с похмелья.... Ну, и куда теперь? Следы! Должны остаться следы! Я буду идти по своим следам!» — сказал он себе и кинулся к пролетке. Приняв ее за конечную точку маршрута, он сможет в конце концов выйти в начальную.

Ему хватило нескольких шагов, чтобы убедиться в ошибочности этой теории. Следов на земле было много, даже слишком много. Но они никак не выстраивались в прямую линию.

«Лошади! — вспомнил он. — Лошади всегда возвращаются в свою конюшню! Я буду идти за ними, и они приведут меня в город! Больше того, я могу даже не идти, а ехать на одной из них!»

Он подошел к лежащей кобыле и подергал за обрывок сыромятного ремня, похлопал по дрожащей шее — но она не поднялась, а лишь жалобно заржала в ответ.

Илья шагнул к другой лошади, но та повернулась задом и угрожающе взбрыкнула, обдав его песком. А потом двинулась вперед, изредка оглядываясь.

«Она идет домой», — решил Остерман и поспешил было за ней. Пронзительное ржание за спиной заставило его остановиться. Он увидел, как вторая кобыла пытается встать с земли — и не может. «У нее сломана нога», — догадался Илья. — «Она умрет здесь от жажды и голода. Если, конечно, ее не загрызут койоты. Интересно, есть ли здесь койоты? Наверно, есть. И не только койоты. Чтобы обглодать такое бесчисленное стадо, сюда, наверно, сбегались волки и медведи со всей Америки».

Ему стало не по себе при мысли о волках и медведях, но он вовремя вспомнил про свой револьвер системы «Айвер Джонсон». Остерман разыскал в опрокинутой пролетке саквояж, достал оттуда револьвер и жестянку с патронами. Вставил в барабан патроны. И посмотрел на лежащую лошадь.

— Тебя придется добить, — сказал он. — Лучше получить пулю в лоб, чем медленно сдыхать от жажды. Или ты предпочитаешь, чтобы тебя живьем начали грызть койоты?

Он навел ствол на голову и увидел, как влажно блестит лиловый глаз, наполненный слезами.

— Ты уж извини, — сказал Илья, отвернулся и нажал на спуск...

Когда он смог раскрыть глаза и подняться с земли, лошадь была уже далеко. Она немного прихрамывала, но шла довольно резво, и вторая кобыла шагала рядом, словно они по-прежнему были в одной упряжке.

Илья почесал ушибленный бок, подобрал с земли револьвер и поспешил за ними, перешагивая через кости и черепа.

* * *

Никогда еще он не видел такого неба. Неба было слишком много. Небо постоянно менялось. Сначала оно было светящимся и ярким, и редкие одинокие облака величаво проплывали по туго натянутому ослепительно голубому шелку. Потом облака сомкнулись в ряды и окутали прерию огромным темным покрывалом, свинцовым с одного края, а с другого — золотым. Далеко впереди виднелась полоска голубого неба, и Остерман шел к этой полоске, пугаясь сгустившейся тьмы, и вдруг что-то затрещало вокруг, захрустело, что-то больно щелкнуло по макушке, и с неба обрушился град величиной с добрую фасоль.

Илья не нашел иного укрытия, кроме собственного пиджака, натянутого на голову. Но прошло полчаса, и мягкие лучи солнца согрели его. Он распрямился под безоблачным небом, и увидел в прозрачном воздухе на самой линии горизонта стадо золотистых антилоп.

Он брел за лошадьми, уже не пытаясь их догнать, потому что при каждой такой попытке они пугливо разбегались в стороны, и приходилось долго ждать, когда же они снова встанут парой и направятся по собственным следам.

Иногда они останавливались над каким-нибудь особо вкусным кустиком и начинали его ощипывать. В эти минуты Илья Остерман безумно завидовал лошадиному умению обходиться без бифштексов и сыра. Вода в лужах была кристально чистой, но только до тех пор, пока он не опускал в них лицо. Стоило сделать пару глотков, как поднималась муть, и вода превращалась в соленую грязь.

Но все же он мог утолять жажду. А вот мысли о еде посещали Илью все настойчивее. Он принялся составлять меню торжественного обеда по случаю своего чудесного спасения. Никаких сомнений в том, что он спасется, у Ильи не было.

Жизнь устроена по законам логики, и невозможно допустить, что он проделал такой длинный путь только для того, чтобы превратиться в скелет посреди степи. Здесь и без него хватало костей, отличных костей, огромных и крепких. Его жалкий череп и впалая грудная клетка будут выглядеть просто смешно рядом с этими гигантскими остовами бизонов. Нет, он дойдет до Шерман-Сити, явится в управление горнорудной компании, и там его накормят, и дадут целое ведро ледяной воды ... Нет, о воде тоже лучше не думать.

Он не сразу понял, что уже давно идет по дороге. Повеселев, Илья прибавил шаг, и пара кобыл затрусила чуть резвее. Лошади по-прежнему предпочитали держаться подальше от идиота, который, чуть что не так, готов палить по ним из револьвера.

А когда вдалеке показалась бричка, силы покинули Остермана. Он опустился на колючую траву, надеясь, что люди, кем бы они ни были, не проедут мимо.

Вот если бы это была не бричка, а, скажем, несколько всадников, Илья повел бы себя иначе. Возможно, он бы стал подыскивать укрытие. Кто знает, что у них на уме?

Впрочем, бандиты иногда ездят и на бричках. На всякий случай он держал револьвер в кармане, и палец лежал на спусковом крючке.

Повозка остановилась, едва поравнявшись с парой кобыл. Седоки выпрыгнули и принялись осматривать сбежавших лошадей. И только потом заметили одинокую фигурку, застывшую в придорожной траве.

Высокий и плечистый мужчина направился к Илье. На его жилете блеснула латунная звезда, и Остерман разжал руку, сжимавшую рукоятку револьвера.

— Ты в порядке? Можешь встать? Ранен?

— Нет, — ответил Илья, поднимаясь на ноги.

— Я смотрю, у одной из моих кобыл ухо прострелено. Где ты их нашел? Кто-то оборвал упряжь... Пстой, постой, да ты, наверно, тот самый парень, которого встречал Скиллард?

Илья долго не отвечал, разглядывая шерифа, голос которого показался ему

удивительно знакомым.

— Да, меня встретил Скиллард. Мы ехали со станции... Послушай, ты когда-нибудь жил в Нью-Йорке?

— Было дело. — Шериф отступил и сдвинул шляпу на затылок. — Вот так встреча. Билли?

— Томас?

— Билли! Чертенюк! Да тебя не узнать!

— А ты вот совсем не изменился.

— Сколько же лет прошло?

— Сто или тысяча, не меньше, — смеясь, ответил Илья и ударил кулаком в грудь своего бывшего напарника.

Сто или тысячу лет назад Илья Остерман работал вышибалой в нью-йоркском салуне. Томас был его наставником, а потом и сообщником — когда Илья оказался втянутым в войну бандитских кланов.

Уничтожив шайку сардинцев, они неплохо заработали. Но каждый распорядился деньгами по-своему. Томас исчез из Нью-Йорка, а Илья остался. Тогда он не надеялся прожить слишком долго, и ему было все равно, где умирать. Но расчеты на скорую гибель не оправдались, хоть и пришлось выслушать смертный приговор. Потом был побег из камеры смертников, годы веселых скитаний по Дикому Западу, да много чего было — вот только стоит ли рассказывать обо всем человеку с шерифской звездой? Даже если он твой бывший напарник...

— Да ты на ногах не стоишь! — воскликнул Томас, подхватывая Илью. — Лански! Сюда! Да не сам! Бричку сюда, олух! К черту маршала! Мы возвращаемся!

* * *

Да, Томас совсем не изменился. Разве что загорел, да похудел немного — бронзовая кожа туго обтягивала скулы. Да еще на висках виднелась седина. Но голос был все тот же, и рука все та же — горячая и крепкая.

— Ты хорошо устроился, — заметил Илья с едва заметной улыбкой. — Приличная коляска. И звезда на груди. Настоящий шериф.

— Для друзей я не шериф, — сказал Томас.

Он достал из-под сиденья бутылку виски и пару кружек.

— Я ничего не слышал о тебе с тех пор. Ты не поменял бизнес?

— Поменял.

Томас облегченно вздохнул:

— Ну, тогда давай выпьем за то, чтобы в новом бизнесе нам везло больше, чем в старом.

Илья мужественно пригубил виски, но и от малейшего глотка его пересохшая глотка запылала адским пламенем. Однако он нашел в себе силы одобрительно кивнуть:

— Хороший бурбон. Сам гонишь?

— Конфискат, — усмехнулся Томас.

— А воду конфисковать не приходилось?

— Черт! Ну и тупица же я! — Томас пошарил за сиденьем и достал флягу. — Ты же умираешь от жажды!

Илья пил осторожно и медленно, наслаждаясь тем, как влага впитывается в губы и нежно заполняет рот.

— Лански, гони! — приказал Томас. — Чтоб через пять минут мы были в салуне! Билли, ты ел сегодня?

— Нет.

— Вот и отлично! Хуже нет, когда приходишь сытым в место, где вкусно готовят. А я везу тебя как раз в такое место. Так где же тебя носило?

— В основном по Западу. Был в Мексике. Теперь вот обосновался в Аризоне. А ты чем занимался все эти годы?

— Тем же, чем мы с тобой занимались в салуне. Гонял разных уродов. Помнишь, как мы расстались? Центральный парк. Оттуда я сразу отправился на вокзал и махнул на юг. Позагорал во Флориде, пытался открыть салун. Ничего не вышло. Потом занялся золотишком. И вот — я здесь.

— Большой у тебя округ?

— Какой округ? — Мерфи махнул рукой. — Нет еще никакого округа. Здесь свободная территория, каждый сам себе хозяин. Я отвечаю за угольный карьер. За людей, которые на нем работают, и за дороги, которые сюда ведут. Вот и ты мне попался как раз на той дороге, что я охраняю.

Надо же! Слушай, а тебя-то как занесло в Оклахому? Что за дела у тебя со Скиллардом?

— Честно говоря, никаких дел. Компания надеется, что я вложу деньги в развитие города. А я надеюсь, что компания поможет мне отыскать тех, кто убил моего друга. Ты должен был слышать об этом. Коннорс, Эд Коннорс.

Томас нахмурился и глянул на спину своего помощника, правившего лошадьми. Затем посмотрел на Илью и предостерегающе поднял палец:

— Билли, давай не будем о делах. Обсудим это потом. Я же вижу, ты смертельно устал. Выпей и вздремни. Я всегда засыпаю в дороге.

Он отодвинулся в угол и опустил поля шляпы на глаза. Илья тоже сделал вид, что дремлет. И проснулся, когда коляска уже стояла перед салуном.

— Повар тут просто колдун, — сказал Томас, когда они уселись за стол в дальнем углу, за ширмой. — Лански, сходи на кухню, пусть подадут что-нибудь. Чтоб нам было веселее дожидаться свинины по-креольски.

Когда помощник удалился, Томас заговорил, понизив голос:

— Откуда ты знаешь Коннорса?

— У нас общее дело, — ответил Илья. — Я развожу лошадей. Он тоже. Табун, из-за которого убили Эда — мой табун.

— Галисеньо? Значит, ты и есть тот самый мистер Смит? — Томас глядел на него недоверчиво. — Если б я знал.... Значит, ты получил телеграмму? И приехал опознавать своих лошадок?

— Да. Ты отвезешь меня в Шерман-Сити?

— Зачем? Твои пони стоят в моей конюшне. Если, конечно, они твои, а не чьи-то еще. Твое тавро — круг?

— Буква «О». Ранчо, где я держу галисенью, называется Каса Ориенте.

— Ну, а на этих лошадах тавро — «восьмерка». Я уверен, что подделка. Потому что таких пони здесь никто не разводит. Да и какой от них прок, от малышей? Разве что детей катать.

Илью задел его пренебрежительный тон.

— По-твоему, я похож на идиота? Стал бы я вкладывать деньги в бессмысленное дело? Галисенью так же силен, как любая крупная лошадь, но гораздо выносливее. Он может возить тебя по горам и пескам целый день. Я имел дело с разными породами, и скажу тебе точно: галисенью умнее всех, легко обучается и понимает все без слов. А его невзрачный вид — неплохая защита от конокрадов. Кто польстится на малыша, когда рядом пасутся длинноногие красавцы?

— Кто-то же польстится, — заметил Томас. — У меня в участке за решеткой сидит один местный любитель галисенью...

Илья привстал над столом:

— Ты схватил конокрада?

— Он не конокрад. К сожалению. Он добропорядочный фермер. Чистый, как председатель Верховного суда. Все, что я могу ему предъявить — скупка краденого. Да и то,

боюсь, в суде он отмажется.

— Так зачем ты держишь его за решеткой?

— Знаешь, таких, как он, полезно иногда поучить жизни, — усмехнулся Томас.

В кабинет вошел его помощник с подносом.

— Шериф, вот салаты и хлеб, но я хочу сказать, что...

Помощник покосился на Илью.

— Говори! — приказал Томас. — От Билли у меня нет секретов.

— К нам едет куча народу. Их видели мальчишки. Говорят, в коляске Форсайта едет маршал. Они остановились у карьера, а потом собирались ехать в поселок.

Томас встал, одернул жилет и надел шляпу, посмотревшись в окно.

— Билли, извини, я тут отойду на минутку. Лански! Останешься с моим гостем. Проследи, чтобы его накормили по высшему разряду!

14

Их называли индейцами, потому что Колумб думал, будто они живут в Индии. Но он ошибался, они жили не в Индии.

Их называли краснокожими, потому что наука считала их представителями «красной» расы. Но наука ошибалась — у них не красная кожа. Их кожа бывала красной только тогда, когда они сами наносили на нее боевую раскраску.

А еще их называли дикарями, потому что это давало право уничтожать их. И здесь уже не было никакой ошибки. Это было преднамеренное уничтожение. «Краснокожие индейцы», две тысячи разных народов, говорящие на двух тысячах разнообразных языков, на свою беду жили на земле, которая была нужна белокожим испанцам, португальцам, англичанам, голландцам и французам.

Впрочем, французы меньше всего интересовались землей Америки. Захватив огромную территорию и назвав ее, в честь короля Луи, Луизианой, они поспешили избавиться от нее, продав по дешевке молодой республике со столицей в Вашингтоне. Французы слишком любили свою Францию, чтобы еще осваивать колонии. В Америке они оставались французами. Они вели торговлю и добывали меха, и им незачем было уничтожать местных обитателей, которые расплачивались пушниной за их товары.

Голландцы первыми додумались покупать землю у индейцев. В 1626 году они заплатили целых шестьдесят гульденов за то, чтобы краснокожие покинули покрытый лесом остров Манхэттен. И когда о своих правах на остров заявили англичане, управляющий голландским поселением сунул им под нос справку об оплате. Впитанное с молоком матери уважение к платежным документам заставило гордых британцев отступить. Но это был хороший урок. С тех пор они начали платить индейцам перед тем, как изгонять их.

Вест-индская компания голландцев рухнула вместе с британским правлением, колонии стряхнули гнет одряхлевшей монархии, но для индейцев ничего не изменилось. Их по-прежнему считали дикарями и по-прежнему сгоняли с тех земель, которые становились позарез нужны белым людям.

Индейцы пробовали сотрудничать с белыми, но каждый раз дело кончалось нарушенными обязательствами. Они пытались сопротивляться, однако потерпели поражение в долгой войне. Им осталось только воспринимать нашествие Белого Брата как неизбежное зло вроде потопа, землетрясения или засухи. Но если ты не хочешь утонуть во время потопа, надо учиться плавать или строить лодки. Чтобы выжить, индейцам надо было как-то приспособиться к той цивилизации, которую несли им белые.

Кочевники Великих Равнин не могли превратиться в скотоводов, потому что привыкли не пасти скот, а ловить его. Пока прерии были полны бизонов, команчи охотились на бизонов.

Когда прерии заполнились коровами, переселенцами и поездами, команчи стали охотиться на поезда и на переселенцев. Коровы их привлекали меньше, ведь их мясо нельзя

было даже сравнить с мясом бизона.

Оседлые же индейцы не могли превратиться в фермеров. Они не знали плуга и обрабатывали почву заостренными палками, продавливая в земле лунку и опуская в нее зернышко или рассадку. К тому же земледелие было женским занятием, а мужчины крали, торговали и воевали.

Проявив неслыханное милосердие, Белые Братья создали для индейцев резервации. Здесь уцелевшим племенам предназначалось доживать свой век, получая от Правительства все необходимое. Вожди племен могли даже свободно выбирать место для поселения, но только там, где не было ничего ценного для Белых Братьев — в пустынях, каньонах и на голых скалах.

Но жизнь не стояла на месте, и порой границы резерваций становились досадной помехой на пути прогресса, особенно если прогрессу нужны были новые месторождения или дороги.

Так случилось и в этот раз. Шайены и сиу, устроившись в Оклахоме, вдруг узнали, что даже здесь они снова мешают кому-то из Белых Братьев. Их вождей стали все чаще приглашать на дружеские беседы в форты и столицы округов, генералы и сенаторы трясли им руки, улыбались, дарили сигары и ножи. Но вождям не нравилось, как улыбались генералы. Вождей настораживало то, как им трясли руки. Сигары были плохими. А подарить нож — все равно, что пожелать скорой гибели.

И тогда они назначили встречу тем, кто издавна жил в этих краях — вождям народа кайова.

Шайены и сиу хотели знать, что их ждет в будущем. Останутся ли они на этих землях или их выгонят еще куда-нибудь? Или, быть может, им суждено умереть здесь, как вымирали от голода и эпидемий другие народы — осаджи, пауни, тетоны?

О будущем знали только шаманы и Большие Белые Вожди. Шаман Воточака из Аризоны прибыл вместе с шайенами. Белого Вождя доставил на встречу Темный Бык.

Воточака умел общаться с духами. Давно умершие индейцы рассказывали ему о будущем, которое они могли разглядеть с небес, точно так же, как орел, парящий под небесами, мог бы рассказать о даях, невидимых для оставшихся на земле.

Инженер Скиллард мог дополнить эту картину, рассказав о планах горнорудной компании.

Воточаке индейцы верили. А что касается Скилларда, то они надеялись заставить его сказать им правду.

Место у Скалы Белого Мула было выбрано для общего сбора не случайно. Оно находилось примерно на одинаковом расстоянии от резерваций, разбросанных среди гор и пустынь. Кроме того, здесь хорошо сохранились следы зловерной деятельности белого человека, и об этой деятельности не мешало бы напомнить генералам и сенаторам, которые собирались снова послать сюда белых людей.

Вожди прибыли со своими семьями. Но только Темный Бык, вождь кайова, привел с собой женщин и детей. Шайены Волчий Глаз и Хромой, взяли на сбор только воинов — сыновей, племянников и внуков. И это был дурной знак...

Весь день и всю ночь вожди сидели в палатке шамана, а их родня ждала, чем закончатся переговоры.

Ждали и гости — четверо белых (однорукий — не в счет) и один индеец.

На рассвете Полли приготовила кофе, и к ее костру пришли люди Темного Быка — Ник и черный Саймон. С ними были и двое чужаков — навахо в полосатом мексиканском пончо и шайен в солдатской куртке, украшенной иглами дикобраза. Кирилл угостил всех сигарами, и вокруг утреннего костра заговорили о том же, о чем сейчас, наверно, беседовали вожди. Но здесь, у костра, не нужно было соблюдать тонкости этикета.

Разговор начал инженер Скиллард.

— Я теряю еще один день, — проговорил он, стараясь скрыть раздражение. — Страшно подумать, что сейчас творится на карьере.

— Конечно, без вас вся работа остановится. Странно, что солнце взошло без вашего участия, — сказал фотограф Грубер. — Если бы эти люди знали, что вы такая важная персона!

— Они прекрасно все знают, — сказал Скиллард. — Я очень удивлен, что они позволили себе такое безобразие. С Темным Быком у нас никогда не было никаких недоразумений.

— Да, — сказал Ник, — мы знаем, что инженер Скиллард важная персона. Вы — самая важная персона во всем поселке. Вы главнее шерифа. Вы все знаете. Поэтому вас и привезли сюда. Ваше слово много значит для компании. Если вы скажете, что здесь нельзя работать, здесь не будут работать.

— Но почему вы решили, что компания собирается здесь работать? — вяло возмутился Скиллард. — Компания давно вычеркнула этот район из своих планов. Здесь слишком бедные пласты, уголь грязный, никаких дорог. Компания и не думает сюда возвращаться.

— Когда вожди позовут вас, вы им это объясните. Но сначала надо подождать их решения, — сказал Ник.

— Какого еще решения?

— Они еще не решили, можно ли вам верить.

— Да? Интересно, и кто же это решит?

— Воточака. Он получит видение и узнает будущее.

— Воточака — хороший шаман, — сказал шайен. — Духи слушаются его. Он выгоняет пули из ран. Он сильный шаман.

Шайен глубоко, со свистом, затянулся, потом медленно выпустил дым через ноздри и повернулся к сидящему рядом навахо.

— Да, — подтвердил навахо. — Он никогда не ошибается. Он говорит, что будет наводнение, и наводнение приходит. Он говорит, что будет засуха, и все вокруг выгорает.

Навахо тоже выдохнул дым и посмотрел на Ахо, который сидел слева от него, словно передавая ему право выступления. Ахо сказал:

— Даже великие шаманы иногда ошибаются.

Все смотрели на него, ожидая продолжения. И он сказал:

— Великий шаман Уовока обещал людям сиу, что те, кто погибнет в битве с белыми, воскреснут через два года. Я знал многих, кто поверил ему. Прошло пять лет. Они до сих пор не воскресли.

— Кайова не верят нашим пророкам, — сказал навахо. — Кайова верят богу белых людей. Они хотят жить как белые люди. Они не ловят больше лошадей, они их покупают за деньги.

Он сказал это важно и немного печально, без осуждения. Ник ответил ему так же, даже с сочувствием в голосе:

— Навахо теперь тоже не ловят лошадей. Они получают их от Правительства. Они получают и одеяла, и рис, и сахар. А мы все это покупаем за деньги.

— Вы просто возвращаете белым их деньги. Они вам платят за уголь, добытый на вашей земле, и тут же забирают свои доллары обратно.

— Ну, кое-что остается, — сказал Ник. — Школу построили, пригласили учителей из Канзаса. Вряд ли белый учитель согласился бы работать за беличьи шкурки.

Навахо хотел что-то ответить, но шайен бросил недокуренную сигару в огонь и встал. Навахо тоже поднялся.

— Вы слушаете голос денег, а не голос духов, — сказал шайен, и они ушли.

Эта беседа не улучшила настроение инженера Скилларда. Он продолжал что-то ворчать, но его уже никто не слушал. В словах шайена прозвучала плохо скрытая угроза, и мужчинам у костра пришлось сменить тему.

— Сколько у вас людей? — спросил Ахо у Ника.

— Вместе с отцом — двадцать.

Ахо вопросительно оглянулся на Кирилла и тот, не задумываясь, кивнул.

— Вместе с нами двадцать два, — сказал Ахо. — Женщин, детей и фотографа с инженером надо охранять. С ними оставим четверых. Самых молодых. Остальным придется тяжело.

— Отец не доведет до драки, — сказал Ник. — Большой драки не будет.

— Если в маленькой драке убьют гостя, то начнется маленькая война, — сказал Ахо. — Дикае шайены уйдут в горы, а нам достанутся солдатские пули и штыки.

— Они только этого и хотят, — с болью в голосе сказал Ник.

— Мы знаем, — вмешался черный Саймон. — Хозяин поручил мне беречь инженера. Никто его не тронет.

Черный Саймон был рабом Темного Быка. Его родня жила в Канзасе, и он давно мог бы уйти к ним. Они были свободны, но продолжали работать на той же плантации, где работали их отцы и деды. Так и Саймон продолжал служить вождю, сыну того вождя, который когда-то купил его за связку беличьих шкур. Разница было только в том, что в прежние времена рабам не доверяли оружие.

Сейчас Саймон не расставался с обрезом дробовика. Он уже не полагался на свое зрение, но из обреза даже такой старик не промахнется с десяти шагов.

Утреннее солнце прогрело землю и высушило траву, когда вожди вышли из шатра. Они разошлись в разные стороны, каждый к своим людям. Но Темный Бык не задержался у семейного костра, а сразу направился к навесу над длинным столом, где его с нетерпением ожидали гости.

Вождь был укрыт шкурой бизона, отделанной спереди бахромой. Сзади свисал, скользя кисточкой по траве, хвост, перевязанный красными шнурами. Темное лицо вождя было усталым и осунувшимся.

Полли вышла к нему навстречу, и он, не останавливаясь, обнял ее за плечи одной рукой.

— Мистер Скиллард, — сказал вождь, подойдя к столу. — Я сделал все, что мог. Пророк видит смерть, спрятанную под землей. Вожди опасаются, что ваша компания выпустит эту смерть наружу. Я убедил их, что надо выслушать вас. Вы можете дать слово, что на скале Белого Мула не будут рыть еще один карьер?

— Дать слово? Как я могу решать за руководство? — развел руками Скиллард. — Это не в моих силах.

— Мне не нравится такой ответ, — сказал Темный Бык. — А вот шайенам он бы понравился....

— Почему?

— Потому что они знают, как заставить ваше руководство не соваться сюда. Они хотят послать компании предупреждение. Очень серьезное предупреждение. — Темный Бык смерил взглядом тщедушную фигурку инженера. — Вы видите этот стол? На нем лежали кости людей. Тех людей, которые уже были здесь двадцать лет назад. Они все умерли. С тех пор белые не появлялись здесь. Ваши хозяева знают это?

— Вероятно. Но этот район компании не нужен. Абсолютно не нужен. Я впервые слышу о Белом Муле. Если даже я, инженер, не знаю о планах компании, то откуда их могут знать индейцы?

— Им сказал верный человек.

— Верный человек! Шаман, что ли? А ему, конечно, доложили духи? Ладно, ладно, — Скиллард вовремя унял неуместную иронию. — Конечно, я передам мистеру Кребсу ваше предупреждение, он обязательно будет учитывать мнение местных жителей...

— Нет, мистер Скиллард, — Темный Бык поднял ладонь. — Вы не должны *передавать* предупреждение. Вы должны сами получить это предупреждение, понимаете? Вас привезли сюда как пленника, но вы не пленник. Вы — Большой Белый Вождь. Вы сильнее и умнее вождей, которые ждут вас.

— Что-то незаметно, — неуверенно улыбнулся Скиллард.

— Видите эту бизонью шкуру? — Темный Бык погладил свалывшуюся бурую

шерсть. — Я надел ее не потому, что мне холодно. А потому что в ней сила моего племени. Я прошу вас: наденьте на себя шкуру медведя. Станьте медведем, и тогда вы сможете говорить с волками.

Скиллард отступил на шаг и скрестил руки на груди.

— С волками? Они что, хотят меня убить?

— Они не убьют вас, если вы будете говорить с ними, как медведь с волками.

Инженер кивнул:

— Я вас понял. Я очень хорошо вас понял. Дайте мне пару минут. Хочу собраться с мыслями.

— Хорошо, — Темный Бык скинул с плеч шкуру и растер ладони. — Вижу, вы на верном пути. Поговорите с вождями. А потом мои люди вас проводят. Я дарю вам коня, на котором вы сюда приехали.

Он снова обнял Полли одной рукой и сказал:

— Колдунья, зачем ты привезла Однорукого? Отдай его белым.

— Белые хотят его убить.

Темный Бык понимающе кивнул, продолжая снимать с себя ритуальные украшения. Он вытащил перо из густых черных волос, собранных в пучок под затылком, а потом снял с груди панцирь из конических ракушек, похожих на детские пальчики.

— Я пошлю с вами Ника и его братьев, только собирайтесь скорее. Старуха говорила, что ты привезла ей подарки. Я их сам разберу, а ты не теряй время, собирайся.

Фотограф Грубер разочарованно протянул:

— Как же так? Неужели вы не позволите мне сделать хотя бы несколько фотографий? Я так ждал рассвета, и все понапрасну?

— Никаких фотографий, — сказал Темный Бык, который без ритуальной шкуры и перьев сейчас казался просто фермером — в клетчатой рубашке и комбинезоне с большими накладными карманами. И только массивная серебряная застежка с крупным рубином, стягивающая шелковый платок на шее, напоминала о его ранге. — Не всем это нравится, да и времени нет. В следующий раз, брат мой.

Темный Бык говорил ясно и грамотно. Он хорошо знал язык белых, потому что на этом языке была написана единственная книга, по которой он научился читать, и которую читал и перечитывал все время — Евангелие, подаренное ему миссионерами. Да, он оставался Темным Быком, потому что это имя перешло к нему от умершего отца. Но вождь любил свое христианское имя — Джошуа.

Он принял веру так же легко и естественно, как когда-то его предки приняли лошадей и огнестрельное оружие. Учение Христа не противоречило тому, что знали индейцы о жизни и смерти. И ему было непонятно, почему эта вера и этот язык еще не охватили всех остальных индейцев. Даже не все его родные братья приняли крещение, а брат отца, старый Коготь, категорически отказывался произнести хотя бы слово на языке белых.

Красный Коготь сам вызвался привезти Скилларда, и Темный Бык не мог ему в этом отказать. Он отправил с Когтем своего Саймона и поручил негру оберегать инженера, потому что хотел сохранить мир. А Красный Коготь не любил мир, он не любил жить дома и пропадал где-то в Колорадо с мелкими бандами. Коготь и здесь, на встрече, о чем-то шушукался со своими приятелями шайенами.

Вспомнив об этом, Темный Бык нахмурился и поторопил Скилларда:

— Идемте, мистер инженер! Вы скажете вождям свое слово, и отправитесь домой.

Темный Бык подвел инженера к костру, вокруг которого сидели на земле вожди шайенов. Здесь же был и Красный Коготь. Они замолчали, когда Темный Бык приблизился.

— Вы хотели слышать, что думает Компания, — сказал он, опускаясь на колени и за руку усаживая рядом с собой инженера. — Компания не собирается ломать наши границы. Не так ли, мистер Скиллард?

— Истинно так, — откашлявшись, подтвердил инженер. Он поправил свою белую шляпу и добавил: — На договоре о границах резерваций стоит подпись Президента. Его

слово — закон для всех граждан Америки. Для простых людей, для вождей и для компаний.

Шайены молча смотрели на него, ожидая продолжения, но Скиллард явно не был готов к длинной речи. Темный Бык пришел ему на помощь.

— Компания знает, что здесь, у скалы Белого Мула, нельзя рыть землю. Не так ли, мистер Скиллард?

— Да, конечно.

Скиллард отогнал рукой дым, щипавший ему глаза, и продолжил:

— Я внимательно выслушал ваши пожелания. Я подробно изложу их в своем обращении к руководству Компании...

Он попытался заглянуть в глаза кому-нибудь из вождей, но их лица были неподвижны. Они еще не услышали того, чего ждали, и он заговорил снова:

— Поверьте, я не последний человек в Компании. К моему голосу прислушиваются... Да, прислушиваются, и не только в администрации карьера. Я сделаю все, чтобы этот район был объявлен запретным для любых работ... И еще есть знакомые газетчики, я свяжусь с ними. Знаете, на что способны газетчики? Они такое напечатают, такое! Тогда не только наша компания, но и любая другая не захочет здесь работать. Да-да, газеты — великая сила!

Он говорил, а Темный Бык быстро переводил его слова для Когтя. Вожди шайенов понимали речь Скилларда, но, когда он замолчал, Хромой заговорил по-шайенски, а Волчий Глаз (он был младше) перевел:

— Если твоя банда не будет работать, вы все умрете от голода. Завтра в ваших ямах кончится уголь, и вы придете сюда, чтобы копать новые ямы. Ваши люди будут умирать здесь, но вы наймете новых. У вас много бедняков, которые пойдут сюда умирать за деньги. А подпись президента для вас ничего не значит. Вы всегда нарушаете свои обещания.

— Обещания? Я? Разве я вас когда-нибудь обманывал? — спросил Скиллард, обращаясь к Темному Быку.

— Вашему слову можно верить.

Шайены заговорили разом, но Темный Бык не дал себя перебить.

— Слово инженера Скилларда — верное слово, — сказал он. — Он знает числа и меры. Он видит на земле то, чего не видим даже мы. Его голос будет услышан в Компании.

Шайен Волчий Глаз сказал, нацелив на инженера томагавк:

— Твой голос слаб, и в твоих глазах нет крови. Кто станет слушать мужчину, у которого нет ни одной жены? Кто посмотрит в сторону мужчины, который не носит оружия и не имеет шрамов на лице? Кто не перешагнет через мужчину, который ездит в коляске, а не в седле?

Скиллард покраснел и сжал кулаки.

— Мой голос каждое утро заставляет несколько сотен мужчин работать на меня. В роскошных домах Калифорнии и Канзаса живут десятки моих женщин. Я не ношу оружия? Для этого есть другие. Сотни, тысячи других, которые носят мое оружие, да-да, мое, купленное на мои деньги. И в их глазах столько крови, что ей можно залить всю Оклахому!

Шайен, по-птичьему наклонив голову к плечу, с любопытством рассматривал инженера.

— У тебя есть семья? Есть у вас земля?

— Да, у меня есть семья. Мой отец и его братья — они владеют землями в Канзасе. Компания Кребса — это маленькая часть наших владений. И если я говорю, что компания не тронет вашего драгоценного Белого Мула — значит, так и будет.

Волчий Глаз встал:

— Дай нам слово, что твоя банда не полезет в наши земли. Ты дашь слово, и ты будешь отвечать, когда это случится.

— Ничего не случится, господа, даю слово, — Скиллард поднял перед собой руки, чтобы успокоить индейцев. С каждой минутой его голос становился увереннее и крепче. — Ничего не случится с вашими землями. Вы спокойно будете на них жить и получать полную поддержку Правительства, как это было и раньше.

Компания не собирается всю жизнь рыть ямы, как вы выражаетесь. Знаете, что здесь

будет? Мы построим здесь новые города с высокими каменными домами, с большими школами для детей, с огромными театрами. Мы проложим дороги от одного дома к другому, мы проведем телеграф в каждый дом, и на улицах вечерами будут гореть фонари, и ночью в городе будет светлее, чем днем. Знаете, кто будет жить в этом прекрасном городе? Там будут жить все — и белые, и негры, и индейцы. Граждане одного союза наций, а не люди из разных племен. И вы, и ваши дети, и внуки будут жить в этом городе вместе с моими детьми и внуками...

— Мы не спрашивали тебя о том, что будет с нашими внуками, — сказал Волчий Глаз. — Лучше подумай о том, что будет с тобой. Ты дал слово. Посмотрим, крепкое оно или нет. Прощай.

15

Переговоры закончились вполне благополучно. Однако все чувствовали, что последнее слово еще не сказано. Слишком много воинов привел с собой Красный Коготь — и слишком легко согласился отпустить пленников.

— Вот видишь! — сердито сказала Полли. — Ты сам виноват. Увязался за мной, и попал в такую историю. Я же предупреждала: таким, как ты, не прожить в Оклахоме.

— Я и не собираюсь тут жить, — ответил Кирилл. — Мне бы только разобраться с одним небольшим дельцем. Потом с другим. И все, я уеду.

Она молча правила лошадьми. Он молча ехал рядом и считал секунды. «Неужели не спросит?» — испугался он, досчитав до ста. Но женское любопытство — штука неодолимая.

— Про одно дельце я знаю, — наконец, спросила Полли. — А что еще?

— А еще мне велено найти себе невесту. Иначе меня домой не пустят. Так и буду остаток жизни мотаться по Оклахоме.

— Ничего. Это недолго. Дураки долго не живут.

— Уж какой есть, — беззлобно улыбнулся он. — Был бы умным, остался бы охранять женщин и детей Темного Быка. И тебя заставил бы с ними остаться.

— Заставить? Меня? Не родился еще такой человек, чтобы мной понукать.

— Значит, сама должна была догадаться. Твое место — не здесь.

— Откуда ты знаешь, где мое место? Сейчас мое место — рядом с больным. А больному не место среди кочующих индейцев. У них своего груза хватает.

— Ну, и куда ты его повезешь?

— Видно будет. — Полли оглянулась. — Инженера надо проводить в город. Терпеть его не могу. Но если с ним что-то случится... Послушай, это твои дробовики спрятаны под соломой?

— Нет.

— Ясно. Тех, которые фургон попортили? Значит, я могу ими воспользоваться, если что?

— А ты умеешь?

— Невелика наука. — Она снова оглянулась. — Глаза б мои не видели его белую шляпу...

Кирилл остановился и подождал отставших спутников.

— Мистер инженер, — сказал он. — Вам надо немного изменить внешность.

— Это еще зачем?

— Вы слишком заметная фигура.

— И что же вас не устраивает?

— Во-первых, ваш цилиндр. Он белый и высокий.

Ахо подъехал к инженеру сзади и снял с него шляпу. Скиллард возмущенно повернулся к нему, но индеец невозмутимо бросил на его колени черный платок.

— Повяжите голову.

— И не подумаю! Отдайте шляпу! Что вы себе позволяете, черт возьми!

— Чем вы смазываете волосы, чтобы они лежали так ровно? — спросил Кирилл. — Не думаю, что медвежьим жиром. Наверно, бриолином. Шайены постараются не нарушить вашу прическу, когда будут снимать скальп. Они уважают чужой труд.

— Не надо меня пугать! Вам мало того, что они донимали меня всю ночь своими воплями?

— Никто вас не пугает, — сказал Кирилл. — Вас просто хотят убить. Да, именно вас. Кому-то нужен ваш скальп. У вас есть завистники в компании? Может быть, конкуренты? Или ревнивый муж какой-нибудь красотки?

Так или иначе, на вас идет охота, а нам хочется спокойно добраться до дома. Выбирайте. Или вы надеваете свою белую шляпу и дальше едете в гордом одиночестве. Или остаетесь с нами, но уже без шляпы. Ну как?

— Что за глупости, — раздраженно ворчал Скиллард, неловко стягивая платком свои прилизанные черные волосы с идеально прямым пробором. — Кому мешает моя шляпа. Когда меня хотели поджарить, шляпа никому не мешала....

— Во-вторых, ваш сюртук, сэр, — продолжал Кирилл. — Накиньте пончо поверх него. Вот так. Теперь никто не отличит вас от простого бандита с большой дороги. Кстати, не желаете ли повесить карабин на спину?

— Не хочу. Лишняя тяжесть.

— Берите, берите, он легкий.

Вдвоем с Ахо они придирчиво оглядели инженера. Полли с трудом сдерживала смех, отворачиваясь и зажимая рот ладошкой. А фотограф Сол Грубер умоляюще вкинул руки:

— Остановимся на минутку! Нельзя упускать такой кадр! Страшно представить, сколько заплатит за этот портрет горнорудная компания!

— Что вы стоите? — недовольно прикрикнул Ник, подъезжая к ним. — Хотите навлечь беду?

Они поскакали быстрее, чем двигались до этой остановки. Один из индейцев умчался вперед, показывая дорогу.

— Те шайены, которые остались на месте сбора, нас не догонят, — говорил Ник. — Но до рассвета лагерь незаметно покинули примерно два десятка воинов. Наверно, они нас и встретят.

— Какое у них оружие?

— Не знаю.

— Значит, будем считать, что у всех винтовки, — сказал Кирилл. — Залягут в удобном месте. Подпустят на сотню шагов. Несколько залпов, и уцелевшие расползутся по степи, прячась в траве и истекая кровью. Шайены забирают раненого Скилларда и доставляют его к заказчикам охоты. Он будет ранен в ногу, но еще долго не сможет умереть, на свою беду.

Ахо добавил:

— Они подранят еще одного белого, чтобы тот смог передать послание.

— Скорее всего, фотографа, — предположил Кирилл.

— Да, он для них интереснее, чем ты. Он безоружен. А тебя им надо валить наповал, — сказал Ахо.

— Да они всех будут валить, если у них винтовки. Положат всех без разбора. А шкуру можно и с трупа снять.

— Индейцы так не поступают, — сказал Ник. — Это белые люди стреляют из засады. А шайены признают только открытый бой. Они налетят из-за холма, но так, чтобы у нас было время подготовиться к драке или убежать. Будет бой, или будет погоня — неважно. Шайены — воины, а не бандиты. Им нужна победа и слава, а не позор.

— Не думаю, что кто-то из них хочет прославиться, как похититель белого инженера, слабого и безоружного, — сказал Кирилл.

— Если о грязном деле никто не узнает, то не будет и позора, — добавил Ахо. — Кто взялся за грязное дело, тот не воин, а бандит. А бандиты любят засаду.

Нику весьма не понравились такие речи, и он поспешил сделать выводы. Его братья

окружили кольцом двух наиболее ценных носителей белой кожи — инженера и фотографа. В головном дозоре поскакал Ахо. Он мог заметить какие-то признаки засады. Но Кирилл был уверен, что никаких признаков не будет.

Индеец может накинуть на себя старый мешок и превратиться в придорожный камень. А может распластаться в траве, и его спина будет колыхаться под ветром вместе с серебристыми колосьями.

Он может повиснуть на отвесном обрыве, а может и зарыться по самые ноздри в песок, и ты не заметишь его, даже если наступишь. Его карабин прорастает ветвями, а нож покрывается мхом.

Они не напали ни тогда, когда всадники неслись между холмами, ни тогда, когда пробирались через кустарниковые поля. После полудня колонна выбралась на старую заросшую дорогу вдоль реки. Здесь негде было укрыться до самого моста. Все сбились плотнее и взвели курки карабинов.

Лошади перешли на шаг, чтобы сберечь силы для рывка.

— Как только ударит первый выстрел, мы ответим залпом и помчимся на них, — негромко говорил Ник. — Упавших не подбирать, разберемся после боя. Сомнем засаду, прорвемся сквозь нее, и пусть они нас догоняют...

— Они не кинутся догонять, — сказал Ахо.

— Кинутся. Они — не воины.

Впереди над рекой лежал старый низкий мост — без перил, с черными покосившимися опорами. Берега возле него заросли высоким бурым камышом. Лучшего места для засады не найти.

Они остановились и принялись осматривать подходы к мосту. Кирилл передал свой бинокль Ахо, но гордый индеец пренебрежительно отмахнулся. И извлек из-за спины складную подзорную трубу.

А Ник заранее знал, что оптика тут не поможет. Он пошевелил пальцами в воздухе, и один из его братьев подскочил к мосту и пронесся вдоль зарослей, стреляя по ним из револьвера. Камыш равнодушно проглотил пули, поблескивая сухими лентами листьев. Всадник выехал на середину моста, крутнулся на месте и поскакал вперед, стреляя на ходу по зарослям на другом берегу. Всем было ясно, что его пальба может повредить только зазевавшимся лягушкам. Понял это и Ник.

— Нас будут ждать на том берегу, — сказал он. — За холмом. Будем готовы.

Кирилл был готов. К стрельбе, к прорыву, к бою и крови.

Оказалось, что надо было готовиться к другому.

Они ехали по двое, теснясь на мосту, и держались плотно друг за другом. Первая пара уже была на берегу, а фургон еще не поднялся на мост, когда с правой стороны, из-за холма, раскатисто хлопнул выстрел. Как по команде, все повернулись вправо и вскинули карабины, выискивая цель.

И тогда появились шайены.

Они именно появились — они словно возникли из ничего, из воздуха. Точнее — из воды. Все смотрели вправо, а они появились слева. Бесшумно и молча они в один миг выросли на левой стороне моста. Их было много, очень много. Они нагнулись снизу, хватая лошадей под уздцы, впиваясь цепкими руками в ноги всадников, взмахивая сверкающими топорами. Раскатисто грохнул дробовик. Он словно прорвал завесу тишины, и воздух затрясся от криков, визга, ржания и хрустящих ударов.

Мерин Кирилла присел и рванулся вбок, сбрасывая с себя два мокрых блестящих тела. Кирилл успел подставить карабин под удар томагавка и врезать прикладом по раскрашенному лицу — и тут мерин рухнул в воду.

Кирилл оттолкнулся от коня, уже под водой, и вынырнул. В его руке оказался нож. Рядом из воды тянулась хрипящая конская голова. Копыто мелькнуло перед глазами и с плеском ударило по воде.

На мосту уже не осталось ни одной лошади, там дрались люди, сплетаясь в жуткую

связку тел. Шайенов, мокрых, в одинаковых рубашках без рукавов, было так много, что казалось, будто они рубятся между собой.

Он схватился за скользкий настил и нащупал ногами опору. Но подняться на мост не успел. Что-то мелькнуло сзади, и он вовремя отдернул руку. Топорик вонзился в доски, и шумное дыхание обдало его щеку. Не глядя, он ударил тесаком, и нож прошел через непрочную преграду, а на пальцы выплеснулась обжигающая кровь. Шайен отвалился в воду, а Кирилл схватился за его томагавк и забросил себя на мост.

С топором и ножом он бросился к схватке и сразу же разрубил чью-то мокрую спину, ногой отпихнул тело, и из-под него выпрямился кто-то *свой*. Фотограф.

— На берег!

Кирилл столкнул его в воду, продираясь вперед. Чужой томагавк блеснул и пронесся перед грудью, он едва успел уклониться. Тесак догнал вражескую руку и полоснул по локтю сверху. Ногой в пах, топором сбоку в открытую шею — эх, мимо...

Сбитый пинком, упал на чье-то тело и перевернулся на спину, выставив нож перед собой. Шайен кинулся на него — и напоролся грудью на клинок. Он был тяжел, и руки Кирилла согнулись. Грузное тело навалилось на него, дрожа и выгибаясь.

— Ой, мамочка! — где-то рядом закричала Полли и захлебнулась.

На берегу тоже шла драка, но взгляд Кирилла выхватил только то, что было самым главным. По пояс в воде вдоль берега рывками пробирались двое шайенов, они что-то тянули за собой по мутным волнам. Еще не разглядев ничего толком, он уже знал, что они тащат Полли за ноги.

Она дергалась, ее колени сгибались и разгибались. Значит, живая, понял он и спрыгнул с моста.

Течение помогло ему обогнать их. Когда он поднял голову над водой, они оказались сзади. Его ноги встали на рыхлое дно, и стало понятно, почему шайены убегали с добычей так медленно — они вязли в прибрежном иле. Он медленно выдохнул, садясь в воде. Они шли прямо на него, но не могли увидеть в поднятой мути. Вода шумела и звенела в ушах, слышались далекие искаженные голоса и чавкающие шаги.

Первый напоролся на его тесак бедром, и еще под водой Кирилл ударил шайена в живот, проткнув ветхую рубаху, потом схватил его у самого дна за ногу и дернул вверх. Шайен повалился на спину, и желтая муть залила его, смешиваясь с кровью.

Второй шайен выпустил Полли и двинулся на Кирилла, широко расставив руки, словно для объятия. Он держал голову немного набок, по-птичьи, и его черные узкие глаза равнодушно смотрели — на длинный нож в руке Кирилла, на вторую руку, снова на нож. Кирилл не мог достать его ударом, и оба увязали в иле.

За спиной индейца вынырнула мокрая голова Полли, она кашляла и отплевывалась.

Шайен быстро завел руку за спину, чтобы выхватить оружие, но Кирилл метнул тесак. Индеец охнул, когда лезвие вошло под ребро. Он схватился за рукоятку, но тесак сидел плотно, а Кирилл уже был рядом, и складной нож рассек глотку шайена. Когда Кирилл выдергивал тесак из раны индейца, струя крови обожгла руку.

— Не вылезай! Сиди в воде! — приказал он Полли и вплавь бросился к мосту, где Ахо отмахивался томагавком от двоих шайенов.

Откуда-то ударил выстрел, потом второй, и оба шайена упали, а Ахо схватился за колено.

Выбравшись на мост, Кирилл поднял валявшийся в крови карабин и залег между убитыми. Дело дошло до стрельбы, а Ахо все еще маячил на горе трупов, держась за колено и гневно оглядываясь.

— Уходят, — сказал он и вытянул руку, указывая на троих всадников, несущихся от реки по склону холма.

Кирилл прицелился в спину переднему, но тот вдруг всплеснул руками и слетел с неоседланной лошади. Двое других на миг выросли во весь рост на верхнем краю холма и провалились за гребень, а подбитый шайен все еще перекатывался вниз по склону.

— Ушли, — спокойно сказал Ахо. — Кто стрелял?

— Не я. Ты ранен?

— Нет. Только задет.

Камыши с шумом разошлись, и из щели выглянула кожаная фуражка фотографа.

— Я стрелял, — сказал Сол Грубер. — Кажется, все кончилось?

С винчестером в руках он выбрался из камышей на берег и, оглядевшись, проговорил:

— Где же теперь искать мои чемоданы?

— А куда подевался Скиллард?

— Тут, подо мной, — ответил Ахо, оттаскивая за обвисшие руки убитого Ника.

Тела лежали крест-накрест. Один из братьев Ника был жив, из его перерубленной руки широкой полосой стекала кровь. Под ним оказалось тело черного Саймона. Его широкая спина была вспахана бесчисленными ударами топоров, клочья сукна смешались с разорванными мышцами и белыми обломками ребер.

Он оказался удивительно тяжелым. Оттащив его, они увидели инженера Скилларда.

Тот лежал на боку, свернувшись калачиком и обхватив голову руками.

— Вставайте, мистер инженер, — сказал Кирилл, тронув его дрожащее плечо. — Пора ехать дальше.

По берегу бродили лошади, блестящие, со слипшимися гривами. Мерин Кирилла стоял в стороне, изогнув шею и пытаясь лизнуть собственный живот. На его рыжем боку краснел длинный порез. Кровь накапливалась у нижней кромки раны и тонкой блестящей полоской обвивала брюхо, уходя в пах.

Только увидев, что мерин ранен, Кирилл почувствовал саднящую боль в ноге и нащупал рваную дыру на штанине сбоку.

— Тебя ранило? — спросила Полли из камышей.

— Нет. Просто ссадина. Вылезай, хватит мокнуть.

Они собрались у моста и принялись укладывать убитых вдоль берега.

— Восемь наших, девять чужих, — сосчитал Ахо. — Остальных унесла река.

Потом они собирали оружие, Полли перевязывала брата Ника, а фотограф ловил своего коня с чемоданами у седла.

— Шайены все сделали правильно, — говорил Кирилл, вычищая речную грязь из карабина. — Они не хотели стрелять. По реке далеко слышно, а им не нужен был шум. Оставалось только перебить нас, и они почти справились с этим. Но почему-то не довели дело до конца.

— Возможно, эта засада не последняя? — спросил Грубер.

— Я тоже так думаю. — Кирилл передернул затвор и отложил карабин в сторону. Расстелив платок на песке, он разобрал револьвер. — Они не отстанут, пока не добьются своего. Дело чести.

— Надо спешить, — сказал Ахо. — Они думают, мы останемся здесь, чтобы хоронить убитых. Но мы не останемся.

— Бросим их тут? — воскликнула Полли негодуя. — Это же Ник! Он наш брат!

— На войне не тратят время ради почестей. Кто-то останется охранять тела убитых. Остальные должны двигаться дальше.

— Я останусь, — сказал брат Ника, до сих пор безмолвно бродивший по берегу. — Чтобы отгонять птиц, хватит и одной руки. А к вечеру сюда приедут наши.

Он собрал сушняк на берегу и выломал несколько досок из настила моста, чтобы развести костер.

Когда они тронулись в путь, он сидел на коленях над телом брата, а за его спиной поднимался к небу плотный вьющийся столб дыма.

* * *

Как всегда, возбуждение боя еще долго не покидало Кирилла. Картины схватки

вспыхивали в памяти, заставляя снова то холодеть от ужаса, то ликовать оттого, что остался жив. Но было что-то еще.... Снова и снова он вспоминал каждый момент боя — отвлекающий выстрел, рубка на мосту, стычка с двумя шайенами в реке. И крик Полли...

Он чуть не свалился с седла, осознав свое открытие — Полли кричала по-русски.

«Ой, мамочка!».

— Ой, мамочка, — повторил он и оглянулся.

Она смотрела на него. И не отвела взгляд.

Кирилл придержал мерина, дожидаясь, когда фургон поравняется с ним.

— Посидишь за меня? — сказала Полли. — Хочу переодеться в сухое.

Он перебрался на козлы и взялся за вожжи, а она скрылась за пологом.

— Однорукий тебе не мешает?

— Мне никто не мешает, — ответила она, шурша одеждой.

— И откуда только берутся такие боевые дамочки?

Полли не ответила на насмешку, и он спросил:

— Я слышал, ваша семья перебралась сюда из Джорджии? Неужели здесь лучше, чем там?

— Мне все равно, где жить, — послышался ее голос. — Лишь бы жить. А в Джорджии случился мор. Болотная лихорадка. За три дня сводила в могилу любого. Целые семьи вымирали, и белые, и черные, и богатые, и бедные.

Она откинула полог, но не села рядом с Кириллом, а осталась в кузове. Он оглянулся и увидел, что девушка сменила брюки и рубашку на голубое платье с белым воротником.

— Тебя не узнать, — сказал он. — Просто оперная дива.

— Да, мор был ужасный, — продолжала Полли, не обратив внимания на комплимент. — Мы спаслись баней. Отец сложил в землянке печку, трубу из коры связал. Вернется с поля, и сразу в баню. Не ест, не пьет, а скорее огонь разводит. И нас туда загоняет. Пропотеешь, обмоешься, потом можно и за стол. Так и выжили.

— Впервые слышу о таком лечении.

— Баней и не такое лечат, — снисходительно ответила Полли. — Когда отец звал соседей попариться, они над нами тогда смеялись, Летом и без того жарко, да еще лихорадит, пот прошибает с головы до ног. А он их зовет пропотеть.

Смеялись над нами, думали, что мы дурные. А через неделю нам же их хоронить пришлось. Так мы и остались совсем одни. Однажды поутру вышли на огород, а вокруг никого не видно. Ни души. Только смрадом тянет со всех сторон. Пришлось нам всей семьей в могильщики записаться. Целыми днями копали да отпевали.

— Сколько тебе тогда было?

— Десять. Уже работала на равных. А когда мор прошел, подались в соседнюю деревню, к землякам. И решили ехать на запад. Вот так мы тут и оказались.

Когда начали строиться, папаша первым делом поставил баню. Так и жили в ней, пока дом не построили.

Он не спешил передавать ей вожжи и возвращаться в седло. И она не собиралась править лошадьми, потому что была занята более важным делом — Полли распустила косу и принялась расчесываться.

— Отвернись!

— Да ладно тебе. А что за земляки?

— Те, кто приехал в Америку вместе с отцом. Он же у нас из России.

— Я тоже, — неожиданно для себя сказал Кирилл.

Ему очень хотелось увидеть ее лицо, но он не оглядывался. Полли долго молчала.

— Я приехал пятнадцать лет назад, — сказал он по-русски.

— Зачем?

— Так уж вышло. Занесло на эмигрантский пароход. Думал на нем же и вернуться. Но в порту попался к жуликам. Опоили, продали на воровскую шхуну. Я бежал. С тех пор так и живу. Между морем и землей.

— Ты бандит?

— Нет. У меня шхуна. И я хожу на ней в море. Вот и все, чем я занимаюсь. Хожу в море.

— Давно я не видела моря, — сказала Полли.

Он все — таки обернулся. С распущенными волосами она показалась ему еще красивее.

— Какое там море, в Саванне? — спросил он.

Полли не ответила, прислушиваясь к чему-то.

— Проснулся, — вдруг сказала она и задернула полог.

Через какое-то время девушка вернулась на сиденье рядом с Кириллом и забрала у него вожжи.

— Спасибо. Дальше сама справлюсь.

— Он проснулся?

— Нет. Попросил воды. Значит, уже скоро очнется. Я дала ему настойку, что прибавляет сил.

— Я могу с ним поговорить?

— Он тебя не услышит, — сказала она. — Пойми, он сейчас далеко-далеко. Вот вернется, тогда и поговоришь. Слезай. Не люблю тесноты.

Он догнал Ахо и поехал рядом.

— Как она? — спросил индеец.

— В порядке. Она крепкая.

— Да, крепче многих мужчин. Она говорила с тобой?

— Немного.

— Хорошо. Нам надо разделиться. Ты поедешь с ней.

— Куда?

— Есть такое место — Красный Пень. Там можно спрятаться. А я провожу инженера и вернусь за вами.

Кириллу не понравилась эта затея, хоть она и была вполне разумной. Ему не хотелось отпускать Ахо одного.

— Я не спрашиваю, когда ты вернешься, — сказал он. — Но всякое может случиться. Если все пойдет не так, как мы ожидаем...

— Не бойся накликать беду неосторожным словом, — сказал Ахо. — Разве ты не видишь? Беда уже с нами. Ты хочешь знать, что делать, если я не вернусь?

— Если что-то тебя задержит, — поправил Кирилл. — Так вот, место сбора — ранчо Коннора.

— Хорошее место, — кивнул Ахо. — Крис, не останавливай Полли, если она снова заговорит с тобой. Ей не с кем тут поговорить. Я рад, что она нашла тебя.

16

По-настоящему богатого человека легко отличить от обычного богача. Да, у Скотта Форсайта блестели золотые перстни на пальцах, кольт был отделан серебром, а один сапог стоил больше месячной зарплаты шахтера. Но не в этом проявлялось его богатство. Перстни можно и не заметить, особенно издали, да и сапоги оценит не всякий. А вот многочисленная охрана, вооруженная до зубов, сопровождает только по-настоящему богатого человека.

Гек Даррет чувствовал себя довольно неуютно в окружении такой охраны. Он привык перемещаться по земле в одиночестве. Скромный значок на груди был его лучшей защитой. Каждый знал, что за маршалом следует незримая, но непобедимая сила, имя которой — Закон.

Однако сейчас маршал ехал рядом с Форсайтом, а вокруг них гарцевали три десятка всадников. И даже самый последний воришка, встретив такую процессию, мог бы предположить, что маршал более не полагается на могущество Закона и отдал себя под

покровительство тридцати винтовок.

— Вы всегда берете с собой столько народу? — спросил он у Форсайта.

— О нет. Только тогда, когда сопровождаю федерального маршала.

Федеральный маршал Гек Даррет весьма гордился тем, что дожил до пятидесяти лет. Он пережил всех своих приятелей, с кем когда-то бил бизонов и проводил караваны через Индейские Территории. Был он седым, невысоким, склонным к полноте.

На его круглом добром лице всегда держалась приветливая улыбка. Она легко превращалась в прощальную, когда маршалу приходилось отправлять кого-то на виселицу. В его спине, между лопатками, сидела пуля, которую не решился извлечь знакомый ветеринар, а до хирурга Даррету все недосуг было добраться.

Из-за этого комочка свинца у маршала все чаще случались внезапные приступы боли то в руке, то в ноге. Чтобы не беспокоить пулю, он в последнее время старался поменьше ездить верхом и обзавелся легкой двуколкой на резиновом ходу. Но сегодня он где-то оставил свой экипаж, и к полицейскому участку его подвез Форсайт.

Сам мясной барон остался сидеть в коляске, а Даррет прошел внутрь офиса.

— Скажи мне, Мерфи, где сейчас инженер Скиллард?

Шериф засопел.

— Не знаю.

— А жаль. Я хотел бы с ним поговорить. Очень важный разговор. Но, как я слышал, он сейчас вроде бы у индейцев?

— Вроде бы. Не волнуйтесь, Гек, мы разберемся. Мы все уладим. Только пускай этот Форсайт не сует свой нос в наши дела! Пускай сидит на своем ранчо, нечего ему делать в нашем поселке.

— Не горячись. Ему есть что делать в поселке. Но об этом позже. — Маршал разложил на столе привезенные фотокарточки. — Вот, полюбуйся. Снимки только что прислали из Форта Смит. Кажется, мы можем неплохо заработать.

Мерфи перетасовал снимки и отложил один из них.

— Никого не знаю. Кроме вот этого. Я же сам вам отправил его карточку.

— Ну, и кто на ней, по-твоему?

— Его никто не опознал, — сказал Мерфи. — Предположительно, зовут Дик Руби.

— Не Дик Руби, а Давид Рубинштейн, — с довольной улыбкой произнес маршал. — Участник банды Брикса. Знаешь, как этих парней называли лет десять назад? «Потрошители банков».

Вот они, перед тобой. Сам Брикс — таким он был в Миллвильской тюрьме. Это вот Крис Беллоу, на нем десяток убийств. Снимок сделан, когда он в Нью-Йорке ожидал смертного приговора.

— Не дождался, как я понимаю? — спросил Мерфи, внимательно разглядывая карточку.

— Да. Бежал из зала суда. Вместе с подельником, Билли Истменом. Вот он.

Шериф еще раз перебрал снимки и бросил их на стол.

— Да, крутые ребята. Жаль, что они не заглянули к нам. Сколько за них дают? По паре тысяч, не меньше?

— Ты не знаешь самого главного, Том. В банде «Потрошителей» состоял еще один парень. — Даррет выложил на стол розыскное предписание, присланное из Вайоминга. — Почитай.

Мерфи забормотал, пробегая глазами по строчкам:

— Коннорс, Эдвард Патрик... Рост... Волосы темно-рыжие...

— Ну как?

— Имя сходится, цвет волос — тоже, — задумчиво сказал шериф. — Но на рисунке совсем другое лицо.

— Томас, рисунок — это всего лишь рисунок. Рисовальщики вечно все портят. Давай все-таки считать, что этот Коннорс связан с бандой Брикса. Тогда все сходится. Дик Руби

приехал к нему неслучайно. И твой помощник Лански может рассчитывать на премию.

— Обойдется, — сказал Мерфи. — Он не знал, в кого стреляет. Его судить надо, а не награждать.

Маршал Даррет сложил снимки обратно в папку и аккуратно завязал тесемки.

— Ну, и зачем вы мне все это показали? — спросил шериф. — Думаете, вся банда соберется в поселке?

— Да нет никакой банды, — благодушно улыбнулся Даррет. — Я навел справки. Дик Руби — обычный торговец. Все остальные, полагаю, тоже давно легализовались. Но за старые дела все равно надо отвечать, не так ли?

— Так.

— Хорошо, что наши мнения совпадают. Это очень важно. Потому что я хочу тебе кое-что предложить. — Даррет достал из кармана значок помощника маршала и покачал его на ладони, словно взвешивая. — Я предлагаю тебе записаться в мои помощники. Прямо сейчас. Позже, как выдастся свободное время, съездим в Форт Смит и все оформим. Согласен?

— Нет, — сказал Мерфи.

Маршал искренне удивился:

— Что? Ты, кажется, не понял меня. Помощник маршала — это не сторож компании. Подумай.

— Не о чем думать. Я не собираюсь выслуживаться перед такими, как Форсайт.

Даррет покачал головой:

— Жаль. Я рассчитывал на тебя.

— Гек, разве я когда-то отказывался вам помочь?

— Боюсь, теперь мне придется обращаться за помощью к другим парням. Сейчас я скажу тебе кое-что не очень приятное. Насчет Форсайта. Вот ты спрашивал, какого черта ему делать в поселке... Он показал мне две бумажки. Одна из них касается тебя.

— Меня?

— Да. Читай сам.

Мерфи развернул бланк горнорудной компании Кребса, и лицо его залилось краской.

— Что? Уволен со вчерашнего числа? Сдать ключи и значок Джону Лагранжу? Кто он такой? Этого не может быть! Это подделка!

— Мне жаль, Том. Но это не подделка. Вторая бумажка осталась у Форсайта. Приказ о назначении Лагранжа начальником охраны карьера. Подписи подлинные. Не знаю, как они все это провернули.

— Так вот зачем вы приехали, — с горечью произнес Мерфи. — Я думал, мы вместе займемся поисками Скилларда. А вы, оказывается, просто решили помочь этому мошеннику?

— Я решил помочь тебе, Том. Но и о себе я тоже подумал. Ты слишком горяч, а мне было бы неприятно вешать тебя за убийство Форсайта.

Мерфи сорвал с жилета латунную звезду и бросил ее на стол. Рывком выдернул ящик из стола и с грохотом вывалил все ключи.

— Все, Гек? Вы довольны?

— Нет, пока не все. Я еще раз предлагаю тебе стать моим помощником. Пойми, мне нужен свой человек среди шахтеров. Ты всех знаешь, тебя все знают. Ты сможешь работать по-настоящему. А этот, как его... Лагранж — я даже не знаю, откуда он свалился на мою голову! Ну как, Томас?

— Вы уже слышали мой ответ, — сказал Мерфи.

Маршал перестал улыбаться.

— В таком случае, — сухо произнес он, — сними с пояса револьвер. Теперь ты — обычный житель поселка и не имеешь права ходить по улицам с оружием.

На крыльце загрели шаги, и в офис ввалились ковбои Форсайта. Последним вошел сам мясной барон. Он остановился на пороге, насмешливо разглядывая Томаса Мерфи, который сидел на краешке стола.

— Ну что, Томми, — сказал Форсайт почти дружелюбно, — кажется, ты ищешь новую работу? У меня как раз не хватает ковбоев.

Мерфи, тяжело дыша, с ненавистью смотрел на него. Федеральный маршал Даррет встал со стула и оказался между ними.

— Итак, дело сделано, — сказал он. — Парни, кто из вас Джон Лагранж?

Один из ковбоев, в расшитой серебром куртке, шагнул вперед.

— Принимайте дела, мистер Лагранж. Мистер Мерфи, я думаю, охотно введет вас в курс дела.

— Охотно! — Томас Мерфи сплюнул на пол. — Вот ключи, вот звезда. В камере сидит арестант, его пора выпустить, он свой срок отбыл. Бумаги в сейфе, винтовки в оружейном шкафу. А я пошел.

Он оттолкнул плечом Лагранжа и вышел из офиса.

— Кажется, наш Томми чем-то расстроен, — сказал Форсайт, садясь за стол на место шерифа. — Лагранж, приступай к делу. Нам с маршалом надо кое-что обсудить. А вы, парни, расходитесь по местам. Будьте настороже. Помните, что здесь водятся не только шахтеры.

* * *

— Наш шериф свое дело знает, — говорил помощник Лански, подкладывая Илье жареную картошку. — Давно он мечтал засадить Уолка за решетку хоть на пару деньков. Повода не было. И вдруг — такая удача.

— Что они не поделили? — спросил Илья.

— Наш шериф терпеть не может всяких богатеев. Эти Уолки откусили больше, чем могут проглотить. Земля для них, как виски для пьяницы. Если их не остановить, они и всю Оклахому под себя загребут.

Лански уселся рядом и подлил пива в кружки.

— Чего они только не придумывали, чтобы записать себе побольше земли! Говорят, Питер соорудил несколько шалашей на захваченных участках, и в каждом шалаше было маленькое застекленное окно. Все для того, чтобы в заявочном клубе можно было под присягой подтвердить: на участке стоит жилой дом, и окна в нем застеклены. С такого участка уже не выселяют, он считается обжитым. Все по закону. И никому в голову не приходит спросить, откуда на дикой земле всего за пару дней появилось столько жилых домов?!

— А у тебя есть участок? — поинтересовался Илья.

— Конечно, — гордо сказал Лански. — Участок у меня отличный. И дом стоит настоящий. Только я давно там не появлялся, живу в поселке. Когда буду уезжать, продам тому же Уолку. Ему все продают свои участки, когда уезжают.

— Почему уезжают?

— Потому что здесь не растет ничего, вот почему. Мне еще хорошо, у меня постоянная работа, компания платит неплохо. Но как быть тем, кто ничего, кроме плуга, в руках не держал?

Он сказал это с таким высокомерным сочувствием, что Остерман с трудом удержался от улыбки. Кроме плуга любой фермер умеет держать в руках еще сотню инструментов, о которых этот белоручка и не подозревает. А Лански продолжал разглагольствовать:

— Наша семья перебралась сюда из Джорджии вместе со всеми остальными русскими.

— Русскими? — переспросил Илья.

Он подозревал, что Лански, судя по фамилии, славянин, да и внешность не оставляла сомнений — прямые соломенные волосы, нос картошкой, серые глаза. Так выглядели поляки и чехи, каких немало повидал Остерман в странствиях по Западу. А вот русского встретил впервые...

— Русскими?

— А что такого?

— Да как-то странно. Откуда взялись русские в Джорджии?

— А, долгая история, — махнул рукой Лански. — Наши отцы — из России. Я — то сам американец, потому что родился тут. Но нас по-прежнему называют русскими. Ничего не поделаешь.

Сначала отцы держались вместе, как в старину. Общая земля, большая деревня, общее стадо. Потом начали по одному отделяться, потому что земли было много, каждому хватало.

Наша семья тоже отделилась семь лет назад. Распахали целину. В первый год у всех были хорошие урожаи, а на следующее лето все выгорело. С мая до осени не было ни одного дождя. Завели небольшое стадо, так коровы наелись какой-то травы и передохли. Пришлось всем мужчинам идти на карьер. Заработали немного и перебрались в Канзас к родственникам. Я остался, а мои все в Канзасе сейчас. И такая история со всеми случается.

— А как же эти Уолки? У них, что, особенная земля?

— У них? — Лански задумался. — У них земли просто очень много. И они сами на ней не работают, нанимают индейцев.

— Разве индейцы могут работать на земле?

— Не знаю. Но он их заколдовал. Спаивает настойкой из кактуса, они за нее сделают все, что прикажешь.

— Ну, пьяный индеец много не наработает, — засомневался Илья.

— Пьяный? В том-то и колдовство, что от той настойки не пьянеют. Говорят, кто ее пьет, на всю жизнь становится рабом Питера. Так оно и выходит.

Питер этот хитрец ужасный. Все бедным прикидывается, в лохмотьях ходит, а ему из Канзас-Сити в прошлом году привезли, наверно, десяток огромных деревянных ящиков. Говорят, там были новые плуги, бороны всякие и прочая ерунда. Одних книг, говорят, было пять коробок. Так он из ящичных досок себе новый сарай сколотил!

Ничего, ничего, скоро вся его хитрость ему же боком выйдет. Вот придут землемеры, мы их направим в Мертвую Долину, чтоб они ее занесли на карту. Мы бы и раньше это сделали, но Питер со всей своей родней никого не пускает через свои участки.

А в обход идти слишком тяжело, землемеры не пойдут. Зачем им карабкаться по скалам, когда вокруг столько равнин, верно? Этим ученым крысам все равно, какую землю наносить на карту.

— А вам не все равно?

— Конечно! Мертвая долина появится на карте, компания заявит, что там есть уголь или свинец, и закажет у наших партнеров строительство железной дороги. Земля под дорогу достанется нам бесплатно, и вся долина станет полностью нашей.

— Вашей? И тогда Питеру Уолку придется отсюда убраться, — заключил Остерман. — Здорово придумано.

— Может и не убраться. Но пускай он живет, как все!

«Вот в чем дело, — подумал Илья. — Этот Лански не просто завидует Питеру Уолку. Он не хочет быть таким же богатым. Наоборот. Лански хочет, чтобы Питер был таким же бедным, как он».

В кабинете появился Томас. Он бросил шляпу на диван и тяжело опустился напротив Илья.

— Лански, иди на конюшню, выберешь двух жеребцов, — устало сказал он. — Приведешь их к моему дому. Привяжешь у дверей, и возвращайся.

— Мы все-таки поедem в город? — спросил помощник, неохотно поднимаясь из-за стола.

— Да. Поедем.

— А маршал зачем прибыл?

— Потом расскажу. Поторопись! — Томас нетерпеливо топнул.

Илья подвинул к нему бутылку:

— Выпьешь?

— Не сейчас.

— А почему ты снял значок?

— Потому что я больше не шериф. — Томас побарабанил пальцами по столу. — Билли, ты меня знаешь. Я лишних вопросов не задаю. Сам все расскажешь, когда захочешь. Но времени на разговоры у нас нет. Мне только что показали твою карточку. Ты — в розыске. И не просто в розыске, а вне закона.

— Кто показал, маршал? — спокойно спросил Илья, вытирая губы платком.

— Да. Он много чего показал. Оказывается, Коннорс тоже был «Потрошителем банков».

— Тоже?

— Как и ты. Я прикинулся еще тупее, чем на самом деле, и никого не узнал. Ни тебя. Ни того парня, что заезжал сюда несколько дней назад. Крис Беллоу — ты его знаешь?

— Мой лучший друг. Не ожидал, что он тут... — Илья поднялся и переложил револьвер из саквояжа в карман пиджака. — Я готов.

Томас Мерфи оглядел стол.

— Обидно. Не дали отметить встречу. Мне надо бы многое тебе рассказать. Дик Руби — он тоже твой друг?

— Да.

— Все твои друзья здесь, — сказал Томас. — И это очень плохо. Не надо было им сюда приезжать.

Они вышли из салуна через кухню. Пройдя через задний двор, Томас встал на ящик и глянул поверх забора.

— Чисто. За мной.

По огородам, зеленеющим позади бараков, они дошли до конца улицы, и здесь Мерфи снова поднял руку, останавливая Илью.

— Посмотрю, что там делается возле моего дома.

Он заглянул за барак и тихо выругался.

— Хреново. Кажется, меня ждут.

Илья посмотрел через его плечо. Возле крыльца стояли два оседланных жеребца.

— Никого не вижу. Это те кони, про которых ты говорил помощнику?

— Да. Но я не о них. В сарае дверь закрыта. Я всегда оставляю ее приоткрытой.

— Зачем?

— Для кота. Он любит днем спать в сарае.

— Смотрю, у тебя большое хозяйство, — сказал Илья. — Дом, сарай, даже кот...

— Чего скалишься! Да, кот! По-твоему, я сам должен ловить мышей?

— Сейчас посмотрим, что за мыши у тебя завелись, — сказал Илья и пошел к дому.

Он услышал, как за спиной мягко щелкнул курок, и понял, что Томас его прикроет.

Едва он подошел к лошадям, как дверь сарая распахнулась, и оттуда вышли двое ковбоев. Один держал наперевес винчестер, другой крутил на пальце револьвер.

— Эй, мистер, куда направляешься?

Илья снял пенсне, протер его и снова водрузил на нос.

— А почему это вас интересует?

— Когда тебя спрашивают, надо отвечать, — сказал ковбой с винчестером.

— Так записано в конституции вашего поселка?

Ковбои переглянулись.

— Придется тебе, мистер, пройти с нами. Ты ведь приезжий? А нам приказано всех посторонних доставить в участок. Шагай впереди. И не дергайся.

— И кто же отдал вам такой странный приказ? — поинтересовался Илья, снова снимая пенсне. — Когда Джеффри Кребс приглашал меня посетить Шерман-Сити, он не предупредил, что у вас так относятся к гостям.

Он достал из кармана платок и принялся тщательно натирать стекла.

— Джеффри Кребс?

Винчестер опустил, а кольт отправился в кобуру.

— Да, Джеффри Кребс, мой компаньон и приятель. Послушайте, джентльмены, неужели... — Илья опустил платок в карман. — Неужели вы не можете отличить добропорядочного гражданина от преступника?

С этими словами он выхватил из кармана револьвер и нацелил его в лоб тому, кто был с винтовкой.

— Брось оружие! Оба — на землю! Ноги в стороны! Руки за спину!

Томас подбежал и связал лежащих ковбоев их же брючными ремнями.

Илья хотел вскочить на коня, но Томас его удержал:

— За мной.

Ведя коней в поводу, они прошли вдоль забора, иногда пригибаясь, чтобы их не увидели с другого конца улицы, где мелькали чьи-то силуэты.

— Ну, Форсайт, ну, развернулся, народу-то сколько нагнал, — презрительно ворчал Мерфи. — На каждом углу стоят, козлы. Не на тебя ли он охотится, Билли? А ловко ты успокоил эту парочку.

— Честно говоря, сначала хотел дать им по десятке, чтобы выпили за здоровье Джеффри Кребса, — сказал Илья. — Но сунул руку не в тот карман. Ты не думай, я не такой. Я теперь все дела улаживаю с помощью денег. Ну, почти все.

— Интересно, сколько денег тебе понадобится, чтобы смыться отсюда? — Томас свернул к густым зарослям мескита. — Я выведу тебя на дорогу. После старого карьера свернешь налево, от колодца — направо. И гони, пока не увидишь старый фургон на холме. За ним будет ранчо Коннорса.

— Знаю. Я был там зимой. Но тогда все выглядело иначе. Сейчас, наверно, я бы не нашел дорогу.

— Был зимой? И не заглянул ко мне?

— Откуда я знал, что шериф Мерфи — это ты?

Томас забрался в седло и усмехнулся:

— Да я ведь тоже думал, что мистер Смит из Аризоны — такой же урод, как Форсайт и все прочие. Погнали, Билли. Провожу тебя немного.

— Немного? А сам?

— А сам покатаюсь вокруг. На всякий случай. Вдруг кому-то взбредет в голову за тобой гоняться?

Кони понесли их сквозь прозрачную сосновую рощу. Скоро перед ними распахнулась степь, и здесь Томас остановился.

— От Коннорсов, если держать точно на север, двадцать пять миль до водокачки. Там останавливаются дневные поезда, а ночные пролетают мимо. Имей в виду.

— Наверно, я все-таки дождусь друзей, — сказал Илья.

— Не жди их. Не задерживайся на ранчо. За Эда Коннорса придется рассчитывать его семье. Возможно, у маршала даже есть постановление суда насчет конфискации. Иначе он бы не стал заводить разговор.

— Скверно.

— Да, скверно. Все раскрылось, Билли.

— Надеюсь, что не все, — улыбнулся Илья.

Томас подал ему руку, прощаясь:

— Держись подальше от Оклахомы. Наверно, я и сам отсюда уберусь. Нельзя так долго торчать на одном месте.

— Было бы неплохо, если б ты решил заглянуть в Аризону. Найдешь меня?

— Не сомневайся.

Илья пришпорил жеребца и помчался, не оглядываясь.

— Не понимаю, зачем вам нужны лишние хлопоты, — сказал маршал.

— Все очень просто, Гек, — ответил Форсайт. — Я хочу навести порядок. Когда я вижу, что какое-то дело выполняется неправильно, я увольняю нерадивого работника и нанимаю другого.

— Думаете, Лагранж справится лучше, чем Мерфи?

— Не сомневайтесь. Он справится. Потому что работает на меня. А я плачу только тем, кто справляется.

— У него есть опыт работы в охране?

— О да, огромный опыт. Ко мне он пришел из меднорудной компании Тирби. А это — лучшая рекомендация. Но хватит о нем. Поговорим о Коннорсе. Вы знаете, что его ранчо находилось на границе моих пастбищ. Мы были, можно сказать, соседями, хотя никогда не встречались. Сейчас, когда его нет, ранчо осталось без хозяина, и я, скажу вам откровенно, собираюсь прибрать его к рукам.

— Желаю удачи, — сказал маршал. — Но зачем вы делитесь со мной своими планами?

— Предлагаю сделку. Думаю, вам известно, кем был Эд Коннорс?

— Он разводил коней.

— Да. А раньше выращивал овец. А еще раньше грабил банки.

— Кажется, вы знаете больше меня, — улыбнулся Даррет.

— Не думаю. Мы оба знаем, что он был в банде «Потрошителей банков». Знаем, что в Вайоминге он заочно приговорен к смерти. И знаем, что его голова была оценена в полторы тысячи долларов.

Улыбка Даррета стала еще лучезарнее.

— Я же говорю, что вы знаете больше. Про полторы тысячи я слышу впервые. Наверно, у вас имеются свои источники?

— Естественно, — кивнул Форсайт. — И я полагаю, что тому, кто убил Коннорса, будут выплачены призовые деньги.

— Об этом вам надо спросить у губернатора Вайоминга.

— Но, во всяком случае, все имущество преступника должно быть конфисковано, не так ли?

— Это целая история, — протянул Даррет. — Я не занимаюсь такими вещами. Обращайтесь к судейским.

— Вот тут, Гек, вы лукавите. Как раз федеральный маршал и занимается такими вещами. Так вот. Если вы поможете присоединить к моим землям это ранчо, то получите половину его стоимости.

— Наличными?

— Естественно.

— А что будет с семьей Коннорса?

— То же, что с семьями других преступников, — спокойно ответил Форсайт. — Надо было подумать о семье немного раньше, прежде чем становиться на кривую дорожку. Не так ли, маршал?

— Да, надо было подумать о семье, — согласился маршал. — Что ж, мистер Форсайт, закон на вашей стороне. Действуйте, как сочтете нужным. Когда вы намерены вернуться в Шерман?

— Сразу после того, как мы с вами заглянем к Коннорсам.

— Мне там нечего делать.

Маршал поднялся со стула и с папкой под мышкой направился к дверям.

Форсайт остался за столом. Он слышал, как Даррет, стоя на крыльце, подозвал кого-то и попросил оседлать одну из шерифских лошадей.

«Ничего, он еще одумается, — подумал Форсайт, собирая бумаги и фотокарточки, рассыпанные по столу. — Он же разумный человек».

Он твердо знал, что разумный человек не может отказаться от выгодного дела. Маршал ничего не ответил на его предложение, но это еще не было отказом. Возможно, Даррет набивал цену. Или сам надеялся заполучить чужое хозяйство. В таком случае он не

помощник, а конкурент...

Одна из фотографий привлекла его внимание. Он подошел с ней к окну, внимательно разглядел, а потом поднял раму и подозвал к себе одного из ковбоев, охранявших участок:

— Приведи ко мне Лагранжа.

* * *

Джон Лагранж согласился стать шерифом только потому, что Форсайт пообещал — это ненадолго. Через пару месяцев, когда в поселке будет наведен порядок, Лагранж отдаст латунный значок кому-нибудь другому, а сам откроет салун. И, самое главное, ему разрешат держать в заведении пару залов для игры.

Когда-то он просаживал за карточным столом тысячи, десятки тысяч долларов. Однажды в Техасе владелец салуна предложил ему войти в долю. Лагранж внес пай и был изумлен, с какой легкостью и быстротой вернулись к нему его доллары.

Там, в Техасе, он познал наслаждение более глубокое, чем давала игра. Ему не надо было прилагать никаких усилий. Он ничем не рисковал. Он просто стоял на галерее и глядел вниз, в игровой зал, где десятки идиотов, возбужденно сопя, выкладывали свои денежки на стол, а потом с тоской провожали их взглядом — а денежки уплывали в карман Джона Лагранжа.

Но счастье было недолгим. Партнер забыл предупредить его, что игра в салунах была под запретом. Однажды через городок проезжал отряд рейнджеров. Почему-то им вздумалось заглянуть именно в заведение Джона. Столы были превращены в дрова и щепки, касса конфискована, а Лагранжу надели наручники.

Приговор суда потряс Джона своей несправедливостью. Год тюрьмы! Его погрузили в вагон вместе с убийцами, насильниками и самогонщиками. И поезд тронулся со скоростью черепахи. На каждой остановке вагон задерживался надолго. Его отцепляли и отгоняли в тупик. Наконец, конвоиры приводили новых обитателей, звенящих кандалами, и путешествие продолжалось.

Целый месяц тюремный вагон тащился по Техасу, а в Оклахоме застрял на неделю. Лагранж прикинул, что к тому времени, когда они достигнут федеральной тюрьмы, срок заключения, пожалуй, истечет. Но его расчеты не оправдались.

Как-то ночью в тупике, где вновь застрял вагон, прозвучало несколько выстрелов. Дверь откатилась, и в проеме показался человек с факелом. «Вы свободны, — сказал он. — Кто желает работать на Боба Клейтона, выходите. Остальные — катитесь ко всем чертям».

Джон не желал работать на какого-то Клейтона. Он вообще не желал работать. Но бежал вместе со всеми, продираясь сквозь камыши и топи. И вместе со всеми оказался на островке, где их ждал новый хозяин. Каждому из беглецов был задан только один вопрос — что он умеет делать. Имя, возраст, происхождение, и даже причина, по которой был осужден — никого не интересовало. «Что ты умеешь делать?» — спросили у Джона Лагранжа.

И он понял, что зря увязался за всеми. Его спутники умели работать на ранчо, готовить обед, охотиться, строить дома, нашелся даже один аптекарь. Джон Лагранж умел лишь тасовать карты и стрелять. «Дай мне пушку, и я покажу, что умею», — ответил он.

Ему дали револьвер. Он откинул барабан и пересчитал патроны. Их было только два. Лагранж огляделся и стянул шляпу с соседа. Тот дернулся, но быстро успокоился, едва ствол коснулся его лба.

Конечно, можно было пожертвовать и собственной шляпой. Но она была черной, а соседская — белой. Весьма существенное различие, потому что дело было ночью, и Джону не хотелось рисковать репутацией.

Он подобрал шляпу, и она вернулась на землю, украшенная двумя дырками.

«Можно было и не стрелять, — сказал Боб Клейтон и повернулся к своим людям. — Этот останется с нами. Остальных гоните на ранчо».

Так Джон Лагранж стал служить в охране мясного барона. Самого же Скотта Форсайта

он увидел нескоро. Прошло, наверно, с полгода, когда Лагранжа привезли на центральную усадьбу и подвели к боссу. «В Аризоне разыскивается киллер по кличке Мутноглазый», — сказал босс, стоя на крыльце.

У Джона дрогнули колени. Зря он покинул тюремный вагон, ой, зря... Получить год за незаконный игорный бизнес, да еще прибавить полгода за попытку побега — такое наказание показалось сущим пустяком по сравнению с тем, что грозило ему за все аризонские делишки.

«Говорят, он убивал только для того, чтобы погасить карточные долги, — продолжал босс. — В конце концов ухлопал своих кредиторов и удрал в Техас. Как бы ты поступил с таким грязным типом?»

«Я бы предложил ему грязную работу», — ответил Лагранж.

«Работа есть работа, — сказал босс. — Ее можно сделать грязно или чисто».

«Моей работой все оставались довольны».

«Заходи», — сказал Форсайт и распахнул перед ним дверь.

Кличка «Мутноглазый» казалась Лагранжу немного обидной. Его и самого раздражала собственная физиономия, когда он смотрелся в зеркало — на смуглом лице под шапкой черных волос серые глаза казались мутным бельмом. Однако он никогда не забывал, что этим прозвищем его наградила сам Джонни Ринго, знаменитый киллер, когда они сидели вместе в тумбстонской каталажке.

Ринго поделился с ним кое-какими адресами, дал рекомендации, и с тех пор Лагранж никогда не сидел без работы.

Он так и не узнал, откуда Форсайту стали известны такие подробности его биографии. Да это его и не волновало. Мутноглазый не любил лишних вопросов.

* * *

— Смотри, что я нашел, — сказал Форсайт, показывая фотокарточку Рябого. — Мерфи не тратил время зря. Хорошо, что мы его опередили. Узнай у Лански, куда увезли этого дурака. И отправь за ним людей.

— Мы еще не закончили, — сказал Лагранж. — Осталось пошарить в салуне Бенсона и пройти по баракам.

— У тебя достаточно ребят. Отправь за Рябым двоих.

— В прошлый раз мы отправили за ним троих, — напомнил Мутноглазый. — Они до сих пор не вернулись. Нет, босс, закончим с поселком, и двинемся всей командой.

— Мне бы не хотелось, чтобы его нашел кто-то другой, — сказал Форсайт. — Например, маршал.

— Даррет поехал в город. Сказал, что ему тут нечего делать. И уехал.

Форсайт снова погрузился в чтение шерифских бумажек. Лагранж стоял перед столом.

— Сэр?

Мясной барон поднял взгляд:

— Ты еще здесь?

— Будут ли другие указания?

— Я же сказал — отправь людей за Рябым. Ему надо заткнуть глотку.

— Эй, джентльмены! — послышался голос из-за решетки.

В клетке для задержанных стоял небритый фермер, держась за прутья.

— Чего тебе? — спросил Лагранж.

— Мерфи сказал, что меня надо выпустить. Так, может быть, кто-нибудь отопрет, наконец, решетку?

— Мало ли что сказал Мерфи, — процедил Мутноглазый. — Сиди и не шуми. Разберемся и с тобой. Со всеми разберемся.

Он вышел из участка, крайне раздосадованный. Босс, видимо, собрался торчать тут все время. Будто нет у него других дел.

В его присутствии Лагранж чувствовал себя скованно. Боялся что-то сделать не так. И не сомневался, что все равно босс найдет к чему придраться. И останется недоволен. Вечно он недоволен.

Однако настроение Лагранжа быстро улучшилось, стоило ему увидеть, как толпа ковбоев ведет к нему Томаса Мерфи.

Мерфи надо было бы повязать сразу, но Форсайт запретил это делать, пока в поселке околачивался маршал. Пришлось дожидаться удобного момента.

Бывший шериф выглядел слегка потрепанным. На нем не было шляпы, и рубашка лишилась одного рукава. У ковбоев, висевших на Мерфи, вид был тоже неважным — окровавленные физиономии, разодранные рубахи, а одного даже волочили под руки.

— Что за дела? — сердито спросил Мерфи, когда его подвели к участку. — За что меня схватили?

— Джон, мы ему спокойно говорим, мол, пройдем в участок, — задыхаясь, начал докладывать один из ковбоев. — А он — драться!

— Почему без наручников? — спросил Лагранж.

— Да он не дается!

Мутноглазый поднес ствол револьвера к лицу бывшего шерифа:

— Давай без глупостей, приятель. Ты же не против порядка? Ты же сам — законник. Вот и подчиняйся новому закону. Поселок — собственность компании. Живут в нем только работники. Ты уволен. Если устроишься работать на карьере — добро пожаловать. А пока отсидишь недельку за дебош. Согласен?

— А по-другому — никак? — спросил Мерфи, косясь на ствол.

— По-другому?

Лагранж выстрелил в воздух так, что дульное пламя опалило лицо бывшего шерифа.

Мерфи зажмурился и чихнул.

— Понял.

Они завели его в участок. Скотт Форсайт даже головы не поднял от бумаг. Лагранж отпер решетку, и Мерфи затолкали в камеру.

— Проверьте салун, — сказал Форсайт. — Проституток не трогать, задерживайте только мужчин. Действуйте аккуратно. Нам не нужны трупы.

Он собрал все бумажки в коробку и встал, прижимая ее к груди.

— Я уезжаю в город. Помни, что с Рябым надо разобраться. Как можно скорее, понял? Как можно скорее.

— Разберемся, босс! — пообещал Мутноглазый, мысленно добавив: «Только вали отсюда *как можно скорее*».

18

Противник стрелял в Энди из винтовки, даже не надеясь попасть — парень держал приклад у пояса, и нажал на спуск, не целясь. Рядом выстрелил Крис. Винчестер упал на песок, а парень схватился за руку. Но за миг до этого Энди почувствовал, что его словно кто-то дернул за рубашку. Еще позже он ощутил режущую боль в боку и спине.

Он выстрелил из дробовика. Противники упали на песок, прячась за бычками, и Брикс круто развернул кобылу, чтобы одним прыжком выскочить из сухого русла. И с каждым ударом копыт у него под ребрами вспыхивала мучительная боль. Эти вспышки скоро слились в одно пламя, и оно расширилось в бок, и каждый вздох давался с трудом.

Он перетянул рану шарфом, оперся на две скатки сзади, и боль под лопаткой немного затихла. Но теперь он вдруг перестал замечать свои ноги, словно потерял их. Он не чувствовал привычных толчков снизу. Он просто летел, оторвавшись от седла, и время от времени поднимался так высоко, что видел внизу свою кобылу рядом с мерином Криса, видел сверху пятнистую шляпу приятеля и его рубашку, потемневшую между лопаток. Ему стоило больших трудов вернуться в тряское седло и сквозь зубы отвечать что-то на

встревоженные вопросы Криса.

Когда он снова ненадолго очнулся, кобыла бесшумно плыла среди волнистого тумана, и где-то рядом шумело море.

«Вот я и умер», — подумал Энди Брикс и провалился в звенящую черноту.

Голос отца раздавался где-то рядом:

«Ну, сынок, где ж тебя так угораздило... Осторожней надо быть, осторожней, не шататься, где попало... Смотри, кусок рубашки внутри оказался. Вытащим, все вытащим, все до последней ниточки, нам тут грязи не нужно... А косточка-то целая, без осколков, только надломилась... Это мы склеим, срастется все, будет крепче, чем было ... А кишки не пробило? А легкое? ...»

— Лей сюда, — говорит отец, — лей, не жалея, ему не больно. Придави здесь. Тут подтянем, тут зашьем, а тут само зарастет...

Больно, больно! Энди закусил губу, чтобы сдержать стон. Он лежал лицом вниз в жесткой постели, и подушка под ним пахла свежим сеном. Больно...

Все закружилось перед ним и внутри него, и он, кружась, полетел внутрь сверкающей воронки... Он летел быстро, быстрее боли, и она отстала, и только иногда догоняла его, чтобы хлестнуть сзади по спине...

Он открыл глаза и увидел огонь. Яркое, почти белое пламя плясало в черноте, освещая незнакомые лица. Лица кружились вокруг него, и огонь тоже поплыл в сторону.

Энди попытался повернуть голову, чтобы не терять огонь из вида, но голова его не слушалась. Огромный цветок вырос из огня — невиданный цветок, белый тюльпан с махровыми лепестками, и в прозрачных лепестках змеились жилы, по которым пульсировала кровь, то желтая, то красная, то желтая, то красная. А бубен продолжал гулко стучать где — то рядом, и кто-то сказал:

— Пей.

Горячее вязкое варево заполнило рот, обожгло глотку, растеклось где-то в груди, и Энди выдохнул синее пламя.

— Еще пей.

Это была вода, твердая и хрустящая на зубах, он жевал ее и почему-то боялся проглотить. Он боялся, что все кончится, как только он проглотит хрустящую воду. А ему не хотелось, чтобы все закончилось, ему хотелось и дальше разглядывать букет огромных, прозрачных тюльпанов, которые разрастались вокруг, вытесняя черноту...

Тюльпаны срослись в прозрачную башню головокружительной высоты. Сверкающая остроконечная макушка упиралась в медленно плывущие зеленые облака, а в просветах между ними желтело и поблескивало вогнутое латунное небо...

Винтовая лестница обвивала башню, и по узким ступеням взбиралась маленькая фигурка, то исчезая за круглым боком башни, то показываясь вновь, но уже выше. Энди понял, что это он сам поднимается на башню. Он оставался здесь, в темной комнате, перед пляшущим огнем. И в то же самое время он был там, на высоте.

Ветер пытался сбросить его со скользких ступеней, и ему приходилось прижиматься всем телом к выпуклой стенке, и цепляться пальцами за щели между кирпичами. И каждая ступень, которая оставалась позади, сразу осыпалась. Ее обломки летели вниз, кувыркаясь и отскакивая от стенки.

«Это дни моей жизни», — понял Брикс. — Что остается за моей спиной? Ничего. А впереди только враждебное небо»...

Его разбудил выстрел.

«Подобное уже было со мной», — вспомнил он, садясь в постели.

— Доброе утро, сеньор, — сказала пожилая мексиканка, подметавшая в комнате.

«Я в салуне Рэймонда Бенсона, — сказал себе Энди. — В шахтерском поселке. Здесь опасно. Сюда я попал после похорон Дика».

— А где Крис?

— Спросите у судьи.

«У судьбы?»

Он не сразу вспомнил, что судьей тут называют владельца салуна.

Спускаясь по ступенькам, Энди был весьма удивлен тем, что не хромает. Он пощупал ногу и с еще большим удивлением обнаружил, что вместо бугорка, где пряталась пуля, теперь ровное место.

— Что тебе подать, завтрак или обед? — спросил Бенсон, когда Энди уселся за стол.

— Все сразу. И ужин в придачу. А где Крис?

— Уехал пару дней назад. Он будет ждать тебя на ранчо Коннора.

— Пару дней назад... — повторил Энди, качая головой.

Расправившись с омлетом, бифштексом и горой картошки, он раскурил трубку и перебрался к стойке бара.

— Скажи, Рэймонд, видал ли ты людей, которые вернулись с того света?

Бенсон кивнул:

— Не раз. Должен заметить, что не все они лучились от счастья. Для многих такое возвращение оказалось неприятным сюрпризом. И еще одно замечание: пережив собственную смерть, люди меняются до неузнаваемости. Щедрый весельчак становится мрачным скрягой, тихоня превращается в задиру, а безрассудный смельчак — в последнего из трусов.

— Значит, тупой подонок может стать благородным мудрецом, если выживет после смертельного ранения? Хорошее средство для улучшения человеческой породы, ты не находишь?

— Я нахожу человеческую породу безнадежной.

— Я тоже, — сказал Брикс, прислушавшись к разговору шахтеров за соседним столом.

Они громко обсуждали судьбу какого-то инженера, похищенного и зверски убитого индейцами. Спор шел о том, в каком виде в поселок будет доставлена его кожа — набитая соломой или растянута на распорках.

— Рано или поздно они и нас перережут, как цыплят.

— Надо убираться отсюда, пока не поздно.

— Скиллард сам виноват. Вечно придирался к индейцам.

— Скиллард говорил, что он тут самый главный, а компания палец о палец не ударила, чтобы его спасти.

— И с нами так же будет...

Бриксу показалось, что он вернулся лет на двадцать назад, в годы своей юности. Тогда, в семидесятых, жители Огайо точно так же обсуждали слухи насчет кровожадных индейцев. Где-то далеко, на Черных Холмах, кавалерия генерала Кастера билась с бандами сиу, там грохотали пушки, и реками лилась кровь — а на тихих улочках Мэнсфилда люди вечерами замирали от ужаса, заслышав, как в палой листве копошится бродячий пес. Всюду мерещились затаившиеся индейцы.

Да только откуда им было взяться в Мэнсфилде? Гораздо больше следовало опасаться ковбоев, что вываливались из вагонов вместе со скотиной, прибывшей на станцию. Скотина налево, ковбой направо, вот и вся разница. Воняли они одинаково, только двуногие топали в салун, а двуногие — на бойню...

— А мне жалко Скилларда...

— Да черт с ним...

Брикс повернулся к Бенсону:

— Можешь мне растолковать, кто такой Скиллард?

Судья Бенсон многозначительно поднял палец:

— *Инженер* Скиллард! Многие шахтеры уверены, что «инженер» — это его имя. Но его имя — Бенджамин, а звание инженера он присвоил себе, чтобы его не путали с другими Скиллардами, земельными спекулянтами, которые имеют довольно сомнительную репутацию в Канзасе.

Говорят, наш инженер не так давно и сам подвизался на землеустроительном поприще,

но не преуспел. Теперь он — инженер. Специалист по угледобыче. На карьере работают и другие специалисты, но Скиллард — особенный. У него отдельная контора. В карьер он никогда не спускается. И никто не замечал на его лацканах ни одной угольной пылинки.

Хотя он очень любит уголь. Первое время Скиллард не мог выйти из моего салуна, не прочитав нам лекцию об углях. О лигнитах, антрацитах, сланцах и еще многих вещах. Пока он просто трепал языком, люди терпели. Мало ли о чем любит поговорить пьяный начальник? Однако все кончилось тем, что его чуть не линчевали за богохульство. Он заявил, что возраст местного угля 120 миллионов лет. Да-да, так и сказал, сто двадцать миллионов лет. Шахтеры посмеялись над этой шуткой. Но он говорил всерьез.

— А в чем шутка? — не понял Энди Брикс.

— Как известно, датой творения мира считается 7 октября 3761 года до рождества Христова, — напомнил судья Бенсон. — С этим спорят только англиканцы. В постраничных заголовках Библии короля Якова приводится другая дата, а именно 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождества Христова.

Среди наших шахтеров большинство составляют католики — ирландцы и поляки. Есть приверженцы и англиканской церкви. Но даже баптисты и пресвитериане, которые относятся к Ветхому Завету не так ревностно, даже и они просто онемели от негодования, когда в их присутствии кто-то попытался опровергнуть Библию.

— И что, Скиллард опроверг?

— Не успел. Сослался на неотложные дела и покинул заведение. С тех пор он у меня не показывается. Предпочитает пить французский коньяк на ранчо Форсайта.

— А давно его убили?

— Слухи о смерти появились только сегодня утром. И я нахожу их весьма сомнительными.

В салун вошла кучка ковбоев, и шахтеры приумолкли. Брикс заметил, что один из вошедших носил шерифскую звезду на куртке.

— Что за сборище? — спросил шериф, похлопывая плетью по голенищу. — Почему не на работе?

Шахтеры переглядывались, перешептывались, но никто ничего не ответил.

— Я не слышал сигнала об окончании рабочего дня. Может быть, ты слышал? — Он пнул сапогом по ножке стула, и шахтер съежился над кружкой. — Даю вам пять минут. Тот, кого я застаю здесь через пять минут, будет уволен. Расчет сегодня же. С выселением. Узлы за спину, и вперед. Меня все слышат? Или тут есть глухие?

— Мы тебя не знаем, — проговорил кто-то, прячась за спинами соседей.

— Еще узнаете. — Шериф достал из кармана часы, положил их на стойку бара и уселся на табурет. — Я новый начальник охраны. Если бы вы не сбежали с работы, то услышали бы несколько важных новостей. Возвращайтесь на карьер, и спросите у мастеров, по какому распорядку вам предстоит тут жить и работать. Осталось четыре минуты.

Загребели отодвигаемые стулья. Шахтеры молча побрели к выходу, дожевывая и вытирая губы.

Энди Брикс зажег спичку, чтобы раскурить погасшую трубку. Краем глаза он видел, что шериф смотрит на него.

— Мне все-таки непонятно, — обратился Энди к Бенсону, — почему сведения о возрасте угля так задели твоих клиентов. В свое время я тоже изучал Ветхий Завет, и у меня хватило терпения на каждую книгу. По крайней мере, на первые несколько глав.

Ну, если уж совсем честно, то в некоторых книгах я осилил только название. Но зато уж запомнил на всю жизнь. Иногда это очень полезно. Скажем, привяжется пьяный зануда, который вдруг вспомнил, что давал тебе в долг полдоллара, а ты ему, так небрежно: «Как сказано во второй книге Паралипоменон, ты много хочешь, но мало получишь». И он тут же скисает.

Но я вернусь к ста двадцати миллионам лет. Думаю, что Скиллард и те, кто с ним спорили, просто говорили на разных языках. Даже нет, не так. Вот, к примеру, на

мексиканской границе одна и та же вещь может стоить десять долларов или сорок песо. Понимаешь, к чему я клоню?

— Понимаю, — сказал Бенсон, продолжая натирать стаканы. — Ты хочешь сказать, что миллионы лет Скилларда — это сотни лет в Библии.

— Ну да. Бог считает по-своему, инженеры — по-своему...

— Откуда ты, приятель? — спросил шериф, становясь рядом с Бриксом.

Энди глянул на него с дружелюбной улыбкой.

— Из Техаса, приятель.

— Приехал устраиваться на работу?

— А что ты можешь предложить?

— На карьере не хватает возчиков. Будешь катать тачку с углем?

Энди задумался.

— Дело, конечно, выгодное. На уголь всегда есть спрос, особенно если поблизости железная дорога. Но ведь тогда мне, пожалуй, пришлось бы бросить свое ранчо. Я буду скучать без своих бычков и лошадок. Нет, приятель, пожалуй, твое предложение мне не подходит.

— Хватит придуриваться, — попросил шериф. — Кто ты, и зачем ты здесь — вот и все, что я хочу знать.

— Меня зовут Эндрю Брайтон. Мое ранчо «Две Стрелы» находится близ Амарильо. Если хочешь послать запрос, отбей телеграмму на имя Дональда Ригана, это наш шериф.

— Запрос? С чего ты взял, что я пошлю запрос?

— Я же не слепой. Вижу, сколько оружия на тебе и на твоих парнях. Значит, облава.

Знаешь, как это делают у нас в Техасе? Когда где-то что-то случается, надо перешерстить все кабаки в округе. Задержать всех подозрительных типов. Установить личность каждого...

— Да, ты знаешь толк в нашем деле, — протянул шериф.

— Подожди, это еще не все. — Энди Брикс попытался трубочкой и продолжил. — Личность устанавливается по телефону. У вас тут нет телефона? Это замедлит работу. В телеграмме много не расскажешь. Только самые общие приметы.

Так вот, посылаются запросы. Потом приходят ответы. И всех подозрительных типов приходится отпускать на свободу, не забыв извиниться перед каждым.

— Ну, раз ты такой умный, то не будешь возражать, если я *приглашу* тебя в участок?

Брикс видел, как стоят трое спутников шерифа — один у выхода, другой у окна, третий у него за спиной. Можно было бы уйти от них через кухню. Но зачем?

Зачем рисковать? Пока он добежит от салуна до конюшни, да пока найдет там свое седло и сумку с револьвером, да пока выведет кобылу, непрерывно отстреливаясь — за это время можно спокойно перекрыть все выходы из поселка. И даже если он вырвется в поле, далеко ему не уйти.

«Старею, — подумал Энди Брикс. — Лет двадцать назад я бы и говорить не стал с этими ублюдками. Шерифу — вилку в глаз, остальных перебил бы из шерифского кольца. Хорошо, что Криса нет рядом. Вдвоем мы бы тут устроили.... А потом легли бы рядом с Диком».

— В участок? Жаль, что придется оборвать интересную беседу. — Он протянул свой бумажник судье Бенсону. — Рэймонд, присмотри за моими вещами.

Бенсон кивнул, и Энди понял, что те, кто будут обыскивать его номер, ничего не найдут.

Место, где они встали на ночлег, называлось Красный Пень. Огромная красная скала, размером с небольшой город. Плоская сверху, будто ее подровняли гигантской пилой. Изъеденная трещинами, провалами и пещерами.

Все лошади вместе с фургоном поместились в расщелине, заросшей высокой травой. Рядом был низкий вход в пещеру. Полли вошла туда первой, держа перед собой палку, раздвоенную на конце.

— Змей нет, — сказала она, через несколько минут выглянув из прохода. — Зато есть летучие мыши. Постараемся их не беспокоить.

Крылатые твари густо облепили свод пещеры, уходящий в черноту. Туда же, вверх, уходил и дым от костра.

Фотограф устроился в удобной нише, завернувшись в два одеяла. А Кирилл и Полли долго сидели у костра.

— Ахо говорил, что ты бывала где-то в далеких краях, — сказал он по-русски.

— Я была в тюрьме, — спокойно ответила Полли.

* * *

Она бы никогда не попала в тюрьму, если б ее не отдали в школу.

Отец очень хотел, чтобы старшая дочь получила образование, и записал Полли в миссионерскую школу. Каждое утро Питер отвозил сестру за десять миль, к старому форту, где располагалась миссия. Вечером он привозил ее обратно, и по дороге Полли делилась с ним полученными знаниями.

Сведения по истории и грамматике Питер пропускал мимо ушей. Но математику усвоил даже лучше сестры. Так они и учились, вдвоем.

Однако миссия славилась не столько своей школой, сколько еженедельной ярмаркой с танцами.

В перерыве между танцами выступал школьный хор, исполняя псалмы и гимны, затем преподобный читал короткую проповедь. Музыканты за это время успевали подкрепиться, и следующий танец получался особенно веселым.

Питер, само собой, толкался среди продавцов, не тратя время на развлечения. Так что во всем, что случилось с Полли, есть и доля его вины. Крис Ньюман никогда не подошел бы к девушке, рядом с которой стоял бы старший брат. Но Полли стояла вместе с подружками, и одна из них познакомила ее с Крисом.

Тогда он жил на ранчо, но был не обычным ковбоем, а помощником хозяина. До того, как перебраться на Территорию, Крис долго работал на стройках Техаса. Знал плотническое дело, мог подменить каменщика и кровельщика.

Такие мастера были в Оклахоме на вес золота. Работящий и скромный, он откладывал деньги, чтобы жениться на приличной девушке и купить ферму. Ферму он уже присмотрел. А когда узнал, что Полли недавно исполнилось шестнадцать, то понял, что нашел и невесту.

Поначалу они встречались только на танцах. Затем Крис стал иногда заглядывать в миссию и среди недели, чтобы повидаться с Полли во время перерыва. Однажды Питер приехал за сестрой раньше обычного, и застал Криса. В деревню они вернулись втроем, и Ньюман рассказал родителям Полли о своих планах. Отец не ответил ни согласием, ни отказом, а велел дожидаться осени.

Однако осенью в жизни Криса Ньюмана наступили серьезные перемены.

Правительство США приказало всем скотоводам Оклахомы покинуть земли, отведенные для переселенцев. Сотни хозяев лишились своих пастбищ. Тысячи ковбоев остались без работы.

Ранчо, на котором работал Крис, было уничтожено пожаром. Говорили, что его сжег пьяный хозяин. Обгоревший труп хозяина ранчо нашли среди развалин, рядом с выпотрошенным сейфом. К сожалению, это был тот самый сейф, где хранились и сбережения Криса Ньюмана.

Оставшись без денег и без работы, Крис не мог жениться. Он встретился с Полли и сказал, что ему нужен год, чтобы поправить свои дела. А потом исчез. Ровно на год.

Впрочем, можно сказать, что Крис Ньюман исчез навсегда. Потому что, когда Полли снова увидела своего жениха, его уже звали Джоном Миллером. И он был не плотником или ковбоем, а бандитом.

Новое имя, как и новую работу, ему дали старые дружки, братья Далтоны. Криса не брали на серьезные дела. Ему поручали подыскивать надежное убежище и следить за ним, а еще он отвечал за лошадей, и за покупки, и за развлечения...

Он исполнял свои обязанности так же добросовестно, как когда-то работал на стройке или на ранчо. Он честно рассказал обо всем Полли. И пообещал, что зимой, накопив денег, покинет банду. Они вместе уедут в Техас, и там пожениются.

В Техас они и в самом деле съездили. Познакомились с родителями. А на обратном пути за ними погнались рейнджеры. Крис отстреливался, и довольно удачно. Однако на горной тропе их лошадей подбили. Крис скатился в пропасть. А Полли была схвачена.

Их лошади оказались краденными, и пули Криса ранили четверых. Полли предстала перед судом за соучастие в воровстве и в покушении на жизнь. Следующие два года она провела в женской тюрьме штата Массачусетс.

— Вот потому-то Ахо и сказал тебе, что я побывала в очень дальних краях, — этими словами Полли завершила свой рассказ.

— Я тоже был в тюрьме, в Нью-Йорке, — сказал Кирилл. — И меня собирались посадить на электрический стул.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты не задавалась.

Он подбросил в костер ветку, чтобы пламя поднялось повыше и хотя бы немного осветило ее лицо. Ее глаза казались черными, когда она смотрела в огонь.

— Но ты говорила, что твой дружок лежит на тюремном кладбище, — вспомнил он.

— Да. Он не разбился тогда, в горах. Вернулся в банду. Когда братья Далтоны погибли, банда разделилась. Одни остались с Билли Дулином, другие выбрали своим вожаком Криса. И он стал грабить и убивать. К тому времени, когда я вернулась, его имя гремело по всей Оклахоме. Слышал про Джона Миллера?

— Конечно, — сказал Кирилл. — Ты с ним больше не встречалась?

— Нет. Он и не знал, наверно, что я вернулась домой. Девушки, попавшие в тюрьму, почти никогда не возвращаются. Второй год срока я провела на работах в госпитале. И все

девчонки там только и мечтали о том, что им позволят после освобождения остаться при тюрьме.

Сказать по правде, когда меня перевели в библиотеку, я тоже призадумалась. Что может быть лучше, чем жизнь среди книг? Но попасть на такое место — редкая удача. А девушки были согласны на любую работу. Уборщицами, прачками, сиделками — лишь бы остаться. Потому что знали — дома им ничего не светит. Дома их ждал позор. Или веселая жизнь с ворами и бандитами, а потом — снова тюрьма, или нож ревнивого идиота, или дурная болезнь...

Она замолчала, разгоняя рукой дым.

— А что случилось с Крисом?

— То, что должно было случиться. Его выследили, подстрелили и привезли в город. Три дня он лежал в камере, на полу, и его все время допрашивали. Потом он умер. Вот и все. В газетах был снимок. Раненый Крис лежит на обочине, а вокруг него пять или шесть помощников маршала. Все с винчестерами на плече. Довольные улыбки. Горделивые позы. В общем, удачная охота.

— Не думал, что у вас тут газеты выходят.

— Питер привез из Гатри. Привез и сохранил. На память. Все-таки Крис нам не чужой. — Она встала, оправив платье. — Пойду посмотрю, как там наш больной.

Она ушла к фургону. В углу пещеры зашевелился фотограф.

— Крис?

— Да, Сол.

— Извини за любопытство, но на каком языке вы говорили?

— На русском.

— Да? Чем-то похоже на португальский. Только в португальском гораздо больше знакомых слов.

— Мы не дали тебе заснуть?

Грубер подошел к костру и присел на корточки, протянув руки к слабеющему пламени.

— Люблю погреть пальцы над огнем. Люди неспособны на такую ласку, какую дает огонь. Ласка — это тепло, и свет, и спокойствие. Люблю огонь. — Он помолчал. — Как думаешь, почему Ахо не вернулся?

— Не знаю.

— Ну, я тоже не знаю, но у тебя есть какие-то предположения?

— Нет.

— Он сказал, что отвезет инженера до карьера, и сразу повернет назад. Неужели это может занять столько времени?

— Индейцы не любят ездить ночью, — сказал Кирилл. — Возможно, он сейчас лежит где-нибудь в соседней пещере. Там, где его застали сумерки.

— Да, они не любят ночь, — согласился Грубер, и на этот раз его голос звучал чуть веселее. — Это не страх, нет. Они просто четко проводят границу между миром человека и миром духов. И эта граница лежит в сумерках. Стемнело — значит, твое время кончилось. Спрячься в дом, дай духам попользоваться землей, водой и деревьями. А огонь — он заменяет дом для тех, кто остался без крыши над головой.

Он провел ладонью над пламенем, будто гладил его, как большого пса.

— Как ты думаешь, Крис.... Что могло случиться, если бы они все-таки убили Скилларда?

— Не знаю.

— Я не вижу, какая им выгода от его гибели. Одни убытки. Они всех настроят против себя, окажутся в изоляции. Здесь множество фортов, кавалерии потребуется неделя-другая, чтобы арестовать всех вождей.

У индейцев нет сил для войны. Они же не идиоты! Тебе не показалось, что они были одурманены?

— Нет.

— И почему именно Скиллард? Почему они не выбрали меня? Если им нужна война, почему не напасть на поселок? Может быть, как раз потому, что для нападения нужны силы, а сил-то и нет?

— У них хватило сил, чтобы напасть на нас, ты забыл?

— Да... Шайены. Великие воины. Никогда не думал, что столкнусь с ними. И что буду убивать их.... Но зачем, зачем? Что за сила толкает их в пропасть? Зачем проливать кровь? Почему они не могут жить как люди?

Кирилл не смог промолчать:

— Как люди? Ты кого имеешь в виду? Нас с тобой? Мы только что отправили на тот свет десяток собратьев. И считаем, что живем как люди. Спокойно поели после этого, спокойно легли спать.

— Но.... Но мы защищались, разве не так?

— Возможно, они тоже защищались. Возможно, у них не было выбора. Или они убивают Скилларда, или их племя будет уничтожено. Не кавалерией, так той напастью, что живет там, под землей у Белого Мула. Не знаю, насколько сильна угроза. Но в любом случае, раз об угрозе сказал шаман, значит, она существует.

— А шаман о ней откуда знает? — Грубер вскочил на ноги. — А если кто-то подговорил его, чтобы он И не просто подговорил, а заплатил! И пообещал что-нибудь дороже денег! Шаман — всего лишь человек. Человеком же движет выгода. Значит...

Он снова сел к огню и мрачно закончил:

— Значит, мы никогда не узнаем правды. Прости, Крис, я не слишком много болтаю?

— Слова не разгоняют страх, и не придают сил.

— Что?

— Иногда меня тоже тянет поговорить, — сказал Кирилл. — Тогда я понимаю, что слишком устал. Или что боюсь чего-то. Сильный — молчит. Так считают индейцы. Постарайся удержаться от лишних слов. И ты почувствуешь, как становишься сильнее.

— Попробую, — вздохнул Грубер и отправился в свой угол. — Постараюсь заснуть. Чтобы утром увидеть, как Ахо сидит у костра и пьет кофе.

Но Ахо не вернулся. На рассвете Кирилл выбрался из пещеры и вскарабкался наверх по влажному от росы песчанику.

Степь, кое-где зеленеющая молодой травой, была пуста. «Вот истинная картина одиночества, — подумал Кирилл. — Все, на чем может остановиться глаз, стоит одиноко, само по себе. Одно дерево. Один холм. И если появится человек, он тоже будет один».

Обводя взглядом горизонт, он надеялся увидеть одинокого всадника. Но заметил лишь дым далекого костра.

Поначалу равнина казалась монолитной, словно покрытая цельным куском желто-зеленого сукна. Но чем ярче раскалялось утреннее солнце, тем яснее прорисовывалась даль. Смутные пятна превращались в очертания рощиц и перелесков, затеплилась полоска дороги — как раз там, где вился дым.

«Кто-то греет утренний кофе, — подумал Кирилл. — Переночевал на обочине, и сейчас снова собирается в путь».

Он точно знал, что не Ахо развел этот костер. Индеец не стал бы тратить время на завтрак — для него война еще не кончилась.

Кирилл поднял бинокль, хотя и знал, что не разглядит ничего.

— Что ты там высматриваешь? — послышался снизу голос Полли.

— Кто-то ночевал неподалеку. Сейчас там горит костер.

— Это не Ахо.

— Я знаю.

Она подошла к фургону и принялась подтягивать упряжь. «Нет смысла ждать, — подумал Кирилл. — Если он не вернулся затемно, значит, с ним что-то случилось. Возможно, засада ждала у самого города. Ведь шайены знали, куда мы везем инженера. Нет, не знали. Ахо направился не в город, а к карьере.... Хватит гадать. Пора собираться».

Но он еще долго стоял на скале, обводя горизонт медленным и цепким взглядом. И чувствовал себя так, будто, забравшись на мачту шхуны, осматривал приближающийся незнакомый берег.

Впрочем, степь уже не была ему чужой. Кирилл быстро осваивался в любой местности, и сейчас он легко нашел бы дорогу и к поселку, и к ранчо Коннорса, и к деревне, где жила Полли.

«Как здесь можно жить? — думал он. — Я бы давно рехнулся от тоски. Представляю, какие метели тут задувают зимой. И в какую печку превращается степь в августе. Что заставляет их жить здесь? Но ведь живут, и отнюдь не выглядят несчастными. Ни Полли, ни ее зловредный папаша, ни Питер-балаболка... Он, наверно, был наречен Петром при крещении. Точно! А Полли? Неужели Полина? Красивое имя.... Ну почему они не выбрали более привлекательное место для жизни?»

Привлекательных мест он повидал немало. Ласковые берега Флориды, цветущие луга Великих равнин, лабиринты Скалистых гор... Наверно, не было ничего красивее Йелоустона, с его хрустальными озерами и душистыми лесами, с каньонами и водопадами.

Но, как бы не были прекрасны горы, Кирилл задыхался там от замкнутости пространства — горизонт вплотную поступал отовсюду высокой стеной лесов и глубоких тенистых впадин. А здесь, на просторах степи, он был как дома.

Он услышал скрип колес и посмотрел вниз. Фургон медленно, раскачиваясь, выкатывался из расщелины.

«Напрасно она так торопится, — подумал Кирилл. — Пока будем седлать, да собираться, фургон будет торчать на виду. Наверно, она просто захотела вывести лошадей на солнце, чтобы обтереть росу...»

Но лошади не остановились, выбравшись на ровное место, а прибавили ходу. Полли сидела прямо, подобрав вожжи, и ее волосы развевались на ветру.

«Что это с ней? Даже не причесалась?»

Фургон еще раз качнулся, переваливая через кочку. Передний полог распахнулся, и Кирилл увидел, что Полли уезжает не по своей воле.

Позади нее в проеме темнел чей-то силуэт. А в спину девушки упирался ствол винтовки.

— Живее, сука! — донесся резкий голос.

Полли тряхнула вожжами и оглянулась. Она посмотрела вверх и тут же опустила лицо. Кирилл успел кинуться навзничь и, лежа на макушке скалы, увидел, как из удаляющегося фургона, сзади, выглянула бледная физиономия. Парень по кличке «Рябой», которого они спасли от гангрены, наконец-то проснулся. В руке у него был дробовик — один из тех, что были спрятаны под сеном.

Кирилл застонал от бессильной ярости. Ну, почему он полез на скалу, не прихватив с собой винчестер? Все можно было бы исправить одним выстрелом...

Он дождался, когда задний полог фургона снова запахнет, и только тогда скатился вниз. Рябому незачем знать, что Полли была не одна.

«Может быть, он и не спал вовсе? — подумал Кирилл, торопливо седлая коня. — Может быть, только прикидывался? Черт, он же калека. Он не может нормально держать ружье. Лишь бы не пальнул сдуру, лишь бы не погубил ее...»

— Мы уезжаем? — зевая, спросил фотограф.

— Да! Седлай коней и живо собирайся, — приказал Кирилл.

— А куда уехала Полли?

— Куда?

Он хлопнул себя по лбу и снова полез на скалу. На этот раз Кирилл забрался повыше, и уже почти спокойно осмотрелся, пытаясь рассчитать курс, каким движется фургон. Да, Рябой явно направлялся не к дороге, а к холмам, синеющим на западе. Кирилл заставил себя задержаться еще ненадолго, изучая степь. Затем быстро спустился, едва не свернув шею.

Увидев, что Грубер уже в седле, он готов был расцеловать его: фотограф успел не

только сам собраться, но и приторочил чемоданы на одну из запасных лошадей, и уже заталкивал патроны в магазин винчестера.

— Мы убегаем или догоняем? — невозмутимо поинтересовался Грубер.

— И то, и другое.

— А как же Ахо?

Кирилл мысленно обругал себя и вернулся в пещеру. Поверх остывших углей он выложил из обгоревших сучьев знак, напоминающий куриную лапу. Ахо, наверняка, знал, что таким клеймом метили скот на ранчо Коннорса. Увидев знак, он поймет, что они были здесь, ждали его, и у них все в порядке. Ну, или почти все.

— Там все и встретимся, — сказал Кирилл, садясь в седло. — Сол, двигай так, чтобы солнце все время было слева. Перевалишь через холмы, увидишь реку. Пойдешь вдоль нее, направо. Следи за холмами. На одном из них заметишь старый фургон. От него дорога ведет на ранчо Коннорса.

— Кто такой Коннорс?

— Эд Коннорс был моим другом. Его убили. На ранчо живет его жена. Скажешь, что тебя прислал я. Там все и встретимся.

Солнце поднималось слишком быстро, но все время оставалось за спиной. Кирилл надеялся, что Рябой не заметит погони, глядя назад против низкого солнца. Да и не было никакой погони — далекую фигурку одинокого всадника не сразу и разглядишь, а разглядев, не испугаешься. К тому же всадник этот скоро скрылся за холмами...

Свернув в ложбину, Кирилл пришпорил мерина. Конь понесся, и трава под копытами превратилась в свистящий поток. Несколько минут бешеной гонки закончились, когда линия холмов нырнула книзу. Кирилл придержал мерина и направил его вверх по склону. Не доходя до макушки, спешился и стреножил коня, а затем, пригибаясь, поднялся на самый верх, и залег там, приготовив винчестер.

Он опоздал. Фургон уже был немного впереди, и, даже если б Рябой показался, стрелять по нему было нельзя.

Кирилл приподнялся, оглядываясь. Дальше лежала равнина, плоская, как сковородка. Ни холмов, ни рощицы, ни одного укрытия, чтобы подобраться поближе.

«Придется снова отпустить его подальше, — подумал Кирилл, возвращаясь к коню. — И что? Так и тащиться за ними, пока они не остановятся? И что тогда? А если он едет в свое логово, где его ждут приятели?»

У него не было сил ждать. Он снова погнал коня, и с радостью обнаружил, что ложбина углубляется. Еще какое-то время он мчался по низине, в высокой траве, и под копытами поблескивала вода. Но вот впереди показалась стена камышей, и он понял, что выбрался к озерку. Круто развернув мерина, Кирилл двинулся наперерез фургону. На этот раз он его опередил.

У него еще было время, чтобы подготовиться. Он достал флягу, отпил немного и плеснул пригоршню воды в лицо. А потом поехал навстречу фургону. Поехал шагом, сонно опустив голову и сжимая револьвер под полкой куртки.

Он с трудом удерживался, чтобы не смотреть вперед, и весь обратился в слух. Ему было слышно даже, как хрустят комья глины под колесами фургона, и звуки становились все четче, все ближе, и вот уже различимо дыхание лошадей...

Кирилл медленно поднял взгляд — и увидел, наконец, Полли. Ее лицо казалось серым. Она смотрела куда-то в сторону. А за ее спиной прятался Рябой.

Двустволка глядела прямо на Кирилла. «Его трясет от страха, — подумал он. — Но не станет же он палить просто так, в первого встречного...»

Он остановил мерина так, чтобы фургон прошел правее. До него было метров двадцать, когда Рябой выстрелил.

Мерин шарахнулся в сторону, но Кирилл резко осадил его, едва не слетев с седла.

— Сука! — заорал Рябой.

Второй выстрел! Картечь ударила в землю под ногами мерина.

— Ну, и как ты будешь заряжать? — спросил Кирилл, подъезжая к фургону. Полли сидела, будто окаменев. А Рябой, прячась за ней, бросил дробовик, наклонился — и в руке его блеснул револьвер. Кирилл выстрелил, и Рябой, взыв, свалился на землю. Полли вдруг развернулась и взмахнула кнутом: — Получай, тварь! Она лупила его, приговаривая: «Тварь, тварь!», и Рябой повизгивал, как щенок. — Не забей до смерти, — попросил Кирилл, подъехав ближе. Она повернулась к нему, вытерла блестящий лоб рукавом и сказала сердито: — Чего так долго-то? Он присел над скулящим Рябым, который обрубком левой руки пытался зажать рану на правой, и принялся его перевязывать. — Давай лучше я, — не выдержала Полли и пристроилась рядом, разрывая платок. — Платков на вас не напасешься. — Спасибо, что подтолкнула его. — Да он бы и так не попал, — с презрением отозвалась она, затянув узел зубами. — Тварь... Кирилл отвел волосы с ее лица. Ему очень хотелось погладить ее по щеке, но она уклонилась. — Сильно испугалась? — Вот еще! Ты же все видел. Я только боялась, что ты ему башку разнесешь, потом кузов не отмыть... — Она встала, вытирая руки о подол. — Ну, куда мы с ним теперь? Сдадим шерифу? Или сразу отвезем в город, к маршалу? — Сами разберемся, — сказал Кирилл.

20

Ранчо Коннора располагалось на трех холмах. Жилые постройки стояли посредине, а в крайних были выстроены конюшни. Одна из них была совсем новой, и внутри еще стоял запах извести, которой были выкрашены стены и решетки. — Эту конюшню мы построили для галисенью, — сказала Мойра. Илья вошел в денник и поднял с пола пригоршню стружек. — Хорошая стружка. Не крупная и не мелкая, как раз такая, какая нужна. — Два дня возили ее с лесопилки. — Сколько работников у тебя осталось? — Семь или восемь человек. Многие уехали, даже отказавшись от денег. А те, кто остался, говорят, что им некуда ехать. Наверно, они надеются, что я все-таки передумаю... — Я тоже надеюсь, — сказал Илья. — Нет, я тебя понимаю. Тебе тяжело тут. Поживешь у Энди или у меня, отдохнешь. Потом вернешься, когда тут все наладится. — А когда все наладится? — Скоро. Раз уж мы все тут собрались... — Он замолчал, вспомнив о Дике. — Вот это меня и тревожит больше всего, — сказала Мойра. — То, что вы все тут собрались. Энди и Крис уехали в поселок, и до сих пор не вернулись. А ты сам? Я же вижу, ты что-то скрываешь. Это место приносит нам одни беды. — Беды пройдут, а ранчо останется, — сказал Илья. — И твои дети будут здесь растить лошадей. Это хорошее дело. Они станут богатыми и счастливыми, и нарожают тебе кучу внуков, таких же рыжих, и таких же славных, как их отец. В конюшню заглянул работник: — Мойра! Там кто-то едет. Важный. В коляске, и с охраной. Илья взял Мойру за локоть: — Пусть твои люди соберутся возле дома. С оружием. А я встречу гостей. Возвращаясь к дому, он увидел, как с далекого холма по дороге спускается пролетка.

Косой шлейф пыли тянулся за ней, сносимый ветром. Трое всадников держались позади.

Илья вошел в комнату Эда и открыл оружейный шкаф. Среди винтовок и револьверов висел пояс, который Илья когда-то прислал другу из Мексики — тонкий и богато отделанный.

«Сам Эд так ни разу его и не надел», — подумал он, застегнув пряжки и опустив в кобуру кольт.

Стоя перед зеркалом, он пригладил волосы. Нацепил пенсне на нос и скорчил надменную рожу. Потом, вздохнув, повязал галстук и проткнул его заколкой с бриллиантом. Теперь он был готов ко всему.

Неважно, кто едет. Илья знал, что всегда сумеет договориться. Даже с федеральным маршалом, который попытается его арестовать.

Во-первых, розыскные карточки не имеют никакого сходства с мистером Уильямом Смитом.

Во-вторых, когда у человека за спиной стоят семь или восемь вооруженных приятелей, как-то неловко предъявлять ему ордер на арест.

Он прихватил с собой стул, прошел через двор и уселся у ворот в тени забора. Он даже успел раскурить сигару, прежде чем пролетка подъехала к дому.

Не вставая, Илья лениво повернул голову. В коляске сидел не маршал Даррет, а какой-то тьюфак, и у Ильи отлегло от сердца. Даррет был ему симпатичен, и очень не хотелось с ним ссориться.

— Нам нужна хозяйка, — сказал кучер.

— Хозяйка? — удивился Илья. — Она далеко. И, черт возьми, зачем вам нужна моя жена?

Кучер тупо уставился на него, затем повернулся к седоку. Толстяк, сидевший в пролетке, смотрел на Илью так, будто пытался вспомнить, где же они виделись.

— Здесь живут Коннорсы? — спросил кучер.

— Да, пока еще живут. Они мне не мешают. Да и кто бы посмел выгнать вдову и сироток? Пусть живут, сколько хотят, места для всех хватит. — Он встал и поправил пенсне. — Да, места хватит. Но я привык, что ко мне не приезжают без приглашения. Постарайтесь это запомнить, джентльмены. Всего доброго.

Илья стоял, широко расставив ноги и держа руки на поясе. Он улыбался, но пальцы его лежали на рукоятке револьвера.

Толстяк приподнял шляпу, на пальцах сверкнули золотые перстни:

— Я Скотт Форсайт, мое ранчо тут неподалеку, на Волчьей реке.

— А я — Уильям Смит, — сказал Остерман. — Мое ранчо вы топчете своими копытами.

Форсайт чуть привстал, заглядывая во двор. И улыбнулся:

— Надеюсь, мы станем добрыми соседями.

— Не сомневаюсь.

— Когда вы купили эту землю?

— Недавно.

— Вы меня опередили.

— Не только вас, — сказал Илья. — На лакомый кусок было много охотников.

— Желаю удачи.

Илья кивнул и снова уселся на стул. Краем глаза он заметил, что возле крыльца собралась внушительная компания. Но оглянуться он смог только, когда пролетка уехала.

Мойра стояла на крыльце, в окружении нескольких ковбоев, каждый — с винчестером на плече.

Остерман смотрел вслед коляске, пока она не скрылась за холмом. «Мы станем добрыми соседями, — подумал он. — Но только если нас похоронят на одном кладбище».

Мойра подошла к нему и взяла за плечо.

— Билли, знаешь, кто это приезжал?

— Да. Сколько времени тебе нужно, чтобы собраться? Я хочу, чтобы ты уехала немедленно.

— Люди Форсайта убили моего мужа, — сказала она. — Я поняла это, как только увидела его. Ему нужна наша земля.

— Ты меня слышишь? — Он ласково сжал ее руку. — Ты уедешь прямо сейчас. Из Гудворда ходят поезда. Уезжай в Аризону, Инес тебя встретит, все будет хорошо. Собирайся.

— Нет, Билли. Теперь я не могу уехать.

Он понял, что ее не переспорить. Мойра казалась совершенно спокойной, голос звучал ровно, но от взгляда ее зеленых глаз у Ильи враз пересохли губы, как перед хорошей дракой.

И все же он попытался ее образумить.

— Мойра, — сказал он как можно внушительнее, — подумай о детях!

— Ох, Билли, как раз о них-то я и подумала. Как раз о них. Майк и Джимми никогда не простят меня, если мы удерем отсюда накануне войны.

— Какой войны? Не будет никакой войны...

— Она уже началась, — сказала Мойра. — Только что.

* * *

Опытный боец начинает драку самым лучшим своим ударом. А лучший удар — тот, что наносится в самое слабое место.

— Лошади — вот наше слабое место, — сказал Илья. — Если завтра придет судебный исполнитель, то у нас прежде всего отнимут лошадей. Мы должны избавиться от табуна. Есть поблизости укромный уголок, где его можно спрятать?

Работники переглянулись.

— Таких уголков тут полно, — сказал старший конюх. — Спрятать-то можно. Да только неизвестно, вернутся ли кони оттуда. Все урочища и каньоны — для конокрадов дом родной.

— Мы могли бы увести и покараулить табун, но кто тогда останется здесь? — добавил объездчик. — От соседей всего можно ожидать.

— Здесь останутся стрелки, — сказал Илья. — Вы сами знаете, кто из вас лучше управляет с лошадьми, а кто — с винчестером. Так и разделимся. Наездники уведут табун. Стрелки останутся со мной. Но это еще не все.

Кто из вас бывал на ранчо Форсайта? Ты? Вечером прогуляемся к нему. Посмотрим на гнездо стервятника. А теперь — самое главное. Мне нужен парень, который мог бы выиграть призовую гонку. Он сядет на самого резвого скакуна и отправится на ближайшую почту. Он отправит несколько телеграмм. Есть такой парень?

— Майк, — в один голос ответили работники.

Мойра вышла из комнаты — и тут же вернулась с сыном. Очевидно, ей не пришлось его долго искать: парнишка стоял за дверью и все слышал.

— Я возьму Черноухого, — сказал он, слегка заикаясь от волнения. — Он летит быстрее пули. И никого не подпускает к себе. Только отца и меня.

— Телеграмму можно отправить и с карьера, — сказала Мойра и попыталась пригласить медные вихры Майка.

Но сын отскочил и возмущенно глянул на нее.

— Нет, — сказал Илья. — Только с почты.

— Я долечу до Шерман-Сити за час! И тут же — обратно!

— Нет. Тебе придется там подождать ответных телеграмм. Найдешь, где переночевать?

— Да! А сколько ждать?

— Наши друзья не любят тратить время попусту. Они ответят сразу, — заверил его Илья. — День. Ну, два. Но ты обязательно дождись ответа. Привезешь мне, это очень важно.

— Я могу отправиться прямо сейчас!

— Вот и отправляйся. Мойра, собери гонца в дорогу.

Оставшись с работниками, Илья подробно обсудил с ними маршрут перегона. Те, кто вызвался уводить табун, пошли собираться, а стрелки с Остерманом поднялись в комнату Эда.

Открыв оружейный шкаф, Илья раздал работникам винтовки и коробки с патронами. Сам же подсел к столу и с трудом отыскал пару чистых листов бумаги. Когда пришла Мойра, он протянул ей конверт:

— Отдашь Майку. Скажи ему, что в этих телеграммах нельзя изменить ни одной буквы.

— Ему бы и в голову не пришло что-то менять.

— Зато до этого мог бы додуматься телеграфист. Кстати, ты тоже собирайся. Поедешь в Шерман, оформишь сделку.

— Какую сделку? — недовольно спросила она. — Никуда я не поеду!

— Пойми, на все имущество Эда может быть наложен арест. Ты продала ранчо. У нового хозяина его уже никто не отнимет.

— Я? Продала ранчо? Кому?

— Да-да, продала, Уильяму Джозефу Смиту, то есть мне. — Он нетерпеливо взял ее под локоть и повел к двери. — Надо оформить бумаги как можно скорее. Иначе все наши усилия напрасны. Понимаешь? Вот и хорошо. Собирайся живее. Может быть, тебе удастся это повернуть уже сегодня.

Он вывел ее из комнаты и подтолкнул к лестнице.

— Да, и возьми с собой Джимми. Земельные дела — такая волокита. Вдруг ты там задержишься? Кто с ним тут будет возиться?

Мойра вырвала руку и сердито глянула на него:

— Бедная Инес! Ты и с ней так же обходишься?

— Как?

— Вот так, как со мной! Избавился от Майка, да так ловко! И меня загоняешь в угол, и получается, что я должна поступать по-твоему! А она еще говорила, что у тебя золотой характер!

Илья, посмеиваясь, вытянул из-под рубашки потайной пояс.

— Хорошо, что напомнила про золото! Возьми деньги. Положишь на свой счет все, что там есть. Это будет доказательством того, что сделка не фиктивная. У тебя же есть счет? Бери, бери, иначе все впустую.

Ну, что ты на меня так смотришь? Когда все уляжется, ты просто отдашь деньги мне, и мы расторгнем сделку. Я проворачивал такие операции по пять штук за день, когда устраивался в Аризоне. Не беспокойся, я знаю, что делаю.

Она взвесила пояс на ладони.

— Сколько там?

— В банке посчитают. Поторопись.

Мойра, вздохнув, надела пояс поверх платья.

— Билли, Билли... Хорошо, проживем пока в городе. Но тогда мне придется и пса забрать. Как бы не сдох тут от тоски... Или от шальной пули.

— Спасибо, — сказал Илья. — Спасибо, что все понимаешь.

— Думаешь, уже сегодня ночью что-то будет?

Он улыбнулся:

— Я никогда не заглядываю так далеко.

21

Лагранж негромко постучал в дверь и, войдя, снял шляпу. Он прекрасно знал, что Форсайт лопаается от радости, когда перед ним гнут шею.

Сейчас босс сидел в кабинете инженера, и вид у него был такой важный, будто он

занимал место самого Джефферсона Кребса, хозяина всей здешней земли.

— Докладывай, — бросил он.

— Поселок мы вычистили. Остались только шахтеры.

— Как они себя ведут?

— Как шахтеры. Ворчат втихомолку, но не дергаются. С утра все пошли работать.

— Все? Никто не собирает вещи? Никто не уезжает?

— Вроде нет...

— Плохо. Ну, все еще впереди. Сколько задержанных?

— Трое, если считать фермера. Кроме Мерфи, взяли еще одного. Чужак, из Техаса. Говорит, что приехал сюда покупать ранчо. Но люди видели, что он хоронил друга Коннора. С ним был еще один техасец, но того нигде нет.

Форсайт задумчиво вертел перстень на толстом пальце.

— Значит, к Мойре Коннорс приехали друзья мужа? Так-так.... Одного ухлопал Мерфи. Один у нас за решеткой. И еще один где-то поблизости. И, кажется, я знаю — где. Так-так. Что еще?

Лагранж обрадовался, что не выложил все козыри сразу.

— А еще я выставил посты на дорогах, и они принесли улов. Попались двое. Индеец и белый. Вооружены до зубов, оба в крови, и несут всякую околесицу. Похоже, они побывали в серьезной заварухе. Как раз сейчас я туда еду, чтоб их допросить.

— Индеец? — Форсайт с трудом стянул перстень с пальца и принялся рассматривать его на свет, любуясь блестящим камнем. — Индеец, индеец, вооруженный индеец

Мутноглазый переминался, тиская шляпу в руках. Каждая минута рядом с боссом была ему в тягость.

— Значит, индеец? Прекрасно, — сказал Форсайт и надел перстень. — Возьми с собой этого вонючку Дженкинса. Пусть он посмотрит на индейца. Он их всех тут знает. Белого привезешь в участок, пусть посидит там. А индейца надо припрятать до поры до времени.

— Как это — припрятать?

— Чтобы никто не видел. Понял?

Лагранж кивнул, хотя ничего не понял.

— Что еще? — спросил босс.

— Я все сказал.

— Нет, не все. Ты ничего не сказал о Рябом. А я так хотел о нем услышать!

Мутноглазый, призывая все мыслимые несчастья на голову босса, опустил глаза.

— Где Рябой? Ты послал за ним?

— За ним надо ехать всей командой, — холодея от безрассудной отваги, пробормотал Лагранж.

— Брось! — Форсайт ударил кулаком по столу так, что тяжелый письменный прибор подпрыгнул, и из него выпало перо. — Третий день ты морочишь мне голову! Твои парни просто жалеют подонка! Вы прячете его от меня! Идиоты! Его надо прятать от маршала! Потому что он всех вас приведет на виселицу, вот увидишь! Ты понял?

— Понял.

— Ему надо заткнуть глотку! Ты понял?!

— Я сам привезу вам его язык, сэр, — сказал Лагранж, глядя под ноги.

Босс засипел часто и отрывисто, будто припадочный. Лагранж осторожно глянул на него и увидел то, чего никак не ожидал сейчас увидеть — Форсайт смеялся.

— Ты славный парень, — сказал босс, мгновенно согнав улыбку с лица. — На тебя можно положиться. Все остальные — быдло. А в тебе чувствуется благородная кровь. Забудь о Рябом. Для тебя найдется занятие более важное. Сядь. И слушай.

Форсайт снял перстень и протянул его Мутноглазому.

— Примерь. Нравится? Оставь себе. И учти — это только задаток.

Лагранж спрятал перстень в карман.

— Что я должен сделать?

— Для начала напряги память и вспомни все, что ты слышал о нападениях индейцев. Разграбленные фермы, перехваченные караваны, изуродованные трупы....

Впрочем, подробности ты сможешь узнать у Дженкинса. Так вот. Мне нужно, чтобы ранчо Коннора было разграблено индейцами. Чтобы оно было сожжено дотла. Чтобы на пепелище валялись трупы. Оскальпированные и выпотрошенные трупы. Чтобы на труп Мойры Коннора нельзя было смотреть без содрогания. И чтобы повсюду торчали стрелы...

«Он пьян? — подумал Лагранж. — Вроде не пахнет. Но что он несет? Какие индейцы? Может быть, просто разыгрывает меня?»

Мутноглазый поднял палец:

— Извините, что перебиваю, но стрел не будет. Их давно уже никто не делает.

— Черт! Досадно! Что ты предлагаешь вместо стрел?

— Можно использовать неподкованных лошадей. Чтобы оставить следы. Считается, что индейцы не признают подков. И еще можно наведаться на старое кладбище команчей. Порыться в костях. Амулеты, прочая дребедень.... Можно подбросить пару старых мокасин.... И тогда народ будет целый год судачить об индейцах.

— Ты верно мыслишь, — сказал босс. — Но ты не знаешь всех наших возможностей. О нападении через пару дней будет знать весь Запад. Газеты Техаса, Канзаса и Миссури раструбят о нем, добавив подробностей, о которых мы и не догадываемся. Но самое главное — на развалинах останется труп индейца.

— Труп индейца... — Только теперь Лагранж понял, что босс говорил всерьез.

А Форсайт продолжал, с воодушевлением потрясая пальцем над головой:

— Люди Коннора отчаянно сопротивлялись! Но силы были неравны! Только на рассвете подоспела подмога из поселка, под началом шерифа Лагранжа! Раненых и убитых команчи унесли, отступая. Забыли только одного.

— Команчи? — уточнил Лагранж.

— Неважно, — сказал Форсайт, успокаиваясь. — Команчи, апачи, ирокезы. Индейцы. Краснокожие изверги.

— И вы хотите, что бы я

— Амулеты, старые мокасины и труп индейца — вот и все, что от тебя требуется. Возьмешь Боба Клейтона с его парнями. Ночью окружишь ранчо, чтобы никто не удрал, и ... — босс азартно ударил кулаком по ладони.

— Ночью? Индейцы не нападают ночью. Лучше все сделать на рассвете.

— Идиот! — неожиданно рявкнул Форсайт. — На рассвете твои люди должны отправиться на зарево пожара, и метким огнем заставить индейцев отступить! И преследовать их! Всё! Хватит болтать! Иди! Пока я не нашел кого-то более толкового для такой работы.

«Да он сумасшедший!» — подумал Лагранж, пятясь к двери.

Да, только сумасшедший мог придумать подобное — ночью напасть на ранчо, где живут десятка два ковбоев. Не говоря уже о том, что нападения индейцев давным-давно прекратились, и в такой спектакль никто не поверит.

Да, на индейцев привыкли списывать пропадающий скот. Да, почти в каждой банде имелся свой индеец-проводник. Но зачем уничтожать ранчо? Кому оно мешает?

Никому, кроме Форсайта.

Определенно, он выжил из ума. Кто поверит, что среди местных индейцев нашлись головорезы, способные на такое? Кайова и команчи давно живут в мирном соседстве с белыми. Многие работают на полях и в карьере. Их дети ходят в школу вместе с детьми белых. А их пьяницы, воры и убийцы идут под суд наравне с белыми. С чего бы им начинать новую войну? А ведь то, что задумал Форсайт, иначе как объявлением войны и не назовешь.

Значит, Форсайту нужна война.

Придя к такому выводу, Джон Лагранж почувствовал некоторое облегчение. Его босс — не псих. Он нормальный бизнесмен. А бизнес иногда заставляет совершать поступки, которые постороннему наблюдателю кажутся безумием или преступлением.

Теперь Мутноглазый мог спокойно обдумать заказ. Ничего подобного ему до сих пор не поручали. Однако он не видел большой разницы — убить одного или перебить десяток. Придется чуть дольше повозиться, вот и все.

«Окружишь ранчо», — сказал Форсайт. Интересно, как он себе это представляет? Сколько людей понадобится, чтобы окружить три холма? Наверно, для этого пришлось бы пригнать сюда всех шахтеров...

Лагранж ухмыльнулся, представив, как работяги стоят в оцеплении, взявшись за руки. Нет, если боссу хочется окружать, пусть сам и окружает.

А вот насчет ночного нападения — не так глупо, как кажется. Ночь осложняет работу, но ненамного. В темноте можно незаметно подкрасться, а внезапность нападения — лучший козырь.

Дня два надо будет потратить на разведку. Сосчитать всех людей на ранчо. Знать, куда каждый из них отправляется ночью. Изучить, как охраняется дом, и как в него войти. И только после этого начать отбирать помощников.

Их не должно быть слишком много — дело-то необычное, не всякий согласится, и не всякому доверишь. Но и вдвоем-втроем на ранчо не сунешься. Значит, нужна дюжина надежных парней.

Мутноглазый до сих пор не знал всех ковбоев, работавших на Форсайта. Их было слишком много, и все держались шайками по пять-семь человек. Шайки были разбросаны по огромной территории пастбищ, и, чтобы собрать в команду хотя бы три десятка ковбоев, потребовалась не одна неделя.

«Клейтон знает их лучше, чем я, — подумал Лагранж. — Он и подскажет, кого взять на дело. Все пройдет гладко. С его головорезами мне нечего бояться».

И тут ему пришло в голову, что как раз этих головорезов и следовало бояться. Боб Клейтон не забыл, что когда-то Лагранж был рядовым охранником в шайке, а потом вдруг резко обогнал его и стал приближенным босса.

Боб Клейтон, возможно, и сам был не прочь нацепить шерифскую звезду. И если кто-то из его людей в ночном бою случайно подстрелит Мутноглазого, то Боб Клейтон недолго будет носить траур.

* * *

Посты на дорогах были выставлены для того, чтобы заворачивать беглых шахтеров обратно в поселок. Форсайт не сомневался, что многие попытаются покинуть карьер, не дожидаясь расчета. Постовые знали, что делать с шахтерами. Но им никто не объяснил, как поступать с теми, кто захочет не бежать из поселка, а проникнуть в него. Двое, попытавшиеся это сделать, были на всякий случай схвачены, обезоружены и связаны. А одному из них даже кляп засадили, чтобы не ругался.

Когда Мутноглазый и Чокто добрались до поста, там наступило время ужина. Поев с ковбоями тушеной солонины и выпив кофе, Лагранж закурил и вытянул ноги на стол.

— Чокто, сходи, глянь на краснокожего, — приказал он. — Может, знакомого встретишь...

— Смотри, что у него было, — сказал постовой, подавая ему винтовку.

То был винчестер, любовно отделанный кожей и бисером. Замша, обтягивающая приклад, была порвана в нескольких местах — и это были следы ударов. А на желтой коже, что обвивала цевье, темнели бурые пятна крови.

— Что скажешь, Мутноглазый?

— Скажу, что эти двое не похожи на странствующих проповедников.

— Ты еще не видел их лошадей. Идем, покажу тебе кое-что.

Лагранж с неохотой поднялся из-за стола и направился вслед за ковбоем к коновязи.

Чужие кони стояли отдельно. Жеребец, нескладный и большеголовый, с широкой грудью и мощными ногами, был пятнистым — на шоколадной коже белели звездочки

размером с яблоко. Седло и сбруя были отменного качества, и явно куплены в хорошей лавке. А вот рыжая кобыла, стоявшая рядом, была покрыта мешковиной, и седло на ней потрескалось от старости. Зато хвост и грива были тщательно перевиты кожаным шнуром.

Лагранж приказал ковбою:

— Покажи их копыта.

Тот похлопал кобылу по шее и, наклонившись, согнул ее переднюю ногу.

— Не подкована, — глубокомысленно заключил Лагранж. — А жеребец?

— К нему лучше не подходить. Волчище, а не конь. Двоих искусал. Но если ты насчет подков — то он подкован.

— Значит, индеец ехал на кобыле, а белый...

— Наоборот, — с удовольствием перебил его ковбой. — Индеец сидел на мустанге. Держу пари, он украл его совсем недавно.

К ним подошел Чокто Дженкинс.

— Что с краснокожим? — спросил Лагранж.

— Не знаю я его. Приблудный.

— Он говорил, что работает на местного фермера, — сказал ковбой.

— Они всегда так говорят, — презрительно скривился Чокто. — А коня ему, конечно, дал тот самый фермер. Вот только имени своего хозяина они никогда не помнят. То ли мистер Смит, то ли мистер Джонс.... Что будем делать с ними, шериф?

— Надо еще посмотреть на белого.

Они подошли к фургону, возле которого сидел связанный пленник. Его пончо было все в пятнах засохшей крови. Кровь запеклась и на черной косынке, стянувшей волосы. А в глазах кипела ненависть.

Ковбой развязал кляп, и пленник долго отплевывался.

— Кто ты, и зачем сюда приехал? — спросил Лагранж.

Пленник посмотрел на него с изумлением, потом набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Мерфи! Где Мерфи?!

— Так ты ехал к Мерфи?

— Я? — Пленник дернулся и в ярости забил ногой по земле. — Недоумки! Да вы знаете, кто я такой? Развяжите меня немедленно! Я всех вас уволю! Вы уволены, слышите? Уволены!!

— Дженкинс, ты его знаешь? — спросил Лагранж.

Чокто равнодушно смотрел на пленного, будто и не слышал ничего. Вместо него заговорил один из ковбоев:

— Он называет себя инженером Скиллардом.

— Инженер Скиллард? — переспросил Лагранж. — Тот самый, которого убили индейцы? Для покойника вы смотрите весьма недурно, сэр.

Ковбои загоготали. Мутноглазый развернулся и зашагал к лошадям, бросив на ходу:

— Подержите их у себя. Утром разберемся. Дженкинс, поехали домой, завтра у нас будет тяжелый день.

— Я переночую у знакомой девчонки, — сказал метис. — Тут, неподалеку.

— С утра жду тебя в участке. А вы, парни, не зевайте. Краснокожего свяжите покрепче. Эти твари могут перегрызть веревку. Сначала веревку, а потом и горло.

22

Лука Петрович Волков полагал за лучшее не ссориться с властями. С любыми властями, законными или незаконными. Трое ковбоев, которых привел к нему Федька Лянский, назвались помощниками шерифа.

Значков у них не было, зато было много оружия. А оружие — это не только признак власти. Оно и само по себе — власть. Так что, разговаривая с пришельцами, Лука Петрович

был вежлив и краток, никаких лишних слов, никаких резких движений.

— Так ты говоришь, его увезли на ранчо Коннорса? — спросил пришелец.

— Я этого не говорил, — ответил Лука Петрович. — О ранчо Коннорса сказал тот парень, что привез раненого из города.

— Собирайся, поедешь с нами.

— Зачем?

— Дорогу покажешь.

— У вас есть проводник.

— Мы ему не доверяем.

Лука Петрович зашел в избу и долго стоял под иконой, шепча слова молитвы.

Жена, укладывая в узелок еду, неодобрительно поджала губы.

— Передашь Мойре яичек? — спросила она, чтобы отвлечь его от созерцания разрисованной доски. — Положу десятка два. Наши-то не сравнишь с ихними.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. — Лука Петрович перекрестился и глянул в окно.

Трое пришельцев бесцеремонно расселись вокруг стола под вишней, дымя самокрутками, а Федька Лянский остался при лошадях.

— Зачем ты их обманываешь? — спросила жена, укладывая яйца в лукошко. — Что ты им скажешь, когда они не найдут никого на ранчо?

— «Не обдумывайте заранее, что отвечать, ибо Я вам дам уста и премудрость», — ответил он строчкой из Евангелия, и усмехнулся, увидев, как вспыхнули ее щеки.

Его богословские споры с женой продолжались без малого тридцать лет. Она была протестанткой, да еще какого-то редкого толка — ни в Джорджии, ни в Оклахоме жена не нашла собратьев по вере.

— Зачем ты им нужен? Федька привел их сюда, мог бы и дальше дорогу показать.

— Не доверяют ему.

— Они тебе не доверяют. Страшные-то какие, Господи... Федька, вон, сам их боится. Вот убьют тебя, что я стану делать? Смотри, сколько на них оружия. Разве ковбои носят на себе по два пистолета?

— Катерина, сколько тебя учить? Пистолеты носил твой дедушка-плантатор. А нынешнее поколение носит револьверы. Благослови, матушка.

Он поклонился, и она поцеловала его в лоб.

— Если Мойра захочет пожить у нас, пригласи ее. Ей там тяжело, одной-то.

— Что ты о ней печешься? Вы с ней за все годы и двух раз не виделись.

— Она вдова, Лукас. А вдовам помогать надо. Вот, возьми лукошко.

— Не возьму. Побьются яйца по дороге.

— А ты поаккуратнее...

— Сама свезешь. Потом.

Она еще раз глянула в окно и поджала губы.

— Ладно. Иди уж, пока они весь двор не закоптили.

Внуки оседлали и подвели к нему вороного. Лука Петрович, не говоря ни слова, первым выехал со двора. Он даже не оглядывался, будто его не заботило, едут за ним пришельцы, или же они решили остаться в его доме.

Когда дорога свернула к реке, его нагнал Федька.

— Лукас, эти ребята... Они помощники нового шерифа. И у них приказ.

— Ну и что?

— Тот парень, однорукий, он вор. Они должны его арестовать.

— Ну и что?

— А то! — разозлился Лянский. — Если ты его прячешь, с тобой будет совсем другой разговор. Так что ты подумай, хорошенько подумай, куда нам ехать.

Лука Петрович обернулся к нему:

— Губы вытри.

Лянский провел по рту рукавом.

— Молоко не обсохло, а туда же! — язвительно продолжил Лука Петрович. — Держись своих дружков, не дразни меня. А то поучу по-отцовски, если родители не научили, как со старшими говорить.

Федька тут же натянул повод, придерживая коня, и отстал.

Они пересекли брод. Лука Петрович остановился.

— Вот по этой дороге и двигайтесь. Никуда не сворачивайте, и попадете прямо на ранчо.

— С нами поедешь, — сказал старший из пришельцев.

— Заблудиться боитесь?

— Мы ничего не боимся. Это нас все боятся.

— Так-таки и все? — Лука Петрович недоверчиво хмыкнул. — Ну, поехали.

Он снова остановился и пропустил чужаков вперед, когда показался холм со старым фургонном на макушке.

Стоило им проехать сотню шагов, как в воздухе прошелестела пуля, и ветер принес хлопок выстрела.

— Значит, Коннорсы дома, — сказал Лука Петрович. — Но гостей не принимают.

— Мы не в гости приехали. — Пришелец глянул на Лянского. — Фредди, знаешь обход?

— За холмами поскачем, выйдем на конюшни.

Лука Петрович только головой покачал. Но поехал вслед за ними, стараясь держаться сзади. Кони с трудом шагали по песчаным наносам, которыми были залиты ложбины между холмами. Но стоило выбраться на гребень холма, как новый выстрел остановил их.

Все спешили и залегли на вершине, разглядывая конюшни на соседнем холме.

— С крыши бьет, — сказал старший из ковбоев. — Старик, иди к ним. Пусть не дергаются. Мы никого не тронем. Заберем Рябого и уедем.

— Кого заберете? — переспросил Лука Петрович.

— Кого надо, того и заберем, — сердито ответил ковбой.

— Не пойду я. Злые они, Коннорсы. А работники у них еще злее. Им в человека пулю засадить — как гвоздь забить. Даже легче: молотком не махать. Не пойду.

— Пойдешь. — Ковбой навел на него револьвер. — Встань и иди.

Лука Петрович встал и пошел. Но не к конюшне, а вниз по склону, к своему коню.

— Стой, Лукас! — крикнул Лянский, догоняя его. — Ты что?

— Просили проводить? Я проводил.

— За решетку захотел? По сыночку соскучился? — заорал Федька. — Обоих вас в Форт Смит отправим!

Лука Петрович хотел дать ему в ухо, но Лянский вдруг зашептал, перейдя на русский:

— Не шути с ними, дядя Лука. Как отъедешь, стрельнут вдогонку. Бьют они без промаха.

— Умеешь ты, Федька, друзей выбирать, — проворчал Лука Петрович.

— Сходишь на ранчо?

— И не подумаю.

— Тогда считай, что ты арестован.

Ковбои подошли к ним, отряхиваясь от песка.

— Ты арестован! — громче повторил Лянский.

— Сила ваша, — Лука Петрович пожал плечами и уселся на песок, в тень от коня.

Они отошли в сторону, совещаясь на ходу. «Наручники не надели, руки-ноги не связали, — подумал Лука Петрович. — Значит, верно Федька говорит. Пуля держит крепче наручников».

Он развернул узелок и принялся жевать хлеб. Что там дальше будет, неизвестно, а с набитым желудком и беда не беда.

«Рано или поздно им надоест тут торчать, вернутся в поселок, — думал он. — Соберут

людей побольше, снова попрутся на ранчо. Ну, не найдут того бедолагу у Коннорсов. Что подумают? Что сами же и спугнули. И тогда — ищи ветра в поле. А со мной что сделают? Да ничего. Не убьют же. А все прочее — перетерпим».

Лука Петрович был родом из Архангельской губернии. Оставшись сиротой на двенадцатом году жизни, он, как и многие его сверстники, нанялся юнгою на английский купеческий корабль. Десять лет носили его волны разных морей, десять лет получал он тумачи от шкиперов разных наций и выслушивал брань на разных языках. Когда же опостылел ему матросский кубрик, перешел Лука Петрович к биржевым артельщикам.

Поскольку он уже был известен как человек испытанной честности, трезвый, деятельный и смывленный, взяли его с хорошим жалованием в контору одного из богатейших иностранных купцов Архангельска. Три года походил Лука Петрович по морям — океанам, забирался к Гебридским островам, а оттуда переваливал в Бразилию, в золотое царство, бывал и на Камчатке, а от Камчатки на Ситку¹⁰ рукой подать...

В шестьдесят четвертом году ступил он на палубу новенького парохода небывалого вида: с низким бортом светло-серого цвета, с невысокими мачтами без рей, с тремя короткими наклонными трубами. Звался пароход «Фламинго», осадку имел малую, а машину топили особым углем, который давал мало дыма.

Более половины внутреннего пространства занимали трюмы, набитые грузом. И груз тот — винтовки, порох и китайские шелка — направлялся в Америку, где шла война между северными и южными штатами. Северяне обложили южан морской блокадой. А английские пароходы пробивались сквозь ту блокаду, поставляя оружие и вывозя хлопок.

Прорвался и «Фламинго», подошел к порту Саванны — да только опоздал. В порту уже хозяйничали северяне, и с контрабандистами они поступили по суровым законам военного времени.

Вся команда была посажена в плавучую тюрьму. Обычно спустя какое — то время к арестованным морякам начинали подкатывать вербовщики, зазывая на суда военного и торгового флота. Англичан, состоявших в экипаже «Фламинго», забрали из тюрьмы довольно быстро. А два десятка поморов сговорились не разбиваться, и записываться на любое судно, но артелью.

Таких предложений им никто не сделал, а потом вербовщики словно забыли о них. Кормить почти не кормили, воду привозили тухлую, и стало ясно, что северяне решили уморить привередливых бородачей.

На счастье, как-то ночью налетел шторм. Блокив¹¹ где содержали пленных, сорвало с якорей и унесло в море, а потом выбросило на берег. Русским повезло, никто из них не утонул. Еще больше повезло им наутро, когда они вышли к плантациям. Хозяйка поместья, овдовевшая аристократка, сделала все, чтобы помочь тем, кто помогал ее родине. Она потеряла на войне мужа, сыновей, и даже юных племянников. И таких вдов по округе было немало. Надо ли говорить, как бережно отнеслись они к изможденным мужикам?

Когда в покоренной Джорджии янки принялись наводить свои, северные порядки, плантации были нарезаны на клочки, и эти наделы раздавались всем желающим.

Так архангельские моряки стали американскими фермерами. Записывались, переименовывая свои имена на местный лад. Волков стал Уолком. Ванька Акимов превратился в Джона Экмана. Уж на что заковыристой казалась фамилия у Тимошки Евдокимова, и с той справились — назвали Эвереттом, в честь бывшего хозяина плантаций. Один только Лянский ничего менять не стал. Больно гордился, что род его идет от самого барона Лифляндского...

«Вот и Федька весь в отца, баронский выблядок», — подумал Лука Петрович и

¹⁰ Ситка — порт в русской Аляске

¹¹ блокив — старое судно без оснастки, стоящее в гавани и служащее складом, казармой, тюрьмой.

принялся корить себя за худое слово, хотя и не вслух сказанное...

— Да вот же он! — заорал вдруг Лянский. — Вон! Едет! Точно говорю, тот самый фургон!

Все разом вскочили на коней и погнали их по кособогу, наперерез фургону, который выкатился из-за холмов.

Лука Петрович помчался вслед за ними, привстав на стременах, чтобы смотреть поверх всадников.

Да, Федька не ошибся: то был тот самый фургон, на котором Полли отправилась к Темному Быку. А рядом скакал техасец, Крис. Вот он остановился и выдернул винтовку из-за седла...

«Царствие вам небесное», — подумал Лука Петрович, придерживая жеребца. Он не сомневался, что через несколько минут ему придется хоронить троих, а то и четверых.

Техасец спрыгнул на землю и стал на одно колено. Ковбои принялись палить из револьверов, впустую расходуя патроны — до фургона было еще слишком далеко.

Винчестер техасца защелкал часто и размеренно, как машина. Лука Петрович снял шляпу и перекрестился, закрыв глаза. Он открыл их, когда стрельба прекратилась.

К его удивлению, все ковбои, и Федька с ними, были еще живы. Они скакали обратно, и вихрем пронеслись мимо. Лука Петрович повернул за ними, успев заметить, что фургон скрылся за воротами ранчо.

— Вот сволочь! — задыхаясь, проговорил старший. — Все пули прошли впритирку!

— Он чуть скальп с меня не снял! — крикнул другой.

— Что за винтовка у него?

— Новый винчестер. Бездымный порох. Нам бы такие, мы бы тут всех прижали, — сказал старший. — Парни, договоримся сразу — этот винчестер достанется мне. Коня, седло и шмотки поделите между собой, но винчестер и патроны — мои. Всем ясно?

Никто не ответил ему, а Лука Петрович скрыл усмешку — с дележкой они явно поторопились.

— Фредди, гони за Мутноглазым, — приказал старший Лянскому. — Пусть ведет сюда всю ораву.

— Я живо! — обрадовался Федька. — Заодно и старика сдам в участок. Пускай отдохнет за решеткой!

— Э, нет, — сказал старший. — Дед нам еще пригодится. Вяжите его.

Лука Петрович покорно протянул руки, когда его принялись связывать, и порадовался тому, что успел поесть.

* * *

Отогнав шайку, Кирилл не торопился скрыться за воротами ранчо. Он еще постоял на одном колене, держа под прицелом горку камней на гребне холма. По его расчетам, там обязательно должна была появиться чья-нибудь любопытная голова. Сам бы он непременно так и сделал — скрылся за холмом и тут же полез бы наверх.

— Особого приглашения дожидаться? — послышался сзади насмешливый голос Остермана.

Кирилл не удивился, что Илья уже здесь. На то он и Илья, чтобы всегда быть там, где он позарез нужен. Кирилл обрадовался другу, но сейчас ему не до сантиментов.

— От тебя дождешься, — ответил он, пятясь и прикрываясь конем. Ему не верилось, что все закончилось так просто.

— Давай-давай, тебя прикрывают.

Зайдя за ворота, Кирилл увидел, что на лесенке, приставленной к саманному забору, сидел ковбой со старым «шарпсом». А Остерман стоял у фургона, поглаживая взмокших лошадей, и разглядывал Полли.

— Ты не хочешь меня представить своей спутнице?

Кирилл вручил Илье повод своего мерина и подал руку девушке, помогая ей сойти на землю.

— Знакомься, Полли. Это мой друг, Уильям Смит из Аризоны, отец пятерых детей.

— Троих!

— Странно, — сказал Кирилл. — Троих я насчитал, когда мы виделись в прошлый раз. Неужели за это время...

— Заткнись. Полли, не верьте ничему, что этот тип будет говорить обо мне. Пожалуйста в дом.

Илья поднялся на крыльцо и приоткрыл дверь. За ней оказался штабель мешков, и гостям пришлось протискиваться между ними и стеной.

— Прошу прощения за некоторые неудобства, — говорил Илья, ведя их по веранде, окна которой тоже были заложены мешками. — Но мы тут готовимся к визиту незваных гостей.

— Ты про тех, кто кинулся за нами?

— Возможно. Они уже с час бродили вокруг. Ты никого не прикончил?

— Надеюсь, что нет. А где Мойра?

— Я отправил ее в город. Детей тоже. Так спокойнее. Но что теперь делать с вами, милая Полли?

Она посмотрела на Кирилла.

— Не обижайся на моего друга, — попросил он. — Он иногда говорит, не подумав. «Что делать с вами?» — А что еще делают с гостями? Их кормят, поят, укладывают спать. Комната Мойры свободна, как я понимаю?

Остерман развел руками:

— Я простой скотовод, грубый и неотесанный! Прошу за мной.

Он увел девушку, и Кирилл вернулся к фургону. Раненый лежал на боку, впившись зубами в веревки на руках.

— Не надейся, не перекусишь, — сказал ему Кирилл.

— Я перегрызу тебе горло, — пообещал Рябой. — Вот увидишь, скоро тут появятся наши ребята, и тогда тебе придется несладко. Они меня найдут, даже если ты увезешь меня в Австралию.

— В Австралии и без тебя хватает подонков.

Откинув задний борт кузова, Кирилл вытянул раненого на землю. Тот брыкался, пытался укусить, и было удивительно, сколько злобной силы таилось в его костлявом, легком теле.

Подошел Илья и встал рядом с ним над пленником.

— Напрасно ты привез сюда столько народу.

— Так уж получилось. Сам-то давно здесь?

— Дня три, — неуверенно ответил Остерман. — Или четыре. Или два. Ты мне такие сложные вопросы не задавай. Я башкой треснулся. Мойра меня чуток подлечила. Но мухи перед глазами еще мелькают.

— Энди здесь?

— Нет.

— Значит, скоро приедет, — сказал Кирилл. — Он в поселке остался.

— Ну, с ним-то мы отобьемся.

— От кого?

— Как обычно. От соседей. Я сказал им, что ранчо Эда теперь мое. Думаю, что сегодня-завтра наведаются. Ночью будут стрелять по окнам. Подождут конюшню.

Если кто-нибудь из нас поедет в город, обстреляют из засады. В общем, будут выкуривать отсюда. Обычная история. Знаешь, сколько у меня было таких разборок в Мексике? Целый год мы воевали с Митчеллом из-за десяти акров на самой границе! А что, с генералом Фуэнтесом легче было? В нашем крестьянском деле самое главное — упереться и не отступать...

Кирилл усмехнулся — неотесанный скотовод Остерман оседлал любимого конька. Илюха мог часами рассказывать о своих битвах с конкурентами.

Да, чтобы сохранить за собой ранчо, придется упереться и не отступать. Потому что земля принадлежит тому, кто на ней стоит. Даже если бумаги свидетельствуют о другом.

Бумаги — всего лишь бумаги. А войны из-за земли для того и затеваются, чтобы прогнать с нее слабого и отдать сильному. Кто устоит, тот и сильнее. А раз сильнее — ему и быть хозяином. Таковы были законы затерянного мира. Все юридические установления только придавали сим законам цивилизованный вид.

— Сколько у нас стволов?

— С тобой — шесть.

— А на другой стороне?

— Об этом лучше не задумываться.

— А сколько у нас времени?

— Три дня, — подумав, ответил Илья. — Или четыре. У меня же с цифрами беда, лучше не спрашивай. В общем, рано или поздно из Аризоны придет подкрепление.

— Полный вагон твоих *вакерос*?¹²

— Нет. Мои юристы. И несколько специалистов по земельным вопросам. Они будут разбираться с властями как представители нового владельца. А мы с тобой немедленно отсюда исчезнем. Потому что всплыли наши старые дела. Тут крутится федеральный маршал с нашими фотографиями.

— Я никогда не снимался, — сказал Кирилл.

— Да? А в Нью-Йорке, перед судом?

— Так то было десять лет назад!

— Да хоть сто! Кира, не будем искушать судьбу. Отсидимся тут, на ранчо. И при первой возможности уносим ноги.

«При первой возможности? Тогда надо уходить прямо сейчас», — хотел сказать Кирилл.

Да, если уходить, то немедленно. Скоро ранчо обложат со всех сторон. Хорошо, если те, кого вызвал Остерман, смогут сюда пробиться. А если нет? Вдруг федеральный маршал соберет большой отряд и просто возьмет ранчо штурмом? Стоит ли церемониться с теми, кто объявлен вне закона?

Да, уходить надо прямо сейчас...

— Нам придется подождать Энди.

— Я же говорю — уйдем при первой возможности. У нас нет такой возможности, пока Энди не вернулся.

Кирилл поглядел на раненого, валявшегося у них под ногами.

— Ему будет приятно побеседовать с этим ублюдком.

— Кто таков?

— Потом расскажу. А сейчас покажи мне мое место.

— Думаю, тебе понравится стрелять с крыши.

Они приставили лестницу и забрались на чердак. Осмотрев позицию, Кирилл остался доволен. По углам, возле отверстий в разворошенной кровле, стояли заряженные «спрингфилды» — старое, но надежное оружие.

— Как с патронами?

— Откопали старые запасы. Не знаю, как они сохранились.

— Воду приготовили? Чтобы не бегать к колодцу под огнем.

— Вот же зануда, — возмутился Остерман. — Хорошо, что ты так поздно появился. Приготовили. Ты лучше скажи, что за девочка с тобой?

— Хорошая девочка, — сурово ответил Кирилл.

¹² Вакерос (исп.) — мексиканские пастухи, ковбои

— И чем же она хороша? Погоди, одно ее достоинство я сейчас угадаю. Она — немая. Точно?

— Она просто не говорит с кем попало.

— В таком случае, я не понимаю — как же ты с ней познакомился?

— Отстань. Ты часы расписал, кому когда вахту стоять?

— Ой, зануда! — Илья хлопнул в ладоши. — Нет, ты мне ответь, что за человек твоя Полли. Не будет истерики устраивать, если во двор пуля залетит?

— Под пулями она держится лучше многих мужчин.

— Готовить нам будет?

— Да будет, будет... — Кирилл заулыбался. — Знаешь, что, Илюха? Она ведь — русская. Представляешь?

— Подумаешь, удивил! — Остерман пожал плечами. — Да тут полно русских.

— Полно, не полно, а ее я собираюсь увезти с собой, — сказал Кирилл.

— Так у тебя — свадебное путешествие?

— Пока еще — нет. Все не так просто. — Кирилл присел к «спрингфилду», просунул ствол в бойницу и прицелился. — Да, отличная позиция. Эд знал, где поставить дом. Не дом, а маленькая крепость.

— Ты мне зубы не заговаривай, — сказал Илья. — Собрался жениться? В одиночку такое дело не осилить. У нее есть родители?

— Вот то-то и оно...

— Ага! Боишься к ним подступиться? — Илья с отеческой улыбкой похлопал его по плечу. — Эх, что б ты без меня делал? Ладно, уговорил. Как только покончим с этим делом, я тебя сосватаю.

23

Десять лет назад, сватаясь к дочери Лукаса, Ахо совершил серьезный проступок: он скрыл, что принадлежит к воинскому клану, *ка-итсенко*.

Воины не имели права обзаводиться семьей. Их жизнь, недолгая, но славная, принадлежала племени. Ка-итсенко постоянно носили на себе ритуальную перевязь и священную стрелу. Когда начинался бой, они прикалывали конец перевязи стрелой к земле, и на этом месте стояли насмерть.

Когда-то кайова в союзе с команчами царили по всему югу Великих равнин. Но война никогда не была главным делом их жизни. Стычки и набеги всегда заканчивались примирением с соседями. Поэтому индейцы не могли понять — почему американская кавалерия не хочет мириться? Почему продолжается ее неумолимое наступление? Не хотят же, белые, в самом деле, просто истребить всех кочевников?

Оказалось — хотят.

Кайова и команчи были загнаны в каньон Пало-Дуро, и кавалерия США принялась методично уничтожать их лошадей. Тысяча мустангов была расстреляна за день.

Потеряв коней, индейцы сдались и пошли в неволю.

И тогда Ахо зарыл священную стрелу, бросил в реку винчестер и ушел в Мертвую долину.

Прирожденный охотник, он научился возделывать землю и ухаживать за скотом — за *чужим* скотом. Гордый и одинокий воин превратился в мирного крестьянина. Он крестился вместе с другими индейцами, потому что Лукас не мог выдать дочь за некрещеного. Он построил настоящий дом, который нельзя было разобрать и увезти на новую стоянку, но в котором зимой было тепло, а в дожди — сухо. Он жил, как белый человек. У его детей были имена, как у белых людей.

И когда на дороге между карьером и поселком его остановили незнакомые ковбои, он не подумал ничего дурного. Их фургон стоял на обочине, на треноге висел над костром котелок — мирная картина не внушала тревоги. Иногда такие заставы появлялись на всех

дорогах. «Наверно, что-то случилось», — подумал Ахо.

Незнакомцы заставили его с инженером спешиться и отдать оружие. Их требование Ахо выполнил спокойно, как цивилизованный человек. Ему не понравилось, что его винчестер пошел по рукам и после тщательного осмотра скрылся в фургоне. Дробовик инженера, из которого тот так ни разу и не выстрелил, не привлек внимания незнакомцев. «Как бы не увели, — подумал он о винчестере, как о любимой лошади. — Потом не докажешь...»

Инженер вдруг вышел из оцепенения и принялся кричать. Ахо осуждающе глянул на него, но не попытался урезонить. А зря. Возможно, если бы инженер не разошелся, все и обошлось. Но ковбои дали инженеру по зубам, чтобы он замолчал, а когда Ахо вступился, набросились и на него.

Что ж, он и тут повел себя, как фермер, а не как воин — уклонялся, хватал противников за руки, но сам не нанес ни одного удара. «Придет шериф, он разберется, — думал Ахо. — Наверно, их кто-то очень сильно разозлил или напугал, вот они и дерутся, чтобы страх заглушить...»

Да, он сделал все, что мог, чтобы оставаться мирным, безобидным фермером. Но священная стрела, зарытая в каньоне Пало-Дуро, наверно, еще не истлела. И она напомнила о себе, когда Ахо, избитый и связанный по рукам и ногам, валялся в канаве.

«Они хотят меня убить, — понял он. — Тот, кто приезжал сюда на закате, смотрел на меня, как на баранью тушу. Они хотят меня убить, хотят оставить сиротами моих детей. А сиротам все равно, кем был их покойный отец — мирным фермером или воином. Пора уходить».

Те, кто схватил его, до поздней ночи спорили между собой, пытаясь разделить часы ночного дежурства. Наконец, они кинули жребий, и двое, ехидно посмеиваясь, отправились спать в фургон. А третий остался у костра. Назло товарищам, он принялся пикиать на губной гармонике, и в ответ на ее завывания из фургона неслись проклятья и угрозы.

Ахо выбрался из канавы, извиваясь, как червяк в клюве птицы. Обвитый веревками, он перекатывался все дальше и дальше в ночную степь, пока не свалился в глубокую лужу. Здесь, суча ногами, он смог стянуть петли вместе с мокасинами с мокрых и скользких лодыжек.

Теперь оставалось дожидаться, когда часовой заснет. Тогда можно будет встать и найти подходящий камень, чтобы перетереть веревки на руках. Потом он вернется за лошадьми и оружием.

Если повезет, они с инженером уйдут без шума. Нет — придется убить всех троих — что ж, ему приходилось убивать и больше....

Он лежал в луже и ждал.

Гармоника замолчала. Отсветы костра становились все слабее, и Ахо понял, что часовой не следит за огнем.

Он решил выждать еще немного. Первый приступ сонливости обычно короток. Сейчас часовой встрепенется, подбросит веток в костер, закурит или поставит чайник на камни — и только потом снова закроет глаза, на этот раз уже надолго...

Чья-то тень бесшумно скользнула на фоне звездного неба. Ахо затаил дыхание. Кто-то крался к костру.

Приподняв голову над травой, Ахо видел сгорбленную спину ковбоя, сидевшего у костра, обняв колени.

Вдруг из темноты вынырнул человек с черным платком на лице. Он налетел на часового и повалил на землю, зажимая рот. Сверкнул нож, и часовой захрипел. Воздух, вырываясь из перерезанного горла, клокотал, смешиваясь с кровью.

Убийца наклонился над трупом, продолжая орудовать ножом. Когда он распрямился, в его руке свисал скальп, похожий на окровавленную тряпку.

«Он не найдет меня, — подумал Ахо. — Я не оставил следов. Он не учует моего запаха, потому что я весь в грязи. И он не услышит моего дыхания, потому что я не буду дышать,

когда он повернется в мою сторону. Я его вижу, потому что он у костра. А он меня не видит. Он меня не найдет. Помогите мне, Великий Дух и Дева Мария...»

Черный силуэт, гибкий, как кошка, бесшумно скользнул к фургону. До Ахо донесся только легкий шорох брезентового полога. И спустя бесконечно долгую минуту кто-то жалобно вскрикнул.

Ахо еще раз окунул лицо в грязь, а потом повозил щеками и лбом по земле, чтобы стать невидимым в темноте. Ему хотелось зарыться в луже, как зарываются ящерицы в песок. Но он продолжал следить за тем, что творилось возле фургона.

Вот черный силуэт показался снова. Убийца нес на плече безвольно согнувшееся тело. Он перекинул его через седло коня, а потом вернулся к костру. Огляделся. Направился к канаве, на ходу вытирая нож.

Над канавой он остановился и выругался. Присел, ощупывая землю. Затем встал на четвереньки, как собака, и медленно двинулся сначала в одну сторону, потом в другую.

«Ощупывает землю пальцами, — понял Ахо. — Ищет след мокасин. Он не найдет меня».

Убийца снова выругался. Он сунул длинную ветку в огонь и, когда она разгорелась, поднял над головой, оглядываясь.

«Если он подойдет к луже, я встану, — решил Ахо. — Нельзя умирать в грязи. Надеюсь, у него достанет сил убить меня одним ударом. Если, конечно, я не убью его раньше...»

Но ветка отлетела в сторону, и убийца вернулся к лошадям. Послышалась возня, злобно всхрапнул мустанг, и убийца зашипел, ругаясь.

«Нет, мой Воробей тебя близко не подпустит, — усмехнулся Ахо. — Придется тебе выбрать клячу помирнее».

Угасающий перестук копыт растаял в ночной тишине.

Ахо выбрался из лужи, посмотрел на звезды и поблагодарил Великого Духа и Деву Марию за то, что помогли в трудную минуту. Поблагодарил он и лужу, что дала укрытие. И нашел в себе силы поблагодарить неведомого убийцу, подарившего ему жизнь.

* * *

Почему-то Скотт Форсайт ничуть не удивился, когда узнал о резне на посту.

— Ты был там? — только и спросил он у Мутноглазого.

— Нет. Их обнаружили шахтеры, когда шли в карьер.

— Отлично, — сказал Форсайт.

«Нет, он все-таки псих», — подумал Лагранж.

— Жалко парней. Но они сами виноваты. Я же предупреждал их — с краснокожего глаз не спускать! А они ...

— Ты нашел амулеты?

Лагранж сник.

— Босс, я уже ехал на индейское кладбище, когда мне сказали про ...

— Значит, не доехал? Ты меня огорчаешь. И труп индейца, как я понимаю, у тебя тоже не заготовлен? Я ужасно расстроен, ужасно. Ну, а что с Рябым?

— Его нашли. Он на ранчо Коннорса. Клейтон зажал его там. И просит прислать людей.

Форсайт откинулся на спинку кресла и недоверчиво поглядел на Лагранжа:

— Что-что? Рябой прячется на ранчо Коннорса? И Боб Клейтон не может его взять?

— Лански говорит, что люди Коннорса отстреливаются. Никого не подпускают.

— Отлично. Отстреливаются? Они стреляют в помощников шерифа? Превосходно. Собери всех, кого можешь. Возьмите побольше патронов и воды. Передай Клейтону, что к завтрашнему утру на ранчо не должно остаться живых.

Лагранж надел шляпу и попятился к двери.

— Стой! — Босс раздраженно махнул рукой, подзывая его к себе. — Перстень.

Мутноглазый достал подаренный перстень из кармана, порадовавшись тому, что не успел его надеть. Впрочем, он был ему великоват.

— Отдашь Клейтону, — приказал Форсайт. — Скажешь, что это только задаток. Остальное он получит, когда я поессу на могилу Мойры Коннорс и ее дружков.

Мутноглазый вышел из конторы и остановился на крыльце. Улица была запружена шахтерами, и все они смотрели на него.

«Я пока еще шериф», — вспомнил Лагранж и крикнул:

— Почему не на работе?

— Нас всегда отпускают на похороны, — ответили из толпы.

— Какие еще похороны? — Он не сразу понял, что они говорили об охранниках. Но тут же выкрутился: — Вас это не касается! Погибшие не были шахтерами.

— Они такие же оклахомцы, как мы. И как ты, шериф.

Толпа расступилась, и к крыльцу вышел пожилой горняк, держа в руках старый картуз, наполненный монетами.

— Да, шериф, они были такими же, как мы. Вот, мы собрали немного.... Деньги семьям погибших. Таков порядок. Тебе простительно не знать, ты человек новый. Но мы свои порядки не нарушаем.

И тут Джон Лагранж вдруг полез в карман, достал серебряный доллар и бросил его в картуз, поверх шахтерской мелочи.

— Ладно, — сказал он, разозлившись на себя. — Порядок есть порядок. Но чтобы завтра...

Он погрозил кулаком неизвестно кому и шагнул с крыльца. Толпа, воняющая потом и кислой угольной пылью, расступалась перед ним.

Вернувшись в поселок, Лагранж застал почти всех своих парней возле участка. Трупы, укрытые брезентом, лежали в тени под забором.

— Когда будут готовы гробы? — спросил он.

Ему никто не ответил.

— Черт возьми! Среди вас есть пара мужиков, умеющих обращаться с пилой и рубанком? Идите к гробовщику, да помогите ему, чтобы дело двигалось быстрее.

Ковбои переглянулись, и один из них сказал:

— Джон, это не наше дело. Лучше бы ты послал нас по следу. Те двое не улетели по воздуху. Мы найдем их. Из-под земли достанем. А гробы пускай делает тот, кому за это платят. Верно, парни?

— Ладно. Собирайтесь, — сказал Мутноглазый. — Возьмите побольше патронов и воды. Раздобудьте керосин, он тоже понадобится. Вас ждет работа, за которую вам платят.

Из участка вышел Лански со стопкой грязных тарелок и направился к салуну.

— Что-то судья Бенсон расщедрился, — сказал он, проходя мимо Лагранжа. — Кормит наших арестантов, как на убой. Ничего, в Форте Смит они узнают, что такое тюремная баланда.

— Собирайся, поедешь со мной.

— Опять? — Лански скорчил недовольную гримасу. — Джон, я замучился носиться туда-сюда. А кто будет охранять арестованных?

— Чокто присмотрит за ними.

— Да его нет! Его нигде нет! Ты его не знаешь! Это такая тварь, он вечно прячется, когда нужен! — Лански хотел еще что-то сказать, но сник под взглядом Лагранжа. — Хорошо-хорошо, я поеду, но ты не давай поблажек чертовому метису. А то он тебе на шею сядет. Он такой, ты еще не знаешь, какой он...

Мутноглазый и сам знал, что за тварь этот Дженкинс. Бывают такие псы, что признают только хозяина, а хозяйских детей могут при случае загрызть насмерть. Чокто был именно такой породы. Он крутился возле Скотта Форсайта еще тогда, когда Лагранж наслаждался мирной жизнью в Техасе. Никто из людей Форсайта не мог приказывать Дженкинсу. Даже

сам Боб Клейтон старался не поворачиваться спиной к метису.

Чокто служил помощником шерифа Мерфи, потому что это было нужно Форсайту. Теперь он стал помощником шерифа Лагранжа, по той же причине. Но шериф Лагранж был умнее, чем Мерфи, и не собирался дразнить хозяйского пса.

— Дженкинс сам знает, что делать, — сказал он. — А ты... Ты нагрузи на свою лошадь ящик патронов из шерифского сейфа.

— Зачем так много?

— Много? Боюсь, что и ящика не хватит, — сказал Мутноглазый, весело улыбаясь.

* * *

Когда Боб Клейтон увидел ящик патронов, он помрачнел, а Мутноглазый заулыбался еще веселее.

— Будет потеха, Бобби! Наш босс знает, чем тебя порадовать.

Они отошли в сторону и уселись на камни.

— Не думал, что ты приедешь, — сказал Клейтон. — Я бы и сам справился.

— Вот сам и справишься. Босс поручил это тебе.

— Что поручил?

Лагранж бросил ему перстень Форсайта.

— Это задаток. Остальное получишь, когда от ранчо Коннорса останется ровное место.

Клейтон надел перстень, посмотрел, как играют блики на крупном камне, и сказал:

— Когда маршал поведет меня на виселицу, я брошу эту игрушку в толпу.

— Маршал далеко, — сказал Лагранж. — И мы не нарушаем закон. Люди Мойры Коннорс похитили нашего ковбоя и стреляют по помощникам шерифа. Если ты будешь действовать быстро и решительно...

— Судья не поверит, что Мойра стреляла в твоих помощников.

— Судья поверит Форсайту.

Клейтон поглядел на ковбоев.

— Ты привел не всех.

— Двое остались в участке. И еще троих убили ночью. Зарезали на посту. Следы убийц привели нас сюда. — Лагранж рассмеялся, увидев, как вытянулась физиономия Клейтона. — По крайней мере, так мы скажем маршалу. Если он рискнет сунуть нос в наши дела.

Клейтон встал и зашагал вверх по склону. Наверху он лег за грудой камней и поманил Мутноглазого:

— Давай сюда. Только не высовывайся. Там собрались хорошие стрелки.

Лагранж нехотя залег рядом, опираясь на локти.

— В каждой конюшне — несколько человек, — сказал Клейтон. — В усадьбе приготовились к бою. Все окна заложены мешками. На крыше блестело стекло. Наверно, там наблюдатель с биноклем. Лошадей держат в загоне за домами, отсюда не видно. А теперь скажи мне, как я могу туда войти?

— По тропам, — спокойно ответил Лагранж.

24

Когда стемнело, все собрались в доме. Оставлять стрелков на крышах конюшен не было смысла. Ночью лучше держаться вместе.

Полли приготовила обильный ужин, накрыла на стол, а сама осталась в кухне, глядя в темноту за открытым окном.

— Не хочешь посидеть с нами? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Но можно я с тобой посижу?

Она пожала плечами, и он подвинул табурет к столу.

— Наверно, фотограф заблудился, — сказал он первое, что пришло в голову, чтобы начать разговор. — Может быть, утром появится.

— Да не фотограф он вовсе, — ответила она.

— Почему так решила?

— Вот ты кто — моряк?

— Ну, можно сказать, что моряк.

— Стал бы ты рассказывать про паруса, трюмы, что там еще? Про выгодный фрахт, про страховку, про таможи, про контрабанду? Про все то, что для тебя — самое обычное дело?

— Постой, постой, откуда ты знаешь о страховке и контрабанде?

— Читала. И мистер Грубер, хотя я думаю, что его зовут иначе, тоже много читал о фотографии. Для него все это внове, вот он и спешит поделиться с другими.

Я знаю настоящего фотографа, в поселке. Между прочим, он-то еще на войне с камерой был. О чем только мы с ним не говорили, но о работе — никогда.

Кирилл не знал, что и сказать. Полли улыбнулась:

— Теперь понимаешь, почему меня все боятся?

— Я не боюсь. Видишь, сижу рядом.

— Посмотрим, надолго ли тебя хватит. — Она снова отвернулась к окну.

— А что, если Грубер — беглый преступник? — предположил он.

— Вроде тебя? — отозвалась она. — Вряд ли. Больше похож на сыщика. Да какая разница? Человек он хороший. Жаль, что не с нами.

«Да, жаль, — подумал Кирилл, вспомнив, как метко стрелял Грубер по убегающим шайенам. — Лишний стрелок нам бы не помешал».

— Как приятно слышать русскую речь, — сказал он. — Раньше я только с Илюхой и мог поговорить. А видимся мы с ним — раз в год, если повезет.

— Папаша так поставил. В доме — только по-русски. Я американские-то слова первые услышала, когда уже большая была.

Мамаша у нас местная. Так он ее научил, и с нами она только по-русски говорила. А зачем? Возвращаться не собирались, у нас в России ничего не осталось. Ничего и никого. Папаша так и говорит — наша Россия у нас во дворе.

— Ну, а замуж за русского почему он тебя не выдал? — осторожно спросил Кирилл. — У вас же тут друзья, соседи, родня...

— А то самому не догадаться! Кому нужна каторжанка?

— Каторжанину, — сказал он.

И оба засмеялись.

— Ой, смешной ты. А жить где, на каторге?

— Ну, отчего же непременно на каторге... — Он набрался смелости и сказал: — У меня дом большой. Светлый. Из всех окон море видно.

— Море? — Она вздохнула. — Я и забыла, какое оно, море-то...

— Вот и вспомнишь.

Полли долго смотрела в окно, подперев щеку кулаком.

— Ну, что скажешь? — спросил он. — Ты согласна? Выйдешь за меня?

— Я бы вышла, — проговорила она, продолжая глядеть в окно. — Да только не успею. Бежать тебе надо. Бежать отсюда, и никогда не возвращаться. Вот если б раньше...

— Мы уедем вместе.

— Нет. Вместе не пробиться. По одному еще как-нибудь, а так... Нет, Крис, ничего не получится.

— Я — Кирилл. А ты — Полина?

— Да.

— А папаша твой — Лука Петрович?

— Как ты догадался?

— Он сына назвал в честь своего отца, так?

Она засмеялась:

— Как осторожно ты спрашиваешь, будто на цыпочках крадешься... Боишься папашу-то? Его все боятся. Даже я. Надо было тебе с ним поговорить, если надумал свататься.

— Поговорю, — пообещал Кирилл. — Сделаю все честь по чести. Если ты согласна.

— Да согласна я, — просто сказала она. — Если нас до свадьбы не поубивают всех.

И вдруг привстала, повернувшись к окну.

— Керосин.

— Что?

— Керосином пахнет. Разлился где-то недалеко.

Полли легонько толкнула его в грудь:

— Что стоишь? Поджигают нас, а ты стоишь. — Она загасила свечу. — Поднимай ребят.

Кирилл вернулся в гостиную, и все повернулись к нему, пряча ухмылки.

— Наворковались, голубки? — спросил Остерман.

Кирилл снял винчестер со стены и задул свечи.

— У нас гости. Пойду проверю.

— По местам, — тихо сказал Илья, и все вышли из комнаты, бесшумно и быстро.

* * *

Стоя на лесенке, приставленной к забору, он жадно втягивал пряный ночной воздух, но не замечал в нем ничего, кроме обычных степных запахов. Конюшни на соседних холмах вырисовывались черными треугольниками на лиловом звездном небе. Нигде — ни лишнего шороха, ни треска, ни удара. Тишину наполняло лишь слаженное пение цикад. И вдруг он разглядел светлую полосу в темном силуэте конюшни.

— Так и знал, — шепнул Илья, стоявший рядом. — Самую дальнюю подожгли.

Через минуту неяркое робкое пламя выбилось из-под крыши и осветило холм. Кирилл увидел метнувшуюся тень и приложился к винчестеру.

— Не спеши! — Илья взял его за плечо. — Пусть разгорится, будет лучше видно.

Огонь, выгибаясь из-под кровли, лизал крышу, а из нее уже сочился дым; скоро все строение превратилось в гигантский костер.

Кирилл прикрыл глаза ладонью, глядя на освещенный склон, а не на пламя.

— Так ты не передумал жениться? — спросил Илья.

— Наоборот. Невеста уже согласна. Осталось уломать отца.

— Черт! Да сколько же их там! — сердито пробормотал Остерман, когда поджигатели кучками стали перебегать к соседней конюшне.

— Я насчитал двенадцать, — сказал Кирилл. — Хочешь, чтобы они подожгли и вторую?

— Жалко, — вздохнул Илья. — Но лучше, если все три сгорят дотла. Не будем мешать. Говоришь, отца уломать? Как его зовут?

— Какая разница? Ну, Лука Петрович.

— Не забыть бы. Когда поедем свататься, я вплету ленточки в гривы лошадей, и к хомутам бубенцы приделаю. Здесь такого не видали. Это будет шик, Кира!

Огонь пожара осветил степь. Встревоженные птицы мелькали в раскаленном воздухе, исчезая в клубах дыма.

Кирилл понимал, на что рассчитывал Остерман. Их силы были слишком незначительны. Удержать конюшни все равно не удалось бы, и противник, засев в них, получал отличную базу для долговременной осады. А в обгоревших развалинах не укроешься.

— Думаешь, они пришли только чтобы сжечь конюшни?

— Я думал, что им хватит одной, — ответил Илья. — Кажется, я просчитался. Может быть, они хотели, чтобы мы кинулись тушить пожар, и тогда они бы нас перебили. А теперь они думают, что на ранчо никого не осталось. Это плохо. Они могут и на дом полезть.

— Уже лезут...

Поджигатели, опьяненные успехом, неторопливо спускались по склону, и длинные тени змеились перед ними. Они скрылись в тени, когда оказались в ложбине между холмами, и Кирилл испугался, что они могут свернуть в сторону. Этот склон, голый и ровный, был изучен им еще днем, и через каждые пятьдесят шагов он вбил вешки, чтобы ночью не гадать, определяя дистанцию.

Будет крайне досадно, если противник перехитрит его и направится к дому по дороге. Дорога тоже была пристреляна заранее, но за нее отвечали другие...

Тени снова поползли по склону, потянулись вверх, и Кирилл успокоился.

— Их уже пятнадцать, — сказал Илья. — Нет, шестнадцать. Не понимаю, чего они хотят. Ну, постреляли. Ну, подожгли. Но штурмовать-то зачем? Знаешь, Кира, мы имеем дело с законченными крестинами.

— Или с клубом самоубийц.

— Как идут, как идут! — восхитился Остерман. — Какое высокомерное презрение к опасности! Нет бы — зигзагом припустить. Или перебежками. Идут, словно к себе домой.

— Ты был прав. Они уверены, что здесь никого не осталось.

— Да за кого они нас принимают?

Кирилл поймал на мушку того, кто шагал чуть позади остальных — у него на поясе раскачивалась и блестела стеклянная бутылка. Скорее всего, с керосином. Этот парень, видимо, собирался поджечь дом так же легко, как он справился с конюшнями.

После выстрела поджигатель всплеснул руками и повалился на спину. «Плохо, — подумал Кирилл. — Нам бы хоть одного живого».

Он стал остальным целиться в ноги. Винчестер Ильи грохотал рядом, и пустые гильзы звенели, ударяясь о саманный забор.

Поджигатели отступали, утаскивая раненых. Но два тела остались лежать в траве, как кучи мусора.

Когда нападавшие скрылись в темноте за догорающими конюшнями, Кирилл перепрыгнул через забор.

Он добежал до одного тела, переполз к соседнему. Оба были убиты наповал. Он снял с них патронташи и вернулся.

Но Илья уже шел ему навстречу:

— За неимением живых, нам послужат и мертвецы.

Они оттащили тела к забору.

— Если утром приедет маршал и захочет искать поджигателей, мы облегчим ему работу, — сказал Остерман. — А если не приедет, то покойники облегчат работу нам.

* * *

Наверно, все вокруг уже знали, что на ранчо Коннорсов творится что — то недоброе. В прежние времена ночной пожар поднимал бы с постелей даже самых дальних соседей. Три большие конюшни, сгорая, наверно осветили всю прерию до самого Техаса. Но ни ночью, ни утром к ранчо не приблизилась ни одна живая душа.

И только в полдень на склоне показались двое — седобородый старик и ковбой с белой тряпкой на стволе винчестера.

— Парламентеры? Не надо их подпускать слишком близко, — сказал Кирилл, перелезая через забор. — Поговорю с ними.

— Почему ты, а не я? — Илья пристроил «шарпс» в бойницу.

— Потому что ты хозяин. А я сойду за работника.

— Кира, вернись. Поговорим с ними через забор.

— Нельзя. Видишь старика? Это мой будущий тесть.

— Да ну! Кира, пригласи папаню в дом. Он пьет? Угостим его ирландским самогоном.

— Лучше прикажи оседлать пару коней, — сказал Кирилл и пошел навстречу

парламентерам.

Он остановился на середине склона, поджидая, пока они поднимутся.

— Меня зовут Боб Клейтон, меня тут все знают, — важно сказал ковбой. — А ты кто?

— А меня тут никто не знает, — ответил Кирилл. — Чего надо?

Боб Клейтон помолчал, разглядывая забор за спиной Кирилла.

— Белые люди так не поступают, — сказал он.

Кириллу тоже не по душе была эта затея — подвесить трупы к забору. Но, во-первых, еще меньше ему хотелось заносить их во двор. Во-вторых, скоро они начнут смердеть, и ветер понесет вонь в сторону осаждающих. И, наконец, таблички «Поджигатель» на груди у покойников без лишних слов объяснили бы все маршалу.

Но сейчас перед ним стоял не маршал.

— Ты пришел учить нас тому, как поступают белые люди?

— Нет. Вас поздно учить. Вам осталось жить несколько часов, — сказал Клейтон. — Но если отпустите нашего парня, мы подождем до утра. У вас будет ночь, чтобы смыться подальше. А утром мы сожжем ранчо. Отдайте нашего парня, и вы останетесь живыми.

— Отпустите дочку, — добавил старик. — И Мойру с детишками.

— Боб, стой, где стоишь, — приказал Кирилл. — А вы, мистер Уолк, пойдете со мной.

Клейтон шагнул вперед, преграждая путь старику:

— Что ты придумал? Хочешь прикрыться еще одним заложником?

— Спокойно, Боб, — улыбнулся Кирилл. — Мы с тобой оба знаем, как дела делаются. Сегодня мы в разных командах. А могли оказаться в одной. Я тебя понял. Твое предложение меня устраивает. Разбежимся в разные стороны.

Нам с тобой делить нечего. Эта земля — не моя, и не твоя, нам незачем портить друг другу настроение из-за чужих разборок.

— Мы где-то сталкивались? — Клейтон прищурился. — Тумбстон, восемьдесят девятый год? Додж-Сити, девяностый?

— Славные места, славные времена... — Кирилл открыл портсигар. — Угощайся, Боб. Покури тут, пока старик побеседует с дочкой. Может, он уговорит ее убраться отсюда. Сам знаешь, как мешают женщины, когда идет драка.

Клейтон взял сигару и опустил ее на траву. Закурил и прилег на бок, опираясь на локоть.

— Я жду, приятель. Отпусти нашего парня, и разойдемся. Мне приказано вас окружить. Но если ты отпустишь его, я оставлю коридор.

— Договорились.

Отойдя со стариком, Кирилл глянул на его запястья, где синели глубокие рубцы, и спросил:

— Они вас всю ночь держали связанным?

— Да.

— Чего хотели?

— Чтобы я привел их сюда.

— Думаете, они вас отпустят?

Старик не ответил. Войдя во двор, он огляделся. Ковырнул пальцем стенку забора и удовлетворенно хмыкнул:

— Крепкий саман. Не хуже обожженного кирпича. Коннорс был хороший хозяин. Окна чем заложили?

— Где мукой, где опилками.

— Не загорится дом?

— Скважина на заднем дворе. И бочки в доме стоят.

— Сколько вас тут?

— Шестеро.

Старик встал на лесенку у забора, поглядел в бойницу. Затем потолкал створки ворот, проверяя их прочность.

— Позови Мойру.
— Я думал, вы хотите увидеть дочь.
— Сначала скажу кое-что Мойре.
— Ее здесь нет. Она с детьми в городе.
— Это хорошо. Дочку я заберу. А вы собирайтесь, и на закате по одному разбегайтесь. В низинах туман поднимется, могут и не заметить. А заметят — из винчестера не достанут.
— Спасибо за совет, — сказал Кирилл. — Но вы уверены, что Клейтон вас отпустит? Тем более — с дочкой. Нет, вам нельзя возвращаться к банде.
— Они говорят, что это вы — банда. По мне — все вы одинаковы. Нет, не для того я уходил, чтобы вернуться. Уйдем с дочкой через овражек.
Я бы и Мойру вывел. Для того и шел. А к пастухам возвращаться не собираюсь.
— Много их?
— Двадцать шесть человек, — сказал старик. — Раненых много, но стрелять-то они могут.... Вам не дадут головы поднять, будут обстреливать весь день. Им приказано все тут порушить, я слышал. Ночью подберутся ближе. На рассвете накинута. Что будете делать?
— Похороним на огороде.
Старик усмехнулся, разгладив усы.
Над мешками, закрывавшими крыльцо, выглянул Остерман:
— И долго будем стоять на солнце? Заходите.
Они вошли в дом, и Полли поднесла кувшин и кружку. Старик отпил маленький глоток.
— Хорошая вода.
— У нас ее много, — сказал Остерман по-русски.
Брови старика дрогнули. Но он спокойно осушил кружку, вытер губы и только потом глянул на Илью. А затем перевел взгляд на Полли.
— Папаша, это Илья, — сказала она. — А это Кирилл. Они из России.
Старик недоверчиво оглядел обоих.
— Чего дома не сиделось?
— Мы не по своей воле, — сказал Кирилл.
— Я тоже, — буркнул старик. — Дочка, налей еще.
Полли поставила на стол деревянное блюдо с нарезанным окороком и зеленью. Старик разгладил усы, с сожалением поглядев на еду.
— Некогда мне пировать. Говори, техасец, зачем привел?
Кирилл толкнул Илью локтем в бок, и тот подсел к столу.
— Истинно так, Лука Петрович! Пировать мы с вами еще попируем, а пока надо с делами закончить. А дело у нас с вами непростое. Позвольте представиться — Илья Осипович Остерман, из Аризоны, а вообще-то мы с Кирой с Одессы, но об этом позже. У вас, как говорится, товар, у нас купец.... Понимаете, к чему веду? — Илья рассмеялся, скрывая смущение. — Самые трудные переговоры в моей практике.
Лука Петрович, сей молчаливый джентльмен — Кирилл Андреевич Белов, судовладелец из Техаса. В Галвестоне у него дом, каменный, старинной постройки. Шесть или семь комнат, огромная кухня, камин, и еще я все время заставляю его провести электричество, а он упирается. Говорит, что все равно в доме не живет, все время в море да в море, а мышам электричество без надобности. Но когда ваша дочь там поселится...
Старик посмотрел на Кирилла:
— Судовладелец? И многими судами владеешь?
— У меня шхуна.
— Каков доход с одной шхуны?
Это был не самый приятный вопрос, но Кирилл не стал ничего скрывать:
— Чистого дохода за прошлый год выручил три тысячи долларов.
— Негусто, — усмехнулся старик, разглаживая усы. Он взял с блюда самый маленький ломтик мяса, пожевал его и снова усмехнулся: — Полюшка у меня — любимица. В

голодный дом ее не отдам. К ней такие женихи подкатывали, что и по тридцать, и по триста тыщ загребали.

Полли прикрыла ладонью губы, растянувшиеся в улыбке, и отвернулась:

— Папаша, что вы такое говорите ...

Старик съел еще листик салата. Видно было, что он голоден, однако ел как бы из вежливости.

— А что же ты на ней не ходишь, на шхуне?

— Я хожу, — сказал Кирилл.

— Кем? Матросом? Или капитаном?

— Капитан у меня нанятый, человек опытный, с английского торгового флота, — доложил Кирилл, заметив в голосе старика неподдельный интерес. — Матросы со мной ходят тоже не первый год. Боцман — с военного фрегата, у него не забалуешь. Вот такая моя команда. А я хожу то помощником, то суперкарго,¹³ когда с товаром идем.

— И давно ходишь?

Кирилл ненадолго задумался. И все же рискнул слегка прирастить свой морской стаж.

— Уже лет пятнадцать, как мы с Ильей первый раз на пароходе от берега отошли. Был я и юнгой, и матросом.

Старик кивнул, вполне удовлетворенный ответом.

— Да уж, кто в море не бывал, до сыта богу не маливался.

— Эх, Лука Петрович! — Остерман с досадой хлопнул себя по коленке. — В другое время, да в другом месте мы с вами так славно поторговались бы! А сейчас — ни то, ни се. Но молодых выручать надо. Так какое будет ваше слово?

Старик откашлялся и разгладил бороду.

— Что же, Кирилл Андреевич, ты, я вижу, человек добрый, умелый, с головой на плечах. Авось, Полюшка с тобой не пропадет. Да только не с того ты конца начал. Ты бы с ней сначала сговорился бы. Ей жить, пусть сама и решает.

— Я уже решила, — отозвалась Полли.

Кирилл глянул на часы.

— Отлично. Есть еще несколько минут. Уходить будете с заднего двора, верхами. Овраг с холмов не просматривается. А если кто-то за вами кинется, мы его остановим. Идемте, ваши кони уже оседланы.

Старик поднялся и надел шляпу.

— Фургон мой переставь к забору. Чтоб не занялся, если дом загорится. Ну, сынки, долго вы тут будете стоять? Не надумали уходить?

— Что за вопрос? — удивился Илья. — Это наше ранчо. Мы тут живем. Зачем куда-то уходить? Нам и тут хорошо. А вы, Лука Петрович, время не теряйте. Бражку поставьте, свинку откормите, гостей созывайте. Сватовство у нас прошло кое-как, по-американски. Но свадьбу играть будем по-настоящему, по-русски.

25

Лежа за камнями на макушке холма, Джон Лагранж наблюдал за тем, как идут переговоры. А шли они так: Клейтон отдал заложника и разлегся на сухой траве, дымя сигарой.

Может быть, раньше Лагранжа возмутила бы подобная безалаберность. Но сейчас ему было на все плевать. Дело поручено Клейтону, ему и отвечать.

Пока же похвастаться было нечем. Ночью подожгли одну конюшню и залегли в соседней, чтобы перебить работников, которые кинутся тушить пожар. Но не дождались их. А тут еще кто-то разлил керосин, и вторая конюшня занялась сама собой. Хорошо, что сами

¹³ Суперкарго — ответственный за груз

не сгорели.

Со злости подожгли и третью, а потом трудно было удержать людей от похода на усадьбу. Шли туда, уже изрядно поддав, да и огромное пламя опьяняло сильнее, чем выпивка. Если бы раненые не орали так громко, на них бы и не оглянулись. Можно считать, что ночь закончилась удачно. Потеряли только двоих убитыми.

Лагранж подумал, что, если б он был на другой стороне, трупов оказалось бы гораздо больше. Что из себя представляла ночная атака ковбоев Клейтона? Цепь пьяных идиотов, медленно бредущих по хорошо освещенному склону навстречу смерти. Нет, имея под рукой пристрелянную винтовку, он бы никого не оставил в живых. Никого.

Форсайту сильно повезло, что Мутноглазый служил ему, а не Коннорсу. Лагранжу было все равно, кому служить, но такие парни, как Коннорс, всегда ему нравились настаивающие на своем, не уступающие никогда, даже если шансов у них — ноль.

Сам-то Коннорс и не знал, что у него нет шансов. Подстрелили его зимой, а приговорили гораздо раньше. Он был приговорен, когда Скотт Форсайт впервые увидел план Земельного Управления по отводу пастбищ в аренду.

Закон об аренде должны были принять только через год, и план был секретный, но у Форсайта всюду были свои люди. Вот он и поглядел краем глаза на карту Оклахомы, перекроенную на новый лад. И попросил Мутноглазого заняться Коннорсом...

Он думал, что все будет просто. Кто же знал, что Мойра не бросит хозяйство, а продаст его кому-то? И, наверно, ранчо было продано не первому встречному. Первый встречный не стал бы воевать так лихо.

С переговорами тоже вышла промашка. Старик вызвался уговорить защитников ранчо сдаться. Почему Клейтон ему поверил? Он же никому не верит, а тут вдруг согласился. Мутноглазый хотел возразить — и промолчал. Что же получилось? Старик исчез. А Клейтон лежит в траве и спокойно курит...

Сигара Боба Клейтона не догорела и до середины, когда из ворот ранчо вышел Рябой. На обеих руках белели свежие повязки. Он шел, растерянно оглядываясь. Заметив Клейтона, прибавил шаг, споткнулся, едва не упал, и затрусил под уклон, нелепо размахивая перевязанными руками.

Лагранж спустился вниз, к лошадям, и сел под навес из одеял — единственное укрытие от палящего солнца. Под редкими кустами, покрывавшими склон, отсыпались после бессонной ночи ковбои Клейтона.

Мутноглазый тоже всю ночь не смыкал глаз, но не чувствовал ни малейшей сонливости. Он был на взводе. В прежние годы он мог не спать и не есть сутками, пока не выполнит полученный заказ. Мог весь день пролежать в песке, дожидаясь одинокого всадника, чтобы снять его одним выстрелом, получить несколько сотен — и к утру спустить их за карточным столом....

Сейчас от него не требовалось никаких усилий. Все сделает Боб Клейтон. Или все испортит.

Клейтон подвел к нему Рябого.

— Половина дела сделана, — сказал Боб. — Осталось дожидаться рассвета. Подпалим дом с двух концов.

— Они держали меня в сарае! — лихорадочно блестя глазами, заговорил Рябой. — Там опилки! От пола до потолка, сплошные опилки! Хватит одной спички!

— погоди. До спичек еще далеко, — остановил его Клейтон. — Сколько у них людей?

— Ну.... Ну, много. Я никого не видел, они мне глаза завязали, когда допрашивали...

— Допрашивали? — Лагранж похлопал по траве рядом с собой. — Присядь. Что ты им рассказал?

— Ничего! Они все спрашивали, кто убил Коннорса, кто приказал, да зачем.... Но я ничего не сказал!

«Врет! — решил Мутноглазый. — Он им выложил все, что знал».

Клейтон потрогал повязку, и Рябой сморщился от боли.

— Что с руками?

— А ты будто не видишь! Еще трогаешь! Полруки оттяпали! А вторую насквозь прострелили! Если опять гангрена начнется, я сдохну! Боб, отвези меня к доктору поскорее!

— Да, медлить нельзя, — озабоченно сказал Лагранж. — Сейчас поедem. Боб, что я могу сказать боссу?

— Ничего не говори. Я сам доложу, когда закончу. — Клейтон сбил шляпу на затылок и вытер мокрый лоб. — И не подумай, что март. Припекает, как летом. А ночью зубы стучат от холода. Нет, пока ничего не говори боссу. Ты же сам видишь, если мы полезем, половины людей не досчитаемся. Я договорился. Ночью с ранчо все уйдут. Утром мы его сровняем с землей. И тогда можно будет докладывать боссу.

— Ты хочешь их всех выпустить?

Клейтон сплюнул.

— Скажу тебе так, Джо. Я не хочу их выпустить. Я хочу, чтобы они нас выпустили отсюда живыми и здоровыми. Ты сидишь тут и смотришь издалека. А я говорил с одним из них. Не с самым главным. С простым стрелком. Если там все такие, то нам лучше не трогать их. Пусть уйдут сами. Они обещали уйти, и я им верю.

Лагранж хотел смолчать, но не удержался.

— Может быть, ты им еще охрану дашь? И проводишь до города? Да нет, лучше уж до федерального суда в Форте Смит! Чтобы они рассказали обо всем не маршалу, а самому судье Паркеру!

— Ты не дослушал, — усмехнулся Клейтон. — Да, они обещали уйти. Пусть уходят. Я же не сказал, что они уйдут далеко. Мы их выпустим. И окружим. Несколько залпов с десяти шагов — и готово.

— Поступай как знаешь. — Лагранж поднялся с песка. — Рябой, ты с конем-то справишься? Возьми вон ту серую кобылу. Она как раз без хозяина осталась.

— Раненых заberi с собой, — сказал Клейтон.

— Да не буди их. Сами доберутся, когда отоспятся.

* * *

Рябой сгорбился в седле, намотав повод на обрубок руки. В зубах у него торчала сигара, что не мешало ему непрерывно говорить.

Лагранж подумал, что защитникам ранчо не пришлось слишком сильно пытаться калеку, чтобы развязать ему язык. Люди вообще не любят боли, а такие, как этот ублюдок — особенно. С каким наслаждением он затягивается! И какая гримаса неподдельного ужаса появилась на его роже, едва Клейтон коснулся повязки на руке...

Да, он все выболтал. Вполне возможно, он рассказал им не только про убийство Коннора. На свою беду, Рябой знал слишком много.

Сам беглый, он не раз ходил на железную дорогу, чтобы устраивать побеги другим. Таким способом на ранчо Форсайта исправно поступали дешевые и сговорчивые работники.

Мог он проболтаться и насчет тайных стоянок для ворованного скота. Федеральный маршал дорого бы заплатил за такие сведения. Впрочем, еще дороже заплатила бы индейская полиция — краснокожие обожают перехватывать краденое. По их понятиям, то, что отнято у вора, не имеет владельца.

А еще Рябой знал о том, как Форсайт готовится к аукционам, на которых выставляют пастбища. И если он рассказал об этом...

Все земли Оклахомы были поделены федеральным правительством на две части — одну отдали под заселение, другая осталась в распоряжении индейцев. И каждый индейский вождь получал деньги за то, что пускал на свою землю тех, кто мог ее использовать. Шахты и железные дороги уже давно исправно отчисляли налог в индейскую казну. Теперь дошла очередь и до пастбищ.

В апреле все пастбища будут выставлены индейцами на аукцион. И кто больше

заплатит, тот и получит самые выгодные участки. А потом откроет их — за гораздо более высокую цену — для скотоводов из соседних штатов.

До сих пор здесь паслись только стада местных мясных баронов. На тучных лугах Оклахомы скот прибавлял в весе гораздо быстрее, чем под знойным солнцем Техаса. Многие тexasцы пригоняли сюда бычков и ранше. Была только одна небольшая проблема — получить свой скот обратно. Некоторые места пользовались дурной славой, потому что стада там редели чуть не вдвое.

Затея Скотта Форсайта состояла не только в том, чтобы сбить цену на район, где находилось его ранчо. Он хотел, чтобы сюда, в долину Волчьей реки, никто не осмелился бы направить стада.

Чего бояться скотоводы? Угонщиков, болезней и индейцев. Индейцев — в последнюю очередь, потому что среди них почти не осталось бунтовщиков.

Болезни? Да, есть участки, зараженные ядовитыми травами. Попадаются и луга, на вид весьма приятные и безопасные, но после пребывания на них скотина вдруг начинает резко худеть и валиться с ног. Почти все такие места уже были известны.

Что же касается угонщиков, то те, кто сдавал пастбища в аренду, могли включить в цену и стоимость охраны. А могли и не включить, если владелец стада сам отправит с ним вооруженный отряд.

Так или иначе, но лишние проблемы не нужны никому. И если один и тот же район вдруг «прославится» и болезнями, и угонами, и индейским бунтом — в него никто не сунется. Только об этом и мечтал Скотт Форсайт.

Правда, делясь своими замыслами с Мутноглазым, босс никогда не пояснял, почему он так стремится к одиночеству. Места в долине хватило бы еще на десяток таких скотопромышленников, как он, и коровам не пришлось бы тесниться. Но разве нормальный человек способен понять богачей?

И Лагранж не задумывался о том, чего не мог понять. И вопросов лишних не задавал. Босс ставил перед ним простые и ясные задачи. Ну, скажем, не всегда простые. Но всегда — ясные.

Он повернулся к Рябому.

— Ты говоришь, они спрашивали тебя о Коннорсе?

— ... Они думали, что я сплю, а я все слышал... Что? Да, они ведь его дружки. Говорят, нам плевать, чья пуля попала в него. Нам, говорят, надо знать, кто послал вас на это дело. Только я им ничего не сказал!

— Ты молчал? Как тебе это удалось? Я бы не выдержал, — признался Мутноглазый. — Меня как-то ранило в руку. Да и раной-то не назовешь — пуля содрала кожу на запястье. Но я выл от боли. Честно признаюсь, выл. На стенку кидался. И если б меня кто-то схватил тогда за раненую руку, я бы ему маму родную выдал, не то что каких-то подонков...

— Я никого не выдал, — процедил Рябой. — Джо, мне не нравятся такие разговоры. Мне много чего не нравится. Те, кого я считал друзьями, кинули меня подыхать от гангрены. Я мог бы назвать их имена еще тогда, когда меня нашли в берлоге. И поверь, люди Коннорса живо разобрались бы с ними...

— С ними разобрались, — сказал Мутноглазый. — Не знаю, как люди Коннорса на них вышли. Но тела твоих друзей обнаружили через день после того, как ты пропал.

— Я никого не выдал! — крикнул Рябой, и сигара вылетела изо рта.

Во взгляде, которым он проводил ее, было столько отчаяния, что Лагранж рассмеялся.

— Тебе не позавидуешь, — сказал он. — Одной рукой спички не зажжешь.

— Ничего, научусь! — злобно прищурился Рябой. — Люди и без обеих рук живут! А у меня одна рука будет работать за две.

— Что можно делать одной рукой? Только пересчитывать мелочь в шляпе. Тебе придется поискать место, чтобы просить милостыню. Я заметил, что больше всего подают безногим. Даже слепые почему-то собирают меньше. А вот насчет одноруких... — Лагранж покачал головой. — Однорукому и я бы не подал.

— Я не собираюсь нищенствовать! На ранчо хватает работы! Буду прибирать, буду готовить.... И ночным сторожем могу работать. Точно, никто не любит ночью караулить. А я — буду. С дробовиком-то справлюсь и одной рукой.

— Кто ж его тебе даст, — вздохнул Лагранж, останавливая коня на развилке. — Ладно, Рябой, хватит. Дальше ты поедешь один.

— Почему?

— Не хотел тебе говорить, но ты сам напросился. Ты уволен. Форсайту не нужны калеки.

— Но... Но как же так? На что я буду жить? А мои вещи? Мои деньги? Все осталось дома...

— У тебя больше нет дома. Но все не так плохо. У тебя есть кое-что на первое время. Кобыла, седло и фляга с водой. Двигай на север. В Канзасе как-нибудь устроишься. Прощай.

Рябой посерел. Его губы дрожали, а в глазах заблестели слезы.

— Прощай... — еле слышно отозвался он и потянул повод, разворачивая кобылу.

Мутноглазый дал ему отъехать, и выстрелил в затылок.

* * *

По дороге к карьере Лагранжу встретилось несколько кучек шахтеров. Одни шагали в сторону поселка, другие стояли на обочине, что-то обсуждая. Завидев Лагранжа, все они отворачивались и замолкали. В другое время он бы, наверно, погнал их обратно на работу. Но сейчас ему было плевать на все. «Что-то стряслось, — подумал он. — Ну и черт с вами. Да пусть вас всех завалит вместе с Форсайтом, я и пальцем не шевельну».

Мутноглазый остановил коня, не доехав до конторы, потому что ему очень не понравились люди, стоящие возле нее. Их было около десятка, все в одинаковых брезентовых плащах, одинаковых белых шляпах, одинаковых полумасках. Но первое, что заметил Лагранж — винтовки у них за спинами. Новенькие армейские винтовки.

«Так вот оно что! Босс арестован!» — подумал он. Всадники в масках появлялись, когда кто-то наверху решал, что пора сократить число мясных баронов.

Иногда их называли железными рейнджерами, иногда — легкой кавалерией. Официального названия не знал никто, да его, скорее всего, и не существовало. Потому что официально не существовали и сами эти люди с армейскими винтовками. Они врывались на ранчо, хватали владельца и везли его в Форт Смит. А судья Паркер, зачитав приговор, иногда выносил особую благодарность «добровольцам, чья скромность может сравниться только с их отвагой».

Лагранж подождал еще немного, пока на крыльце не появился Форсайт — без наручников, в чистой и целой одежде, с чистой и целой физиономией. Он не был похож на арестованного, и у Мутноглазого стало немного спокойнее на душе.

Он спешил к крыльцу, босс глянул на него без особого интереса.

— Зачем приехал?

— Я всегда делаю то, что обещал.

Форсайт кивком позвал его за собой, и они вошли в кабинет инженера. Босс устроился в кресле и вытянул руки на стол. Лагранж остался в дверях.

— Клейтон сжег конюшни.

— Да, я слышал об этом.

— Мы выдернули Рябого.

— Да ну? — Форсайт кивнул. — Не может быть. Какое достижение. И где же он?

Вместо ответа Лагранж бросил Форсайту кожаный кисет, в котором обычно носил дорогие патроны. Босс поймал его и взвесил на ладони.

— Что здесь? Надеюсь, не его сердце?

Форсайт потянул за тесемку, и кисет раскрылся. На стол выпал продолговатый кусок мяса, в синих и серых пленках.

— Я обещал, что сам привезу вам его язык, — гордо сказал Лагранж.

Босс стоял, зажмурившись и словно окаменев. Неожиданно лицо его побелело. Форсайт вскочил на кресло и попытался ногой оттолкнуть язык, сочащийся бурой жижей.

— Убери! — завизжал он бабьим голосом. — Идиот! Убери это! И сам убирайся! Скотина!

— Извините, босс, — пробормотал Мутноглазый, запихивая свое подношение обратно в кисет. — Я хотел вас порадовать. Рябой никому ничего не скажет.

— Скотина! — жалобно простонал Форсайт, трясущимися руками вытирая взмокшее лицо. — Разве ты не знаешь, что мне бывает дурно при виде крови!

«Как же тебя занесло в мясной бизнес? — подумал Лагранж. — В кровавый бизнес? Боишься крови, и проливаешь ее чужими руками? А каково тебе будет увидеть собственную кровь?»

Но он лишь виновато развел руками:

— Виноват, босс. Я хотел вас порадовать...

— Что ты заладил одно и то же! — Форсайт опустил в кресло и накрыл скомканным платком лужицу крови, блестевшую на полировке стола. — Ты порадуешь меня, когда доложишь, что шахтеры бегут с карьера.

— Босс, они бегут.

— Нет, пока они только мечутся из угла в угол. Это еще не исход. Но скоро, уже скоро они хлынут отсюда. Проследи, чтоб они не устроили погром в поселке. Эти твари на все способны...

— А как же ранчо Коннорса?

— Забудь о нем. Видел рейнджеров? Мне их прислали друзья. Мои друзья ценят мое время дороже, чем ты с Клейтоном. — Он сбросил намокший платок на пол и окончательно успокоился. — Возвращайся в поселок. Тебе еще надо разобраться с теми, кто у нас за решеткой.

— Разобраться?

— Ты что, стал плохо слышать? Мерфи, в отличие от тебя, слышит прекрасно. Он услышал и увидел слишком много. А тот, второй, дружок Коннорса — ему пора отправиться за своими друзьями.

— А фермер? — спросил Лагранж, надевая шляпу. — С ними сидит какой-то фермер. Его отпустить?

— Зачем? Чтобы он потом рассказывал про нас всякие небылицы? Нет. Разберись с ними со всеми. Попытка к бегству. — Форсайт нацелил на него палец и добавил, гневно сдвинув брови: — Только не вздумай привезти мне их головы!

26

Каждый получает по заслугам. Эту простую истину Энди Брикс усвоил в тюрьме. Если наказание кажется слишком суровым, значит, в него авансом включена кара за следующее преступление, которое ты обязательно совершишь, оказавшись на свободе. А если тебя посадили за чужие делишки — что ж, вспомни, сколько твоих собственных грехов остались не искупленными.

Иногда полезно немного посидеть в тюрьме. Кому-то достаточно заглянуть туда хотя бы на часок, а кого-то и несколько лет ничему не научат. Энди Брикс сидел в разных тюрьмах, и каждая научила его чему-то новому. А еще очередная отсидка дарила ему новых друзей.

Несколько суток отдыха в клетке позволили Бриксу окончательно оправиться после ранения. Красное вино и бифштексы от судьи Бенсона пошли на пользу. А общение с сокамерниками укрепило веру в людей.

Оказалось, шериф Мерфи действительно неплохой мужик. Он рассказал о том, как погиб Дик. И Энди, поразмыслив и поскрипев зубами — да уж, не без того — пришел к

выводу, что Мерфи не виновен. На его месте Брикс тоже обязательно нагрязнел бы туда, где, возможно, прячется подозреваемый. И, вполне возможно, тоже был бы вынужден стрелять. Дик Руби пал жертвой обстоятельств.

Если бы собака не кинулась на помощника шерифа, и если б его помощник не был такой сукой.... Да, Мерфи не повезло с помощниками. Они оказались грязными и подлыми тварями. Правда, он их и нанимал на грязную и подлую работу, так что удивляться нечему. Вот и оказался за решеткой.

Питер Уолк, добропорядочный фермер, нисколько не роптал на судьбу и считал тяготы заключения вполне заслуженными. Покупая лошадей, он не слишком придирался к бумагам. Да, по правде сказать, Питер и не заглядывал никогда ни в какие бумаги. Вот лошадь, вот деньги.

К тавру он присматривался совсем не так тщательно, как к зубам и копытам. Он старался покупать всегда у одного и того же продавца. Но галисеньо... Их продавал незнакомец. Сестра засомневалась, и не решилась купить, и рассказала об этих лошадаках Питеру. А он приказал ей возвращаться на ярмарку и купить-таки пару галисеньо. «Они не могут быть краденными, — объяснил он сестре. — Таких малышей не крадут». Он перестарался, убеждая сестру и себя. А теперь расплачивался за неверный шаг.

Что же касается Энди Брикса, то из всех троих он был самым невиновным. Больше того, его даже не арестовывали, а только попросили пройти в участок и подождать, пока не будет установлена его личность. Но почему-то шериф позабыл о существовании «мистера Брайтона», как только за ним захлопнулась решетка.

Заглядывая в участок, новый шериф даже не приближался к клетке, и это наводило Брикса на весьма тревожные размышления.

«Пора уходить», — решил он, как только сменились надзиратели. Новая смена была слишком утомлена событиями прошедшей ночи. Лихие ребята участвовали в настоящем деле. Они штурмовали осиное гнездо — ходили в атаку на логово бандитов Коннора. Они почти достигли цели, и если бы не малодушие командира, ни за что бы не отступили...

Один из них, Фред Лански, чувствовал себя полновластным хозяином участка. Он быстро обнаружил запасы конфискованного виски за оружейным шкафом. И Мерфи оставалось лишь с ненавистью наблюдать, как надзиратели поглощают драгоценный напиток.

Он подсел к Бриксу и тихо спросил:

— Ты слышал? На ранчо Коннора большая драка.

— Значит, наше место там, а не здесь.

— Нет, Энди. Мне туда нельзя. Как я посмотрю в глаза Мойре? Нет, мне туда нельзя. Но и сидеть тут не намерен. Может быть, попросимся по нужде, и...

— Спокойно, Том. Пока за нас работают твои запасы виски.

Энди Брикс опустил голову на колени, притворяясь спящим. Охранники принялись играть в карты, и он внимательно прислушивался к их громким голосам. Как всегда, ковбои говорили о женщинах и о скоте.

Причем каждый с легкостью перескакивал с одной темы на другую незаметно для остальных собеседников. Несколько имен, прозвучавших за столом, были знакомы Бриксу. Но то были не женские имена.

Они говорили о тропе Гуднайта. Чарли Гуднайт, знаменитый техасский скотовод, когда-то владел миллионами акров пастбищных земель. Его стада паслись не только в Техасе, но и Нью-Мексико, Вайоминге и Колорадо. Он скрещивал бизонов и ангусов,¹⁴ чтобы вывести гибридную породу, и добился успеха в этом сомнительном деле. Больше того, он сумел примирить враждующие кланы мясных баронов и создал ассоциацию скотоводов

¹⁴ ангусский бык — порода, выведенная в Шотландии; отличается высококачественным мясом и быстротой созревания

— а это гораздо труднее, чем соединить дикого бизона с коровой.

«Тропой Гуднайта» назывался путь для перегона скота с юга на север вдоль восточных склонов Скалистых гор. Это был длинный и тяжелый маршрут. Он был проложен в обход резерваций, чтобы не отдавать часть скота индейцам в качестве платы за прогон. Тропой Гуднайта перестали пользоваться с тех пор, как железная дорога пересекла ее в нескольких местах. Но отдельные участки были вполне пригодны, чтобы быстро и незаметно провести угнанный скот.

Охранники-скотокрады спорили о том, в какое время года опаснее всего проходить этой тропой со стороны Санта-Фе. Одни считали, что летом на тропе слишком часто встречаются патрули рейнджеров. Другие настаивали на том, что осенью там не избежать столкновения с индейцами, которые заняты подготовкой к зиме. Но все спорщики были единодушны в одном. По тропе Гуднайта могут перегонять скот только отчаянные храбрецы.

Именно такие, настоящие мужчины, и сидели сейчас за столом. Они важно подняли стаканы. Торжественность тоста была испорчена тем, что один из настоящих мужчин вдруг метнулся в угол, сметая все на своем пути, но споткнулся о ровный пол, и ему пришлось блевать у оружейного шкафа.

Мерфи забыл об изменениях в своем положении и грозно рявкнул из своего угла:

— Это офис шерифа, а не свинарник!

Охранники не сразу поняли, что к ним обращается арестант, и даже не повернулись в его сторону, занятые игрой и выпивкой. Бывший шериф, теряя голову от нахлынувшей ярости, заревел:

— Уберите свое дерьмо! Я не собираюсь оставаться в свинарнике!

Фред Лански бросил карты на стол и подошел к решетке:

— Кто тут орет? Чем ты недоволен, Томми?

— Я не собираюсь оставаться в свинарнике, — повторил Мерфи.

— А мне сдается, что тут тебе самое подходящее место, — ухмыльнулся Лански. Глаза его смотрели уже в разные стороны, язык заплетался, но ему очень хотелось покуражиться. — Сиди тихо, Томми. Не мешай нам отдыхать. Не зли нас. Если не хочешь подохнуть при попытке к бегству, сиди тихо и молчи.

Я ведь мог тебя просто шлепнуть через решетку за твои слова, а я с тобой разговариваю, как с человеком. Поэтому тебе остается только молчать.

Конечно, другой на моем месте засадил бы тебе пулю между глаз, а потом сорок свидетелей подтвердили бы, что ты первым напал. Но ты до сих пор жив, шериф. Хочешь виски? У меня целое море отличного виски? Хочешь? Выпей со мной, шериф!

— Эй, Лански, садись за стол! Твой ход, Фредди! Чего привязался?

— Ну что, шериф, выпьешь со мной? — хватаясь за решетку, не унимался Лански.

— Я не пью в свинарнике.

— Вы слышали, парни? Он у нас чистюля!

Один из охранников тоже бросил карты и сказал:

— Когда я сидел в Форте Смит, меня заставляли мыть полы в участке. По три раза в день. Давай, браток, сейчас твоя очередь!

— Точно!

— Сам убирай в своем свинарнике!

— Ты слышал, Томми? — Лански икнул и встряхнулся всем телом. — Слышал? Не нравится грязь? Хватайся за тряпку и приступай к уборке! Ну, что застыл, как памятник Вашингтону?

Шериф медленно и отчетливо произнес:

— Я не убираю за свиньями.

Брикс легко поднялся и шагнул к решетке. Надо было вмешаться, пока пьяный не понял, что его обозвали свиньей.

— Пожалуй, и в самом деле не мешает прибраться. Я готов.

— Ты?

— А что такого? Тряпка, ведро воды и десять минут времени, больше мне ничего не требуется, — Брикс улыбался, глядя в мутные глаза Лански.

— Ну, раз ты сам предложил... Давай, приступай! Эй, дайте мне ключ!

— Не надо, Фредди. Босс будет ругаться, если узнает, что мы отпирали камеру.

— Босс будет ругаться еще больше, когда наступит на твоё дерьмо! Ключ!

Лански выпустил Брикса и снова запер решетку, оставив, однако, ключ в замке. Энди, засучив рукава, принялся за уборку. Мерфи осуждающе глянул на него и отвернулся, скрипя зубами. Охранники, сидя за столом, бросили игру и упражнялись в остроумии, обсуждая работу арестанта.

— Неплохо у него выходит. Не хуже, чем у негритянки.

— Где ты так наловчился, приятель?

— Черт! Кому рассказать, не поверят, что за мной убирал сам Потрошитель Банков!

— Да какой он Потрошитель? Разве такому под силу очистить банк? Очистить помойное ведро, вот и все, на что он способен!

— Да нет, мне сам босс рассказал. Их банду ищут в трех штатах. Миссури, Теннесси, Арканзас. Босс даже подпрыгнул, как узнал, кого мы схватили. Тысячи две, а то и три теперь получит. Слышишь, приятель, твоя голова стоит три тысячи, а ты нам бесплатно полы моешь!

— Эй, Потрошитель, неужели ты и в самом деле взял столько банков и никого не грохнул?

Брикс скромно улыбнулся и выжал тряпку над ведром.

— Я не убиваю из-за денег, — сказал он.

— Но как тебе это удавалось? Там же охранники всегда с пушками, и им разрешено стрелять при малейшей опасности. Может, это все сказки? Насчет банка в Додж-Сити, к примеру? Говорили, что ты его взял на пару с приятелем, а там было восемь человек охраны!

— Пять, — поправил Брикс. — Пятеро сидели внутри банка, а трое спали после ночной смены. Могу я вас попросить пересечь к окну? Хочу помыться под столом.

— Да ладно тебе врать-то! Как это может быть?

— Кто-то сказал, что я вру? — Он выпрямился, стряхивая воду с рук.

Есть фразы, способные отрезвить любого. Охранники молча переглянулись. Четверо вооруженных мужчин не знали, что ответить безоружному арестанту.

— Но я могу показать, как это было, — сказал Брикс, прерывая напряженную паузу. — Здесь похожее помещение. Такая же решетка. Только в банке за ней были сейфы. Вас тут не пять, а только четверо, но и я — один, без напарника. Хотите посмотреть, как это было?

— Валяй. Показывай, а мы посмеемся, когда тебя скрутим.

Брикс отставил ведро с тряпкой и опустил рукава.

— Итак, джентльмены. Банк в Додж-Сити. Половина десятого утра. Дежурный охранник с карабином между ног сидит перед залом, где стоят сейфы. Давай, Фред, садись сюда. Вот так.

— Фредди, возьми карабин из шкафа, чтоб все было по-настоящему.

Лански положил карабин на колени, но потом, подумав, отошел к столу и разрядил магазин. Оставив патроны на столе, он вернулся на стул у решетки.

— Эй, так не по правилам! Охранник должен быть вооружен винтовкой, а не дубинкой, Фредди!

— А это на что? — Лански похлопал себе по кобуре и даже отстегнул предохранительный ремешок с рукоятки кольца. — Ладно, Потрошитель, валяй дальше. Где сидели остальные сторожа?

— Двое прогуливались по кассовому залу, один сидел на крыльце.

— Парни, прогуливайтесь! А кому охота проветриться, может сесть на крыльце! Только дверь не закрывай, а то не увидишь ни черта!

Охранники разошлись в разные углы комнаты, не сводя глаз с Брикса. Один из них встал в дверном проеме.

— Ну, и как же ты с ними справился? — сочувственно спросил Лански. — Я понимаю, если бы у тебя была бомба. Но ведь говорят, что ты всех скрутил и обчистил все сейфы! Сейфы, которые к тому же стояли за решеткой!

— Знаете, джентльмены... — Энди задумался. — На самом деле точно не знает никто. Иначе таким способом все бы стали чистить банки и уходить от погони. А это было бы губительно для финансовой системы. Поэтому я прошу вас об одном. Никому не рассказывайте о том, что сейчас увидите. И никогда сами так не делайте. Вы можете мне обещать?

— Мы можем пообещать, можем, — ухмыльнулся Лански.

Брикс подошел к окну и оглядел площадь.

— Все точно так же, как тогда. Никого на улице. Только охранник на крыльце и несколько клерков внутри банка. В это время всегда приходил старый негр, уборщик помещений.

Брикс согнулся, смешно выпятил губы и вытаращил глаза, чем вызвал довольный гогот публики. Он вразвалочку доковылял до помойного ведра и двинулся с ним вдоль стены. Дошел до решетки и стал медленно возить тряпкой по прутьям.

— И вот, когда старый негр дошел до сейфов, на улице появился стекольник с лестницей и инструментами, — продолжал рассказывать Брикс. — Он подошел к боковому окну банка и громко в него постучал.

— Эй, кто там у нас возле окна? Стучите, парни, стучите громче. Чтоб все совпадало! Это он стуком хочет отвлечь охрану. Но мы-то с вами знаем, зачем все делается. Нас он не отвлечет! Давай, стучи! — скомандовал Лански.

Ковбой нехотя подошел к окну и согнутым пальцем стукнул по стеклу.

— Громче, — попросил Брикс. — Гораздо громче.

— Ну стукни ты как следует! — насмешливо закричал Лански.

Его голос вдруг был заглушен плеском воды, а затем стал звучать с металлическим оттенком. Всеми виной было помойное ведро, надетое на голову.

В следующую секунду Лански распростерся на полу, а Брикс стоял над ним с его револьвером в руке.

Охранник у окна попытался схватиться за кольт, и Брикс выстрелил. Пуля сорвала кобуру с пояса, и охранник молниеносно вскинул руки над головой. Двое других благоразумно последовали его примеру.

— На пол, — сказал Брикс. — Видите, как лежит Фредди?

Пока они укладывались, он, не оборачиваясь, нащупал ключ в замочной скважине и попытался проверить. Но ключ не поддавался.

— Шериф, открой сам, я занят, — попросил Брикс.

Мерфи едва просунул толстые руки между прутьями и принялся тыкать ключом в скважину.

— Позволь мне, — сказал Питер Уолк, отеснив шерифа.

Решетка со скрипом отворилась, Мерфи кинулся разоружать и связывать лежащих охранников.

— Вот так все и было, — Брикс продолжил свой рассказ. — Вы спросите, зачем был нужен стекольник? Вот зачем. Когда мы покинули банк, лестница стояла перед входом, а на крыльце были разложены инструменты. Любому прохожему было ясно, что в банк можно будет зайти, когда стекольник закончит работу. И никому не было дела до связанных охранников. Кстати, джентльмены, они сами друг друга связали. И весьма добросовестно.

Обернувшись на пороге, Энди обратился к неподвижным охранникам:

— Джентльмены! Не забывайте! Вы обещали никому об этом не рассказывать!

* * *

Они сели на коней охраны. Питер хотел прихватить и оставшихся лошадей, но Брикс не

позволил — пустая коновязь возле незапертого участка могла вызвать подозрения.

Неторопливо, шагом, пересекли они площадь и свернули на дорогу. Поселок словно вымер, и только собаки лежали в тени под заборами, высунув языки.

Издалека доносились частые, тревожные удары по рельсу, который заменял шахтерам и колокол, и фабричный гудок.

— Что-то стряслось на карьере, — Мерфи оглянулся.

— Тебя это уже не должно волновать, — напомнил Питер Уолк.

— Меня волнует другое. Бьют к общему сбору. Похоже, кого-то завалило. Или еще что-нибудь. Сейчас весь поселок сбежится.

Питер приложил ладонь к уху и сказал:

— Уже идут.

— Вот чего я не собирался делать, так произносить прощальную речь, — сказал Мерфи.

Их кони прибавили шагу, но ропот толпы становился все слышнее, куда бы они не сворачивали. Гул доносился из каждого прохода между бараками. Среди приземистых строений мелькали фигуры мальчишек. Они бегали, сбиваясь в стайки, и снова уносились туда, откуда доносился гул голосов и тяжелое шарканье сотен ног.

Покружив по поселку, Питер Уолк остановился возле салуна:

— Если мы не хотим, чтобы нас видели, переждем здесь.

— Придется, — согласился Энди Брикс. — Гарцевать на виду у нескольких сотен свидетелей не в моих правилах.

В салуне, как и на площади перед ним, не было ни души.

— Что там за шум? — судья Бенсон оторвался от газеты и поднялся навстречу неожиданным посетителям. — Пожар или война?

— Завтра узнаем, — ответил Брикс. — Рэймонд, в прошлый раз нам не дали закончить разговор.

— Вот, значит, для чего ты вернулся? Что ж, продолжим дискуссию. Что вам предложить? Пива? Виски? Газету?

— Вы можете нам предложить укромный уголок на три персоны, — сказал Питер Уолк. — На три очень скромные персоны.

Судья Бенсон посмотрел на выгоревший жилет Томаса Мерфи, где еще сохранился темный силуэт значка:

— Так значит, это правда, что нашего шерифа уволили? Что же, для такой скромной персоны у меня найдется укромный уголок.

Он поднял барьер, пропуская всех за стойку бара. Под стойкой оказался незаметный люк. Сдвинув его в сторону, Энди Брикс первым спустился по мягким войлочным ступеням в просторный подвал. Из узких окошек сверху пробивался свет. Его пыльные лучи легли теплыми пятнами на низкий диван в углу, на круглый стол под зеленым сукном и четыре плюшевых кресла.

— Ага, — обличительно произнес Мерфи. — Подпольный притон для азартных игр и незаконных сделок.

— Всего лишь комната отдыха, и больше ничего, шериф, — судья Бенсон открыл дверцы встроенного шкафчика. — Здесь вы найдете воду и печенье. Прошу воздержаться от курения, пока в салуне не появятся клиенты.

— Так вот, значит, где прятался от индейцев этот старый осел Мафусаил, кучер бедняги Скиллара, — Мерфи развалился на диване. — Вы знаете, судья Бенсон, меня вышвырнули на помойку. Теперь я ничем не отличаюсь от Мафусаила. Я такой же безработный старый осел, как и он.

— Работа сама найдет вас, — пообещал судья Бенсон, поднимаясь по лестнице обратно в салун. — Джентльмены, будьте как дома.

Питер сразу же подвинул кресло к стене и встал на него, чтобы заглянуть в окно.

Мерфи сунул руку в карман рубашки и выругался:

— Черт возьми, мои сигары... Все осталось в участке. Я разорен, парни. Ни работы, ни сбережений, ни виски, ни сигар. Все придется начинать с нуля.

Питер, не отрываясь от окна, предложил:

— Поживи у меня на ферме. Ты человек бывалый, быстро освоишься.

— Что мне делать на ферме?

— Что-нибудь придумаем. Будешь ездить по ярмаркам как мой торговый представитель. Или займешься закупками новой техники. Заводик какой-нибудь построим. Станешь выпускать свечи или керосиновые лампы. Придумаем что-нибудь, не волнуйся. Бенсон правильно сказал. Работа сама тебя найдет.

— Что ты там высматриваешь? — спросил Мерфи.

— Кажется, все идут сюда.

Энди Брикс тоже встал на кресло и прильнул к стеклу. Окошко находилось на уровне земли, прямо перед ним стояла телега, и сквозь спицы деревянных колес Энди увидел, как на улице перед салуном собираются люди. Все они были в черных робах, в своей обычной одежде, в которой каждое утро уходили в карьер. Они быстро заполнили улицу, и из окна не было видно ничего, кроме ног в стоптанных башмаках. Толпа гудела, не смолкая, пока не хлопнул выстрел.

— Тихо! Дайте сказать! — послышался чей-то голос, и гомон, перекатываясь из конца в конец, понемногу ослаб.

Теперь уже и Мерфи пристроился к окну, напряженно ловя каждое слово, доносившееся с улицы.

— Судья Бенсон! Видите, что мы принесли с собой?

Голоса Бенсона не было слышно, и в толпе раздались крики:

— Тише вы, братцы! Тише, тише! Громче, судья!

— Где вы его нашли? — спросил Бенсон.

— Он лежал на дороге.

Толпа зашумела, но несколько требовательных голосов перекричали ее:

— Это предупреждение! Они нас пугают! Индейцы хотят, чтобы мы убрались отсюда! Шерифа нет! Никто ничего не знает! Что нам делать, судья?

Мерфи спрыгнул с кресла и направился к лестнице.

— Ты куда? — спросил Питер. — Это тебя не касается.

— Опять кого-то замочили. Черт возьми! Они никогда еще так не шумели! Надо разобраться!

— Сами разберутся, — сказал Энди Брикс.

— Ты не знаешь, как они разбираются. Нет, парни. Люди ждут шерифа. А шериф — это я, — сказал Томас Мерфи и, поднявшись по ступеням, с грохотом отодвинул люк.

Как только Мерфи появился на крыльце салуна, толпа разом затихла. Он шагнул со ступеньки, и шахтеры расступились перед ним.

— Ну, что тут у вас? — спросил он недовольно, словно они оторвали его от какого-то важного и приятного занятия.

Исподлобья глядя на него, шахтеры молча пятились в стороны, открывая перед Мерфи проход. И ему ничего не оставалось, как двинуться по проходу.

На черном куске брезента лежало ничком обнаженное тело. Из спины торчала длинная рукоятка томагавка, топорик почти всем лезвием погрузился между лопаток. Голова была повернута набок, и Мерфи узнал инженера Скилларда.

* * *

Мерфи присел на корточки рядом с трупом и прикоснулся к холодной грязной шее.

— Когда его нашли? — спросил он.

— Час назад, — ответили из толпы.

— Индейцы убили его! — выкрикнул кто-то. — Они всех нас убьют!

Внезапно где-то в толпе возникла возня, послышались крики:

— Ведут, ведут! Попался, приятель! Вот он, краснокожий!

Шахтеры вертели головами и приподнимались на носки, пытаясь разглядеть, кого там схватили.

— Сюда его! — приказал Мерфи, выпрямившись и широко расставив ноги.

Толпа раздалась и вытолкнула из себя изрядно потрепанного индейца в серой рубахе. Его руки были связаны сзади.

— Да я его знаю, — сказал Мерфи. — Ты ведь работник Питера Уолка?

— Я муж его сестры, — слегка задыхаясь, выговорил индеец и облизал разбитые губы. — Мое имя — Ахо. Шериф, я должен тебе кое-что рассказать ...

— Он убегал! — кричали из толпы. — Он хотел бежать к своим краснокожим!

— Никуда я не убегал! — заявил Ахо. — Я стоял возле участка! Я ждал шерифа!

— Знаем мы тебя, краснокожий!

— Тихо! — рявкнул Мерфи. — Сейчас разберемся. Вы, двое, ведите его в салун. Кто первым обнаружил Скилларда? Ты? И ты? Тоже шагайте в салун, я задам вам пару вопросов.

Заложив руки за пояс, он оглядел шахтеров, и они замолкали под его тяжелым взглядом.

— Я разберусь в этом. Приедет федеральный маршал Даррет, и мы с ним решим, что надо делать. А вы расходитесь по домам. Мойтесь, ешьте, отдыхайте. Завтра всем на работу. Что случилось, то случилось. Еще не конец света.

— Это хуже, чем конец света! — крикнула женщина из толпы. — Это война, шериф! Нам не нужна война! Лучше мы соберем узлы и отправимся отсюда, пока нас всех не зарубили топорами!

— Можешь ехать, женщина, — сказал Мерфи пренебрежительно. — Тебя никто не гнал сюда, и никто тебя здесь не держит. Вы слышали меня? Расходитесь по домам, не толпитесь тут!

Но шахтеры упрямо топтались на месте.

— Мы не разойдемся, шериф, — сказал тот, кто стоял над трупом. — Люди хотят знать, кто убил инженера. Люди хотят судить убийцу прямо сейчас!

— Я тоже хотел бы поймать убийцу! — Мерфи слегка коснулся ногой окоченевшего тела. — Я бы хотел вздернуть того, кто пару дней назад зарезал инженера, а потом засадил ему топор в спину.

— Пару дней назад?

— Кто-то таскает уголь, а кому-то приходится возиться с покойниками. У каждого свой бизнес, — сказал Мерфи. — Можете мне поверить, парни. Уж я-то умею отличить свежий труп от вчерашнего. Посмотрите на рубцы. Инженера убили, когда он был связан по рукам и ногам. Кровь остановилась, поэтому следы веревок стали такими черными.

А теперь посмотрите на горло Скилларда. Убийца раскроил его от уха до уха. Но где кровь? На брезенте — ни капли. И если кто-то скажет, что кровь была на дороге, где его нашли — если кто-то скажет такое, знайте, что он последний обманщик.

— Не было крови, — уныло подтвердил шахтер.

— Так с чего вы взяли, что его убил индеец, которого вы схватили?

По толпе прокатилась волна недовольного ропота.

— Это не такой простой случай, — сказал Мерфи. — Надо разобраться.

— Хорошо. Разбирайтесь. Мы подождем, — угрюмо сказал шахтер.

Но в толпе не поддержали его.

— Чего ждать? Индейцы убили инженера! Они его украли, а потом убили! Чего еще ждать! Надо вздернуть индейца, чтоб неповадно было! Братцы, судью Бенсона сюда! Давайте избирать присяжных и побыстрее покончим с этим делом! Мы разберемся лучше любого шерифа!

Судья Бенсон встал рядом с Мерфи и поднял руку, призывая к тишине. Когда гомон смолк, он заговорил своим хорошо поставленным голосом проповедника:

— Вы требуете возмездия? Вы хотите ответить убийством на убийство? Что же, вы имеете право на месть.

Толпа радостно зашумела, засвистела, затопала ногами.

— Да, люди имеют право на месть, — возвысив голос, продолжал судья Бенсон. — Потому что люди подвержены страху, а страх рождает жажду мести.

Вы думаете, что ваш страх пройдет, когда вы убьете кого-нибудь. Я не буду говорить вам, что вы ошибаетесь. Вы и сами в этом убедитесь. Страх не покинет вас, даже если на каждом столбе поселка будет висеть целая вязанка индейцев.

— Мы хотим справедливости!

— Будет вам справедливость. Выбирайте двенадцать человек в жюри. И пусть они соберутся у меня. Остальные могут идти по домам. Вас позовут, когда мы вынесем решение.

— Никуда мы не уйдем! — закричала женщина. — Они могут налететь в любую секунду!

— Я все сказал, — Бенсон снова поднял руку. — Помните, что присяжные должны быть трезвыми. Жду их у себя. Идемте, шериф.

— А что делать с инженером?

— А что еще можно сделать с покойником? Позовите гробовщика, — сказал Бенсон.

Мерфи наклонился над телом, еще раз потрогал его и с усилием выдернул топор из глубокой раны. В толпе истерически ахнула и зарыдала женщина. Шериф несколько раз воткнул лезвие в песок, чтобы оттереть кровь, и унес томагавк с собой.

Салун часто превращался в зал судебных заседаний, но шериф Мерфи никогда прежде не участвовал в этих процессах. Он не любил лишних разговоров. Ему и сейчас не по душе было то, что затеял Бенсон. До суда ли, когда самому надо бежать без оглядки? Но он не видел другого способа спасти индейца от расправы.

Обитатели поселка уже не первый день говорили только об индейцах. Здесь жили люди, приехавшие из разных концов Америки, но почти каждый из них мог припомнить страшные рассказы о внезапных индейских бунтах. Неважно, что все истории повествовали о далеком прошлом, и во многих из них не было ни слова правды. Индейцы оставались индейцами, а переселенцы — переселенцами.

Хрупкое перемирие было разрушено слухом о похищении Скилларда. А первым выстрелом, сигналом к началу новой войны, могла стать его смерть.

Мерфи хмуро поглядел на связанного индейца. Тот сидел в углу, и над ним стояли двое шахтеров. Их лица были настолько черными от угольной пыли, что они казались неграми-близнецами.

— Не хотите умыться? — спросил у них Бенсон.

— Потом помоемся, — мрачно ответил шахтер.

— Шериф, вы хотели задать свидетелям пару вопросов, — напомнил судья Бенсон.

Свидетели, такие же черные близнецы, переминались в другом углу, не решаясь присесть на чистые стулья.

— Когда вы нашли тело? — начал допрос Мерфи.

— С час назад. Я увидел, что кто — то лежит на дороге. Думаю — пьяный, что ли? Позвал Майкла. Подошли вместе, смотрим — а тут такая вот хреновина...

— Погрузили его на брезент и понесли к участку, а там закрыто. Ну, народ решил сюда нести труп. Мы всегда тут собираемся...

— Но позвольте спросить, а что вы делали, на дороге, в самый разгар рабочего дня? — спросил судья Бенсон.

Шахтеры переглянулись.

— Мы шли сказать начальству, что ни один индеец сегодня не появился на работе. Мы хотели узнать, что случилось. Мы не обязаны за них работать.

— И еще там были конские следы, — добавил второй. — Следы без подков. Индейская лошадь.

— Следы? Отлично, — сказал Мерфи. — Надо пройти по ним, посмотреть, куда они

ведут...

Шахтер покачал головой.

— Там все затоптано, шериф. Мы все собрались там. Этих следов никто не найдет.

— Это индейцы, шериф, индейцы, — настойчиво, как заклинание, повторяли шахтеры. — На работу не вышли, они что-то замышляют...

Бенсон покачал головой:

— Странно. Никто не видел, чтобы в поселок въезжали индейцы. Никто не видел, как они выезжали.

— Ничего удивительного. Меня тоже никто не видел, когда я шел сюда из участка, — сказал Мерфи. — Зато у нас есть свидетели, которые видели следы неподкованных лошадей.

— Мой конь подкован, — сказал Ахо. — Он стоит у аптеки. Можете сходить, проверить.

— Мы пошлем туда присяжных, — кивнул Мерфи. — Пусть убедятся. Я-то и сам знаю, что в хозяйстве Уолка все лошади подкованы.

Итак, что получается? Индейцы привезли труп, сбросили и уехали. Вот и все. Ты понял, Ахо? Эти неподкованные лошадки спасли твою шкуру.

— Еще не спасли, — произнес судья Бенсон. — Людям на площади все равно, кто убил Скилларда. Им все равно, шериф. Они хотят повесить индейца. Если сейчас в поселок войдет любой другой индеец, они повесят его.

— Это верно, судья, — сказал шахтер, стороживший Ахо, и похлопал по револьверу за поясом. — Краснокожие с нами не церемонятся. И мы не будем.

27

Выпустив Полли и Лукаса, они подкатили к овражку моток колючей проволоки. Полчаса работы, и уютная ложбинка превратилась в непроходимое ущелье.

— Великое дело — прогресс, — сказал Остерман, снимая рукавицы.

— Так-то оно так, — сказал один из работников. — Да только мы думали, что тоже уйдем этой тропинкой, когда приспичит...

— Уходить еще рано. Еды у нас — гора, воды — море. Никто не ранен. Поморочим Форсайту голову еще хотя бы денек.

— Лишь бы не окружили...

— А вот когда окружают, тогда-то мы и уйдем, — бодро сказал Илья.

Но работников такая перспектива явно не вдохновляла.

— Вам виднее, сеньор Билли...

— Для окружения им придется растянуться, понимаешь? Сейчас они держатся кучами. А когда растянутся, каждому придется воевать в одиночку. Они будут думать, что накинули на нас петлю. А мы эту петлю порвем, как паутинку. Теперь понятно?

— Да мы вам верим! — сказал работник. — Прорвемся. Лишь бы патронов хватило.

Эд Коннорс был крепким хозяином, предусмотрительным и запасливым. Копченостей, сухарей и воды в его доме хватило бы на год осады. Но, конечно, он не мог предвидеть, что оборона потребует такого расхода патронов.

Припасы к «спрингфилдам» таяли с удручающей быстротой. Горки крупных патронов, выглядевшие так внушительно, становились заметно ниже с каждым выстрелом. Мелочь для винчестеров расходовалась медленнее, потому что из них палили, скорее, для острстки.

Пока перестрелка шла на длинных дистанциях. Кирилл иногда выпускал пару пуль из своего винчестера, более мощного. Но он понимал, что патроны с бездымным порохом ему никто не подбросит, и стрелял только тогда, когда был уверен, что попадет.

По его подсчетам, они вывели из строя не меньше десятка. Но противник, видимо, получил подкрепление. К вечеру уже все стены дома украсились щербинами от пуль, долетавших с соседних холмов, и стало ясно, что ранчо окружено.

Впрочем, Кирилл заметил, что били по дому только с трех сторон. С южного

направления не раздалось ни одного выстрела. Как раз там пролежала тропа, по которой табун выгоняли в степь. И это было лучшим местом для прорыва — кони успеют разогнаться так, что стрелять по ним с соседних холмов будет бесполезно. Неужели Клейтон не догадался перекрыть путь?

Скорее всего, это и есть обещанный коридор для отхода, решил Кирилл.

Илья собрал работников и объявил:

— На закате будем прорываться. На север. Потом, вдоль реки, уходим к табуну. Готовьте лошадей. Предстоит скачка, поэтому не берите ничего лишнего.

Он поднялся на чердак к Кириллу, взял бинокль и долго изучал окрестности.

— Знать бы, где у них стоят лошади...

— Вон там, — Кирилл махнул рукой. — Вокруг голая степь. А за тем холмиком, я помню, была мескитовая рощица. Лошади, наверняка, стоят там, в тени. И лагерь у них там же. Дым поднимался оттуда.

— Думаешь, они опоздают с погоней?

— Не будет погони, — сказал Кирилл. — Они ждут, что мы рванем на юг. Похоже, что там приготовлена какая-то ловушка.

— Вот именно... — Илья опустил бинокль и потер глаза. — Поспать бы хоть часок.

— И то дело. Вздремни, а потом я. Через час меня сменишь.

— Кира, твой конь в порядке? У него бок порезан, ты видел?

— Не страшно. Зарастет.

— Когда все уйдут, заведем коней в дом.

— Почему не в сарай?

— Там опилки. Загорится. Нет, только в дом. Двери позволяют, я прикинул. У меня было такое в Сан-Себастьяне... — Илья мечтательно улыбнулся, покачивая головой. — Вот была заварушка так заварушка. Обложили со всех сторон, загнали нас в таверну. А там одна стенка стыковалась с конюшней. Так мы ее разобрали, завели лошадей в зал, и когда солдаты выломали двери, мы поперли на них верхом! Ты бы видел их рожи!

Пуля звонко шлепнулась о печную трубу, и Остерман длинно выругался по-испански.

— Нет, здесь поспать не дадут, пойду в сарай. На опилки. Надо будет дома устроить такое спальное местечко, с опилками и стружкой. Люблю запах дерева. А ты, небось, набьешь матрас водорослями?

— Зачем?

— Ну, чтобы море вспоминать. Привезешь себе полный фургон старых сетей, ракушек, да? Чтоб не скучно было. Я не представляю, как можно жить в Оклахоме и не свихнуться от скуки.

Еще одна пуля прошла крышу и застряла в стропилах.

— Это намек, — сказал Илья. — Пора идти в сарай. Кира, ты только не деликатничай. Договорились, что через час — значит, через шестьдесят минут меня разбудишь.

Он ушел, а Кирилл перебрался к другой бойнице, чтобы ответить стрелку, который стал ему досаждать.

В бинокль он разглядел несколько камней, из-за которых тянулся длинный ствол. Кирилл положил «спрингфилд» на мешок с крупой и прицелился. Он не спешил стрелять, потому что хотел сначала определить силу ветра.

«Водоросли? Хорошая идея, — подумал он. — Но почему он думает, что я останусь здесь? К чему тогда мне дом на берегу залива? К чему мне шхуна, если я осяду в Оклахоме? Да и чем я буду здесь заниматься?»

Он снова поднял бинокль — и вовремя. За камнями приподнялась шляпа с заломленными спереди полями. Длинный ствол зашевелился, и Кирилл, отложив бинокль, вжал приклад в плечо.

Вспышки не было видно, зато выстрел поднял целый смерч пыли перед каменным укрытием, и она понеслась в сторону, смешиваясь с пороховым дымом. Кирилл сделал поправку на ветер и нажал на спуск.

Он стрелял из глубины чердака, не высовывая ствол, поэтому все вокруг заволочло дымом. Перебежав к соседней бойнице, он с трудом поймал биноклем ту самую кучку камней. Сначала показалось, что там никаких перемен. Понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть приклад винтовки, который торчал за камнями. Ну, а если винтовка смотрит прикладом в небо, значит, хозяину сейчас не до нее...

«Вот чем я буду здесь заниматься, — подумал Кирилл, вставляя новый патрон. — Охотой. Замечательный предлог для того, чтобы остаться в одиночестве. Уйду подальше, устроюсь в красивом месте, открою книжку.... А подстрелить чего-нибудь на ужин всегда успею».

Именно так он проводил свои лучшие часы в море. Сидел в тени под парусом и читал, бросая взгляд на облака или на волны. Иногда Кирилл пытался делать какие-нибудь записи, но получалась ерунда в стиле судового журнала. Нет, писать он мог только на земле, за прочным и неподвижным столом, где листы бумаги не норовят упорхнуть в открытый иллюминатор, подхваченные бризом...

«Оклахома — вот место, где я мог бы написать свои лучшие книги, — думал он. — Здесь тихо и пусто, как в море во время штиля. Эх, жалко, что мы с Питером спилили тот дуб! Замечательный был дуб. Как хорошо было бы сидеть под ним и смотреть на далекие холмы, и ждать, когда внизу, на тропинке, мелькнет белая косынка Полли...»

Он вспомнил о том времени, когда мечтал стать писателем. Когда-то он даже напечатал несколько рассказов в разных журналах. Потом жизнь закрутила так, что было не до литературы. А когда все понемногу улеглось, и он снова попробовал взяться за перо — ему подвернулись его старые рассказы. В них было много достоинств, но не было главного — новизны. Какой смысл писать о том, что и так всем хорошо известно?

Это все равно, что подсовывать корове вместо свежего сена пустую солому. Корове все равно, что жевать. Но человеку не нужна жвачка. (Кстати, а корову кто-нибудь спрашивал, нравится ли ей солома?) Человеку нужно...

— Нужно приготовить керосин, — сказал он вслух, чтобы разогнать сонливость. — Когда станет совсем трудно, сами подожжем сарай.

* * *

Работники были весьма недовольны тем, что Илья и Кирилл оставались на ранчо.

— Нехорошо это. Вместе отбивались, вместе и прорываться будем...

— Нам пока нельзя уходить, — сказал Кирилл. — Мы тут друга ждем. Не хотим разминуться.

— Как же он придет, когда тут все обложили?

— Он придет, — улыбнулся Илья. — Все готовы? Пошли.

Поднявшись на крышу, Кирилл увидел знакомый дымок, вьющийся за холмом. У него не было сомнений, что это был дым от костра, на котором готовили ужин.

Ковбои Клейтона оставались ковбоями, и не могли изменить своим привычкам. Они были способны провести в седле весь день, от рассвета до заката, ни разу не сойдя на землю даже ради малой нужды. Но на закате ковбои собирались у кухонного фургона. И не было силы, способной отогнать их от котла с тушеными бобами. Подкрепившись и выпив кофе, они выкурят по самокрутке, и только после этого снова будут готовы воевать...

Конечно, кто-то из них, самый невезучий, сейчас наблюдает за чертовым ранчо, из — за которого приходится торчать на посту, пока другие разбирают самые лакомые куски жареного мяса. Кирилл надеялся, что наблюдатели больше смотрят в сторону костра.

Солнце садилось быстро, и от земли потянуло холодом. Низины между холмами быстро затягивались легкой дымкой.

Он положил рядом с собой все четыре винтовки, чтобы не тратить время на перезарядку. Слышно было, как заскрипели ворота загона, как перетаптывались лошади, принимая седоков. Вот Илья перебежал по двору, прижимая к груди несколько винтовок. Он

встал на лесенку и просунул ствол в бойницу забора.

Слаженный топот копыт заставил Кирилла прильнуть к винтовке. Он держал в прицеле кусты, ярко освещенные закатными лучами. «Ему не позавидуешь, — подумал Кирилл о стрелке, что прятался в кустах. — Солнце бьет прямо в глаза».

Уносящихся всадников не было видно, но копыта звучали все глуше, и он радовался, что им удалось вырваться так далеко, не вызвав огня.

Уловив какое-то движение в кустах, он выстрелил. Взметнувшаяся пыль выдала недолет, и из второго «спрингфилда» он уже взял выше.

Внизу гулко рывкнул «шарпс» Ильи. И сразу же несколько пуль ударили по стене дома. «Отвечают! — обрадовался Кирилл. — Они бьют по дому, а не по ребятам. Неужели получилось?»

В сумерках стали видны вспышки выстрелов, и он ответил им, не особо целясь, лишь бы побыстрее. Противник не должен заметить, что на ранчо осталось только двое. Илья тоже выпустил подряд несколько пуль и побежал обратно к дому.

— Ну, теперь недолго осталось, — бодро заявил он, залезая на чердак и затаскивая за собой лестницу. — Если они заметили, как наши ушли, то до утра не дотерпят, ночью обязательно сунутся к дому. А если не заметили, то у нас будет еще один день, чтобы дожидаться Энди.

28

На зеленом сукне стола был расстелен белый платок, на котором лежал разобранный револьвер. Энди Брикс старательно чистил ствол ершиком.

Питер Уолк сидел на диване, обхватив голову руками.

— Что же делать? — проговорил он, морщась, как от зубной боли. — Что будем делать, Энди?

— Ничего, — спокойно ответил Брикс. — Надеюсь, Том и судья сумеют их разогнать. Нам пора уходить.

Он накрыл блестящие детали ладонью, сгреб их, что-то щелкнуло — и в руке появился собранный револьвер.

Питер Уолк вскочил с дивана.

— Ты так спокойно говоришь! Ахо — мой родственник! Я не могу его бросить.

— Никто никого не бросает, — сказал Брикс. — Судья Бенсон не даст линчевать твоего родственника. Он вызовет маршала. И маршал проследит, чтобы все было по закону. А мы с тобой — беглецы. Мы вне закона.

— Значит, можем поступать не по закону, а по совести, — сказал Питер. — Дай мне револьвер. Я разгоню этих баранов!

— Не дам. Самому нужен. Ты же слышал, о чем трепались охранники. Местные ковбои обложили моих друзей на ранчо Коннорса. Значит, мое место там, а не здесь.

Энди воткнул револьвер в кобуру и тут же выдернул его. Недовольно нахмурившись, вернул кольт обратно, поправил ремешок, оттянул клапан и снова выхватил оружие.

— До чего же я не люблю пользоваться чужими вещами, — проворчал Брикс. — Надо бы спросить у Рэймонда, куда подевалось мое барахло.

— Что тебя не устраивает?

— Кобура тесновата.

Он поднялся по ступенькам к выходу. Едва приподняв голову над стойкой бара, Энди осмотрелся. Ему не понравилось, что у одного из шахтеров за поясом торчал револьвер. Вполне возможно, что и другие горняки могли быть вооружены. Они свирепо уставились на связанного индейца, и потому не заметили Брикса.

Он, пригнувшись, скользнул в угол буфета и обнаружил там обрез дробовика, подвешенный под кассу. Как видно, судья Бенсон в своем бизнесе полагался не только на Слово Божье. Энди снял дробовик с гвоздя и вскочил на ящик, стоявший рядом.

— Внимание, джентльмены! — громко объявил он, наведя на шахтеров обрез. — Прошу всех лечь на пол!

Шахтеры, оторопев от неожиданности, не сразу поняли, что от них требуется.

— Лечь, уроды! — заорал Брикс, и, как только они опустились на колени, спокойно добавил: — Лицом вниз, пожалуйста! Судья! Развяжи моего друга!

— Не надо, — сказал индеец, стряхивая с себя веревки. — Я сам.

Потирая запястья, он наклонился над одним шахтером и вытянул из — под него револьвер, а у второго забрал длинный тесак, спрятанный под робой.

— Шериф, мне надо тебе кое-что сказать, — произнес индеец. — Я видел того, кто убил инженера. Я знаю, зачем его убили.

— Здесь теперь новый шериф, — сказал Мерфи. — Если хочешь, расскажи это ему.

— Новый? Похожий на мексиканца? В куртке с серебряной вышивкой? Нет, с ним у меня будет другой разговор. — Индеец повернулся к Бриксу. — Друг, нам надо уходить.

— Я тоже так думаю, — сказал Энди.

Он кинул дробовик Питеру, который вылез из люка, перемахнул через стойку и подошел к дверям салуна. Посмотрел через щелку на толпу, запрудившую площадь, и повернулся к Бенсону:

— Судья, мы можем выйти через кухню?

— За домом такое же столпотворение.

Один из шахтеров поднял голову и прохрипел:

— За домом стоит дерево. На нем много хороших крепких веток. И мы повесим там краснокожего и всех его дружков!

Энди Брикс всегда считал, что стоит на стороне трудяг. Но сейчас ему подумалось, что богачи не так уж и плохи. По крайней мере, с ними легче иметь дело. А тот, кому нечего терять, иногда бывает ужасно несговорчивым.

Попробуй, объясни разъяренной толпе, что Энди торопится на выручку к своим друзьям, которые, как и он, всем сердцем сочувствуют тяжелой шахтерской доле! Ему и слова не дадут сказать, порвут на мелкие куски...

Вдруг на площади захлопали револьверные выстрелы, и Брикс присел у порога, чтобы не словить шальную пулю.

— А ну разойтись! Расходитесь по домам! Пошли вон отсюда, грязные собаки! — разносился над площадью чей-то злобный голос.

Энди махнул рукой Питеру:

— Живо наверх! Прикроешь меня!

Мерфи подскочил к окну, держа револьвер наготове.

— Там эта сволочь, — сказал он. — Новый шериф.

— Вот и прекрасно, — сказал Энди и шагнул на крыльцо.

Толпа, только что казавшаяся монолитной, вдруг начала редеть на глазах, она рассыпалась, как ком земли под дождем. Казалось невероятным, что причиной панического бегства был всего один всадник. Он яростно взмахивал плетью, и шахтеры бежали от него, теснясь в проходах между бараками.

Энди Брикс небрежно присел на перила крыльца. В его голове успел созреть прекрасный план: надеть шахтерскую робу, затесаться в толпу и исчезнуть вместе с ней. На полу в салуне лежали как раз четверо — их одежды хватило бы и на Мерфи, и на Питера, и даже на индейца.

Такое совпадение нельзя считать случайным. Судьба подбрасывала им отличный шанс, и Энди Бриксу было немного стыдно оттого, что он этим шансом не воспользуется. Судьба зря старается. Лучше бы она оставила хоть один шанс для того подонка, что сейчас подъезжал к салуну, хлеща плеткой последних удирающих шахтеров.

Площадь опустела, и в клубах поднятой пыли остались только всадник — и труп на черном брезенте.

— Хорошая работа, шериф, — сказал Брикс. — Я уж думал, придется торчать тут до

ночи.

— Ты?

Шериф побелел от злости. Ясное дело, он бы предпочел, чтобы в руке у него оказалась не плетка, а кольт.

— Не дури, ты у нас на мушке! — предостерег Энди. — Разойдемся по — хорошему.

— Кто вас выпустил? Ты знаешь, как я должен поступить при попытке к бегству? Знаешь, что мы на Юге делали с беглецами? Мы травили их собаками, как шакалов. А потом подвешивали возле плантации, чтобы всем было видно! И трупы висели, пока не начинали разваливаться...

Брикс, не отвечая, следил за тем, как шериф запикивает плетку за голенище. Вот его руки вернулись к поводьям, но правая тут же легла на пояс.

Шериф гордо откинулся в седле, выставив локоть. Он хотел изобразить подлинного аристократа, и при этом переместить пальцы поближе к рукоятке револьвера. Он собирался произнести гневную, хотя и бессмысленную, речь, не для того, чтобы заставить беглецов вернуться в клетку, а только чтобы отвлечь их внимание — и тогда, чем черт не шутит, можно попытаться...

Энди Бриксу были знакомы подобные уловки, и он повторил:

— Не дури. Хватит нам и одного покойника.

Взгляд шерифа скользнул по окнам салуна, и на его лице мелькнула тень улыбки. «Ну, Питер, ну и олух! — подумал Энди. — Нет бы высунуть ствол из окна! А теперь этот подонки решит, что я блефую...»

— Ты прав, — сказал шериф. — Один покойник — вполне достаточно. Поэтому ты пока останешься в живых...

Между бараками что-то мелькнуло, грохнул выстрел, и Энди отшатнулся. Пуля ударила в столб. Острые щепки хлестнули по глазам.

— Брось оружие, иначе ты мертвец!

Он увидел ствол винчестера, глядевший на него из-за угла барака, и шагнул вперед, поднимая руки.

Шериф уже навел на него кольт и спросил, улыбаясь:

— Где остальные?

— Пусть сбросит пояс! — снова крикнул человек, стрелявший из винчестера.

— Слышишь? — Шериф повел стволом. — Просто расстегни пряжку. Так тебе будет легче отвечать на вопросы. Дурные мысли перестанут лезть в голову.

— Ладно, ваша взяла, — проворчал Энди.

— Отвечай быстро! Где остальные?

«Черт, я и сам бы хотел это знать! Куда они подевались? — думал он, спускаясь с крыльца. — Куда смотрит Том? Почему бы ему не засадить шерифу пулю в лоб? Ну ладно, Питер, деревенщина. Но Мерфи!»

Его руки сошлись над пряжкой оружейного пояса, и он снова заговорил:

— Вот ты на меня вешаешь попытку к бегству? Но, если подумать, то я ведь никуда не убежал. Отсюда до участка всего-то пара минут, какое ж это бегство? По законам Техаса, к примеру, ты можешь обвинить меня только в самовольной отлучке...

Он выиграл еще один шаг, пока произносил эту фразу. И теперь краем глаза видел подонка, что стоял слева от него, между бараками. Стоял нагло, посреди прохода, с винчестером у плеча. «На твоём месте я бы прижался к стенке, — подумал Энди. — Ты слишком опасен. Опаснее, чем шериф.»

Дальше тянуть было нельзя. Левая ладонь скользнула по курку, взведя его, а правая уже сжимала рукоять. Не вынимая кольта из кобуры, он навел его, нажал на спуск и отскочил в сторону.

Развернулся в прыжке, уже с кольцом в вытянутых руках, ствол снова направил на шерифа. Тот пригнулся к шее коня, и сам выстрелил, окутываясь дымом. А потом сполз с седла, цепляясь за гриву, и падая в пыль...

Энди подбежал к нему и ногой отшвырнул револьвер.

— Говорил я тебе, не дури!

Шериф держался одной рукой за грудь, между пальцами пузырилась розовая пена.

Брикс перебежал к баракам, на всякий случай держа револьвер перед собой. Но тот, в кого он стрелял, уже был не опасен.

— Вот видишь, — сказал ему Брикс. — Если б стоял у стенки, получил пулю в ногу. Все лучше, чем в живот.

Он вернулся к шерифу, и понял, что тот не жилец. Лицо его быстро серело.

— Как ты это сделал... — еле слышно выдавил шериф, не сводя с Брикса затуманенных глаз. — Я никогда не промахиваюсь...

— И никогда больше не промахнешься, — Брикс присел над ним. — Ты знаешь, кто убил Коннора? Эда Коннора?

— Форсайт... Он приказал... — Шериф попытался шевельнуть рукой, но она, похоже, уже не повиновалась ему. — Мои стволы... Возьми их себе...

Брикс достал у него из наплечной кобуры «ремington» со спиленной мушкой.

— Пусть.... Пусть будет у тебя. Жалко, если достанется какому-то лопуху, верно?

Губы, серые и смятые, как оберточная бумага, раздвинулись в последней усмешке, и голова безвольно склонилась к плечу.

Энди закрыл покойнику глаза и встал. «Форсайт, Форсайт, что-то знакомое», — подумал он.

Только теперь ему стал слышен шум, доносившийся из салуна. Гремела мебель, звенело битое стекло, и ругань неслась отменная — на нескольких языках. «Шахтеры! — подумал он. — Нет, никогда не буду иметь дело с беднотой! Стоило Мерфи повернуться к ним спиной, как они подняли восстание!»

На крыльце появился индеец. Он запрыгнул на лошадь шерифа и подъехал к Бриксу.

— Мерфи хорошо дерется, — сказал он. — Не знаю, нужна ли ему твоя помощь. Моя — точно не нужна.

— Куда ты?

— На ранчо Коннора.

— И мне туда же. Подожди, я сейчас.

Он приоткрыл дверцы салуна и увидел, как Мерфи сражается сразу с двумя шахтерами. Третий сцепился с Питером, они катались по полу среди обломков стульев. Четвертый сидел под стойкой, а Бенсон перевязывал ему голову.

— Рэймонд, как насчет моего барахла? — спросил Энди с порога, не решаясь войти.

— Кобыла в конюшне, оружие под мешками с овсом.

— Если найдешь время, помоги раненому. Лежит у барака. У него пуля в животе. Надо поскорее чем-то заткнуть дырку.

— Возьми полотенце.

— Э, нет, я тороплюсь! — Однако он все же задержался на пороге, чтобы поделиться с Бенсоном глубочайшей мыслью: — Кто-то дырявит людей, а кто-то их штопает. У каждого — свой бизнес.

* * *

Возле аптеки индеец пересел на пятнистого мустанга, но и шерифскую кобылу не бросил. Они поскакали по дороге, обгоняя шахтеров, которые с узлами за спиной, даже не сбросив черные робы, шагали в сторону железной дороги. Шахтеры покидали поселок.

Брикс, невольно любуясь посадкой индейца в седле, спросил:

— Мы раньше не встречались? Твое лицо мне кажется знакомым. Прости, я забыл, как тебя зовут?

— Мое имя — Ахо. По-вашему значит «молитва». Я молился за твое здоровье, когда Лукас вытаскивал из тебя пули. Ты меня не помнишь. Ты спал.

— Да, я спал, — сказал Брикс. — Долго спал. Только сейчас проснулся по-настоящему. Пока не постреляешь — не проснешься.

«Хорошая была стычка, — думал он. — Они думали, что справятся, двое на одного! Как удачно, что чужая кобура оказалась такой тесной. Она сама подсказала мне самый быстрый способ стрельбы. Надо будет обязательно показать новый трюк Крису. Он-то оценит...»

— А что за дела у тебя на ранчо?

— Крис ждет там.

— Он и меня там ждет. Поторопимся, Ахо!

Кобыла перешла на рысь, легко обойдя мустанга, и тот засопел сзади, и одним рывком поравнялся с ней. Лошади рвались вперед, их не приходилось подгонять, и Брикс подумал, что им тоже не терпится поскорее оказаться на ранчо Коннора.

Едва перевалив через холмы, окружавшие поселок, Брикс увидел впереди на дороге небольшой отряд всадников.

— Рейнджеры, — сказал Ахо. — Свернем на другую дорогу?

— Зачем? Кажется, нам по пути. Но откуда в Оклахоме взялись рейнджеры? Тут же нет границы.¹⁵

— Их еще называют «железные люди». Но в них нет железа. Слова белых людей редко имеют смысл.

Они скакали за отрядом, не отставая, но и не приближаясь. Всадники вытягивались змейкой, поднимаясь на холм, и пропадали за ним, а потом показывались на следующем подъеме.

Брикс подумал, что если в отряде и найдется очень бдительный всадник, который будет постоянно оглядываться, он не заметит ничего подозрительного.

— Стреляют, — сказал Ахо. — Слышишь? Бьет «спрингфилд».

Брикс кивнул, хотя ничего не расслышал.

— Ранчо уже близко. Хорошо, что стреляют. Значит, еще есть патроны.

«И есть, кому стрелять», — мысленно добавил он.

Когда среди сухой травы потянулись рыжие языки голой земли, Брикс понял, что скоро будет видно и ранчо. Но в следующую минуту ему показалось, что он заблудился — куда-то исчезли знакомые силуэты конюшен, еще недавно высившиеся на холмах.

— Ночью был пожар, — сказал Ахо. — Все небо светилось. Хорошие были конюшни у Коннора.

Они остановились, чтобы осмотреться. Индеец вытянул из седельной сумки подзорную трубу.

— Птицы над рощей толкуются, — показал Энди. — Что там?

— Фургон. Костер. Лошади. Людей не видно.

— Усадьба, вроде, не горела?

Ахо долго глядел в трубу, потом отдал ее Бриксу.

За мутноватым стеклом выросли знакомые саманные стены. Энди вспомнил, как когда-то они вместе с Эдом их возводили. Коннорс хотел, чтобы дом был высоким, потому что слишком долго ютился в пещерах. И дом получился выше всех в округе. Его белый куб возвышался над забором, над тонкими деревцами, тоже посаженными Коннорсом.

Покатая крыша оказалась поврежденной в нескольких местах, там темнели дыры. Хотя, возможно, то были не дыры, а бойницы. Нижние окна были закрыты толстыми ставнями, а верхние — заложены мешками. И никого не видно. Все попрятались. Или ушли.

— Мне не нравится, что у рощи лошадей мало, — сказал Ахо. — Эти лошади привезли фургон. А где остальные?

— Какая разница? Давай лучше подумаем, как попасть в дом, да так, чтобы нас не

¹⁵ рейнджеры — вооруженные формирования, созданные для патрулирования границы с Мексикой

подстрелили свои или чужие.

— На войне надо знать все, — важно произнес индеец. — Не оставляй за спиной загадок, и они не выстрелят в тебя.

Брикс вдруг понял, кого напоминал ему этот кайова. Он узнавал в нем себя. А последние слова и сам часто произносил, когда удерживал нетерпеливых друзей.

— Не всякая загадка имеет ответ, — сказал он так же многозначительно.

Индеец снова приник к трубе, а потом сложил ее и спрятал в сумку, при этом на его непроницаемом лице мелькнуло подобие довольной улыбки.

— Ответ не имеет значения. Если ты понял смысл загадки.

Энди надоело философствовать, и он сказал:

— Короче говоря, ты думаешь, что где-то целая толпа ковбоев стоит в засаде и поджидает нас?

— Когда дерутся из-за земли, перекрывают все дороги. Чтобы посторонние не мешали. Местные знакомы с таким обычаем, и сидят дома, пока стрельба не утихнет.

— Тогда поехали за рейнджерами. Они не похожи на посторонних. И мы тоже сойдем за своих.

— Ты слишком торопишься.

Брикс и сам понимал, что сейчас лучше бы не пороть горячку. Но он рвался в бой. Его обжигал стыд при мысли о том, что Крис, возможно, сейчас отбивается один, и не первый день, а он в это время валялся на койке, а потом бездельничал за решеткой!

Однако кайова был прав. Спешка могла все сгубить.

Они принялись неторопливо кружить по холмам, то скрываясь за ними, то забираясь повыше, чтобы все досконально рассмотреть, изучить, сосчитать и отмерить. Каждый раз, когда над степью раскатывались выстрелы, у Энди замирало сердце — и снова начинало стучать лишь после гулкового ответа «спрингфилда».

Засада пряталась у тропы, по которой Коннорс гонял табун в степь. Оседланные лошади скрывались за мескитовой рощей, а стрелки, украсив шляпы ветками, расположились в кустах. Они не слишком заботились о маскировке — некоторые сидели, кто-то даже курил. Ясно, что они дожидались сигнала.

— Интересно, кого они ждут? — сказал Брикс, отдавая подозрную трубу индейцу. — Если хотят отсечь подкрепление из города, то почему все время смотрят на усадьбу?

— Значит, они ждут тех, кто выйдет из усадьбы.

— Крис не такой дурак, чтобы двинуть по тропе.

— Возможно, у него нет выбора.

На закате половина стрелков покинула позиции и отправилась за рощу, где дымился костер, и откуда доносился запах подгорелого хлеба.

— Дождемся ночи, — сказал Брикс. — И пойдем к нашим. Будем надеяться, что они нас узнают раньше, чем выстрелят.

Но им не пришлось дожидаться ночи.

Со стороны усадьбы ударил «спрингфилд», ему ответил винчестер, и несколько минут продолжалась ожесточенная перестрелка.

Все стихло так же неожиданно, как и началось. Ковбои, оставшиеся в засаде, один за другим поднимались с земли и, пригибаясь, перебежали к лагерю.

А там уже выстраивалась цепь всадников. С одного фланга плотно стояли рейнджеры в длинных плащах, с винтовками поперек седла. С другого теснились ковбои. В подозрную трубу было хорошо видно, что рейнджеры стоят спокойно, а ковбои кружатся на месте, толкаются, и некоторые то отъезжают от толпы, то возвращаются. Отдельно гарцевал, видимо, командир. Он кричал, размахивая револьвером.

— Штурм, — сказал Энди. — Они идут на штурм. Рейнджеры уже готовы, а ковбои... Э, да они отказываются! Он их уговаривает, а они мотают головой, как упрямые ослы!

— Не потеряй трубу, — сказал Ахо, взлетев в седло. — Я их отвлеку. А ты постарайся успеть...

Мустанг взбил облако пыли и понесся вниз по склону, прямо на тот участок тропы, где еще недавно скрывались стрелки. Пронесаясь мимо рощи, индеец вытянул руку и принялся на ходу стрелять из револьвера. В ответ защелкали винчестеры, и через минуту нестройная цепочка всадников вылетела из-за деревьев вдогонку за Ахо.

Энди погнал кобылу к усадьбе. Сумерки сгущались быстро, и он ругал себя за то, что промедлил. Надо было прорываться сюда раньше, при свете. Тогда Крис разглядел бы его. А сейчас оставалось только молиться...

Не выдержав, он закричал:

— Крис! Крис! Это я, Энди! Не стреляй!

Он подлетел к усадьбе и направил кобылу вправо, к загону. Ворота, наверняка, забиты, но его лошадь сможет перемахнуть через ограду, лишь бы они не стреляли...

Как только копыта застучали по утоптанной глине загона, Энди слетел с седла и кубарем перекатился под стену дома.

— Это я! — задыхаясь, прокричал он.

— Хочешь, чтоб об этом услышали в Техасе? — раздался знакомый насмешливый голос.

— Билли! Ты уже здесь!

Сверху опустилась лестница, и Брикс торопливо взобрался по ней на крышу.

Крис хлопнул его по плечу и вручил «спрингфилд»:

— Ты очень вовремя. Мы уже спим на ходу. Приглядишь за хозяйством, пока мы вздремнем?

— Они готовятся к штурму! Я видел, они уже выстроились!

— Когда пойдут, разбудишь, — сказал Крис и повалился на тюфяк в углу под кровлей.

А Билли уже лежал там, свернувшись калачиком.

Энди Брикс обескуражено почесал затылок, перевел дух и встал к бойнице.

29

Ночь стояла лунная, и сверху хорошо было видно тех, кто подкрадывался к усадьбе. То были рейнджеры, и их брезентовые плащи призрачными пятнами светились даже в самой глубокой тени. А когда они переползали освещенные участки склона, то казались странными насекомыми, вроде гигантских мокриц — нечто бесформенное, без рук и ног, но подвижное и мерзкое. Их прикрывали ковбои, паля оттуда, где еще недавно высились конюшники.

— Что за мода такая, все в одинаковых плащах? — зевнув, спросил Илья. — Не жарко им?

— Скоро им будет жарко, — пообещал Кирилл.

— Не жарче, чем нам, — проворчал Брикс из своего угла. — Зря вы ребят отпустили. Нам бы сейчас не помешали четыре лишних стрелка.

— Они устали, — сказал Илья.

— Подумаешь! Это их ранчо, их работа...

— Умирать за чужое добро — не их работа. Нет, Энди, ты бы и сам не стал их удерживать. Мне спокойнее воевать с голой спиной, чем когда ее прикрывает ненадежный стрелок.

Рейнджеры приближались, и Кирилл уже мог разглядеть, что у них не было винтовок. По крайней мере, у тех, кто полз к дому с его стороны. Значит, они рассчитывали на ближний бой. Перебраться через забор. Войти в дом. А чтобы перестрелять осажденных внутри дома, нужна не винтовка, а револьвер. Все правильно, но как они собираются войти в дом?

Сильный удар по стропилам стряхнул пыль с кровельных перемычек. По звуку выстрела Кирилл понял, что по дому бьют уже не из винчестера.

— Это с моей стороны, — слышался спокойный голос Ильи. — Мои залегли. Будут обстреливать.

— У меня такая же дрянь, — отозвался Брикс. — Пожалуй, пора им ответить.

— Осторожнее, — сказал Кирилл. — Кажется, у них «маузеры».

Еще одна пуля прошла деревянную стену чердака и впилась в балку. Илья и Энди открыли ответный огонь. А Кирилл выбрался через слуховое окно и залег на кровле за печной трубой. Отсюда ему лучше был виден двор.

Он не сомневался, что сейчас рейнджеры приставят к забору лесенку, которую приволокли с собой. Или накинута крючья с веревками. Ему надо было, чтобы хотя бы некоторые из них попали во двор. И остались здесь, откуда их тела не так-то просто будет забрать.

Однако рейнджеры решили обойтись без лестниц и крючьев. Через забор перелетело что-то темное, с искрящимся хвостом.

— Динамит! — крикнул Кирилл, ныряя обратно в прореху кровли.

Он сорвал крышку люка и прыгнул в комнату, где стояли лошади. Успел добежать до окна и стянуть мешок, чтобы выбраться наружу, но выбраться уже не успел. Пол дрогнул под ногами, а грохот был таким сильным, что Кирилл схватился за уши. С потолка метелью закружила побелка, и лошади враз поседели. Они держались на удивление спокойно, только прижались теснее.

С крыши снова ударили винтовки Илья и Брикса, и Кирилл, стряхнув пыль с глаз, нырнул в окно.

Двор затянуло клубами дыма. Он перебежал к углу и присел за бочкой с водой, держа загон под прицелом колья. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда он увидел двоих на решетке загона. Их плащи зацепились за колючую проволоку, они дергались и раскачивались, но только крепче увязали в ловушке.

В другое время он бы обязательно предложил им сдаться. Но не сейчас. Он выстрелил, целя в грудь. Он не мог промахнуться — но противник только вскрикнул от боли и сам принялся палить в его сторону из револьвера.

Кирилл выстрелил по второму — и тоже безрезультатно. А за решеткой уже показались два других рейнджера, и они стреляли по нему сквозь жерди ограды. Пули молотили по бочке, вода хлестала струями во все стороны.

Кирилл перекатился за долбленое корыто и стал стрелять, прикрываясь им. На этот раз он целился в голову. Оба рейнджера повисли над оградой, продолжая раскачиваться на проволочных рядах. Дым становился все гуще, и Кирилл потерял из виду тех, кто оставался снаружи.

Новый взрыв подбросил его в воздух. Горячая волна обожгла лицо. Он ударился о землю, и град камней забарабанил по корыту. «Забор взорвали», — понял он, разворачиваясь в сторону взрыва.

В проломе выросла долговязая фигура. «Не в плащ!» — приказал он себе и тщательно прицелился в голову. Рейнджер шагнул вперед. И вдруг обмяк, ноги подкосились, и он рухнул на землю.

— Прикрываю! — раздался еле слышный голос Брикса. — У этих ублюдков плащи с начинкой! Бей по ногам!

— Ты своих держи! — крикнул Кирилл, выхватывая второй револьвер.

Он кинулся к пролому, не чувствуя ног под собой. От звона в ушах голова, казалось, сейчас разорвется. В дыму мелькнул светлый вытянутый силуэт, и Кирилл засадил в него три пули. Это было похоже на сон — стрелять, не слыша звука выстрелов. Только отдача, бывшая в ладонь, только конусы пламени, вылетающие из ствола! Рейнджер согнулся, отступая, и четвертая пуля ударила его в голову.

— Уходят! — доносился голос Брикса откуда-то издалека.

Кирилл ухватил рейнджера за скользкий брезентовый ворот и, морщась от неимоверной тяжести, поволок его за собой.

Разобрав трофеи, они не испытали особой радости. Брезентовые плащи были подшиты изнутри стальными пластинками. Вещь, конечно, в хозяйстве полезная, но как носить в таких доспехах по чердаку, от бойницы к бойнице?

Реvolverов у них и так хватало, а вот винтовка досталась всего одна. Зато какая! Новенькая винтовка системы Крага, которая только что поступила на вооружение федеральной армии. В подсумках убитого Ильей рейнджера оказалось десять патронов.

— Теперь-то они не подойдут так близко, — Энди приложился к винтовке и поводил стволом. — Тяжелая штука. Бьет на тысячу шагов, не меньше.

— Единственное, что мне в ней нравится, так это магазин, — сказал Илья. — Можно вставлять патроны по одному, а не пачкой, как в «маузере». Но затвор туговат.

— Кому туговат, а кому в самый раз, — заявил Брикс и, с винтовкой на плече, отправился к своей бойнице.

Кирилл едва разбирал слова друзей. Их голоса звучали словно за толстой войлочной дверью. Оглушенный взрывом, он до сих пор не пришел в себя. Самым неприятным было то, что у него вдруг начали трястись руки. «Не страшно, — решил он. — Буду стрелять с опоры. А дойдет до револьверов, так на десяти шагах никто и не заметит, что руки дрожат. Лишь бы не заснуть. Говорят, контуженные засыпают на ходу»...

— Кира, не спи! — Илья встряхнул его за плечо. — Уже недолго осталось. Сейчас они поменяют штаны и к рассвету снова бросятся. Тут-то им и конец.

Брикс снова подошел к ним и бесцеремонно запустил руку в карман Кирилла, доставая портсигар.

— Курить охота, а трубку потерял. — Он раскурил сигару и закашлялся. — Тьфу, гадость. Слушайте, парни, а кто такой Форсайт? Шериф, прежде чем испустить дух, сказал, что именно Форсайт приказал убрать Эда.

— Мы знаем, — сказал Илья. — Тут у нас гостил один паренек. Он все рассказал. Хочешь знать, кто такой Форсайт? Откормленный боров, весь в золоте. Жуткий трус. Когда ложится спать, у кровати сидит охранник. Ездит только с охраной, не меньше трех человек. Мечтает жить в пустыне. Чтобы никого вокруг, ни души. Только он, охранники и скотина.

Еще он мечтает построить бойню. Чтобы не возиться с продажей ворованного скота. Ведь зачем люди воруют коров? Вовсе не для того, чтобы сделать пару бифштексов. Нет, украсть корову — только половина дела. Надо еще превратить корову в деньги. Самый простой и надежный способ — сдать на бойню. Но здесь нет боен. Пока. А теперь прикинь, как подскочат капиталы Форсайта, когда со всей Оклахомы к нему потекут реки краденой скотины!

— Коннорс ему мешал?

— Наверно. Эд один оставался здесь, между реками. Все фермы — на том берегу, в Мертвой долине. Но Форсайт и туда доберется. Он уже заплатил нужным людям, и в Мертвую долину идут землемеры. Скоро фермеров оттуда погонят.

Брикс прищурился, разгоняя дым.

— Ну, Крис, не понимаю. Как ты можешь такое курить? А что, братишки, эта винтовочка и вправду бьет на тысячу шагов? Очень хочется проверить. Билли, а где живет Форсайт? Только не говори, что ты об этом даже не думал!

— И думал, и даже прогулялся по его землям, и любовался его избушкой, — сказал Илья. — Но винтовка делу не поможет. Думаешь, он сам по себе? Думаешь, он потому решился затеять такое громадное дело в одиночку, что самый умный и смелый? Я же тебе говорю — он тупой, жирный боров, увешанный золотом. Да его бы в Аризоне слопали за месяц, со всеми перстнями и охранниками!

Разгорячившись, Илья даже отвернулся от бойницы и потряс кулаком в воздухе.

— Как я их ненавижу.... Ничтожество. Полный ноль. Единственное усилие, на которое он способен — потужиться в сортире. Все остальное за него делают другие. Но за ним стоит сила. Уберешь Форсайта — тут же появится новый. Как патрон в затворе винчестера. Пустая

гильза еще кувыркается в воздухе, а новый патрон уже готов к выстрелу.

Знаешь, Энди, чем отличаются просто деньги от больших денег? Простые деньги, если очень постараться, могут превратиться либо в большие деньги, либо в ничто, в ноль. А вот большие деньги — с ними и стараться не надо, они сами собой превращаются — знаешь, во что? Во власть.

— То есть, кроме Форсайта, придется завалить еще пару козлов? — спокойно спросил Брикс.

— Завалить? Что за выражения! К тому же всех козлов не завалишь...

Кирилл осторожно обернулся к друзьям. Он старался не шевелиться лишний раз, чтобы не возник колокольный звон в ушах. Но ему вдруг пришли в голову очень важные слова. Он повернулся и сказал:

— Нет. Не завалить. Надо натравить на них других козлов. И пусть они топчут друг друга.

Несколько минут прошли в молчании. Наверно, каждый пытался представить себе столь живописную картину — стада Форсайтов в пылу схватки, треск рогов и предсмертный визг...

— Кто брал патроны из моей кучи? — сердито спросил Илья.

— Ну, я, — признался Энди. — А что?

— Что за бардак! Взял вещь, положи на место!

Посмеявшись, Кирилл пересчитал и свои патроны. Пять для «спрингфилда». Четыре для винчестера. Полная шляпа патронов для кольта.

И два часа до рассвета.

* * *

«Опоздали», — подумал Лука Петрович, увидев над холмами густое облако дыма. Багровое в лучах восходящего солнца, оно казалось пропитанным кровью. Он привстал в стременах и оглянулся:

— А ну живей!

— Загоним коней-то! — сердито отозвался Макар Никитин. — А пахать на тебе, что ль, будем?

Макар дольше всех упирался, не соглашаясь ехать куда-то на ночь глядя. Он вообще был самый упрямый и вредный, и Лука Петрович старался никогда к нему не обращаться. Но у Макара работали команчи, три десятка команчей, а этих ребят хлебом не корми, дай поноситься по степи на хозяйских лошадках.

Сыновья же у Никитиных под стать отцу. «Да без нас разберутся», «нам спать охота», «что мы там не видали, у Коннорсов» — поворчали-поворчали, а глядь — уже и сами на коне, и работникам винтовки раздают.

За вечер ему удалось поднять всех. Никто не отказал. И никто не спросил, зачем ему это надо.

Нет, Хлебников спросил, какой такой интерес у Волковых зарыть на чужом ранчо? «Стало быть, есть интерес», — отрезал Лука Петрович и глянул на дочку. Хлебников тоже посмотрел на Полю и, наверно, удивился — чего это она, ночь-полночь, на чужом коне да с оружием? Но больше ничего не спрашивал, снял винтовку, висевшую на гвозде в сенях, и пошел будить зятьев-шайенов.

Да, собрались все. Когда дорога взлетала на холм, Лука Петрович оглядывался — и сердце радовалось при виде длинной колонны, такой длинной, что конца не видеть.

Ранчо было еще не близко, когда в степи им попались несколько одиноких лошадей. Оседланные, но без седоков, одни щипали траву, другие бродили, озираясь. Подъехав ближе, Лука Петрович увидел их хозяев. Сначала одного, потом другого... Он насчитал шестерых, когда из-за кустов показался Ахо на своем мустанге.

— Ты к Коннорсам? — только и спросил Лука Петрович у зятя.

— Я там уже был, — ответил кайова и пристроился рядом.

— Где ты пропадал? — спросила Поля.

— Но ведь не пропал...

Индеец был с чужим оружием, и лицо его носило следы недавних побоев. Но спрашивать его о чем-либо сейчас было бесполезно, да и не нужно.

Ветер принес запах сгоревшего дома, и Лука Петрович остановился.

— В круг возьмем. Ты, Макарушка, раскидай свой народец по дорогам, чтоб никто не ушел. Лагерь ихний найдешь — так покамест не трогай никого. Ну, коней там постреляешь, чтоб не ушли. А так не трогай. Потом разберемся, кому чего.

Никитин кивнул и погрозил кулаком сыновьям, которые вполголоса о чем-то уже сговаривались.

— Хлебниковы, Акимовы, Евдокимовы! — продолжал командовать Лука Петрович. — Растянетесь там, остальные вон туда, за мной. Как только встретимся, начнем сходить к дому. Стрелять начнут — ближние залегли, дальние отвечают. У них винчестеры да револьверы, против наших винтовок им не устоять.

— Да ясно все, дядя Лука! — нетерпеливо махнул плетью старший из братьев Муромских. — Чай, не впервой! Пошли уж, пока не разбежались, потом ищи их в чистом поле...

— С Богом! — Лука Петрович положил тяжелый карабин поперек седла и поскакал, огибая холм.

Полина держалась сзади. Луке Петровичу хотелось бы, чтоб она осталась с Никитиными, на дорожной заставе. Уж больно не нравилась ему тишина, стоявшая за холмами. Бой либо кончился, либо взял передышку. Но что-то долгая передышка получается.... Лучше бы Поле оставаться подальше от того, что им предстоит увидеть и узнать обо всем от других...

Но она увидела все одновременно с ним.

Дом казался неповрежденным, хотя крыша сильно просела. Из верхних окон кое-где свисало тряпье. Над обугленными развалинами сарая клубился дым, свиваясь в облако. В проломе забора мелькали ковбои, они бегали туда-сюда, кто с мешками, кто с узлами. Их лошади стояли поодаль, и многие уже были навьючены.

«Хороший хозяин был Коннорс, — подумал Лука Петрович. — Запасливый. Таскать вам не перетаскать, добры молодцы».

Он увидел, что над забором белеет парусиновый верх его фургона, и с теплотой подумал: «Не обманул техасец, переставил телегу. Авось, и сам уцелел...»

Земляки, скакавшие сбоку, не удержались, увидев разграбление. Засвистали, кто-то пальнул, и воздух задрожал, когда кони понеслись лавиной.

«Евдокимовы отстают», — отметил Лука Петрович, крайне недовольный тем, что круг получался не круг, а черт те что. Где-то всадники неслись густой толпой, а где-то редкой цепочкой. Но, чем ближе они надвигались на усадьбу со всех сторон, тем плотнее становилось кольцо.

Мародеры замельтешили во дворе, одни кинулись к лошадям, другие попрятались за забором, кто-то даже осмелился выстрелить — но, видно, более сообразительные товарищи живо утихомирили стрелка. В кого стрелять? Их окружало около двух сотен всадников!

— Стой здесь, — приказал Лука Петрович дочке и подозвал Ахо. — Присмотри за ней.

Он выехал из круга вперед и приблизился к воротам усадьбы.

— Если Боб Клейтон здесь, пусть выйдет, — сказал он, не напрягая голоса.

Но его услышали. Главарь ковбоев показался над забором.

— Не хочешь выйти? — спросил Лука Петрович.

— Мне и здесь хорошо. Зачем ты приехал?

— За своим фургоном.

— Забирай.

— Не могу, Боб. Он стоит в чужом дворе. Я не могу туда войти, пока меня не пригласит

хозяин.

Клейтон вытер закопченный лоб рукавом.

— Старик, говори прямо. Чего тебе от меня надо?

— Много чего. Для начала ты можешь позвать хозяина.

— Хозяина? Если ты о том парне, что убил моих людей, то он лежит где-то в сарае. Он отстреливался, пока не рухнула кровля. Но я могу выкатить фургон наружу. И ты с чистой совестью его заберешь. Идет?

— Говоришь, он отстреливался от грабителей?

— Мы не грабители. Мы работники Скотта Форсайта.

— И много вас осталось, работников? — Лука Петрович поднял руку над головой, и Клейтон присел, скрывшись за забором. Присядешь, пожалуй, когда со всех сторон на тебя направят две сотни стволов.

— Ну, сколько бы ни было, пускай выходят по одному. Оружие бросают направо, сами отходят налево и садятся на землю. Эй, Клейтон, ты меня слышишь?

Вот за что Лука Петрович любил американцев, так это за понятливость. Ничего не приходится объяснять дважды. Нашему брату-русаку все надо разжевать да в рот положить, все по полочкам разложить — и то он норовит любое дело по-своему сделать, любую машину под себя подстроить, и рядом с любой дорогой свою тропку проложить — хоть кривую, да покороче.

А ковбои Клейтона выходили со двора так, что любо-дорого посмотреть. Выйдя из пролома в заборе, они расстегивали оружейные пояса и бросали их по правую руку, сверху клали винчестер, у кого он был, потом выбрасывали ножи. Затем, подняв руки, отходили налево и усаживались рядом на песок.

Последним вышел Клейтон.

— Всё, — сказал он. — Остались только покойники.

Лука Петрович поманил к себе Ивана Акимов. Они с ним были тут самыми старшими. Старики ближе к смерти, им сподручнее с покойниками возиться.

Войдя во двор, оба остановились и перекрестились, сняв шляпы. Стены дома были густо выщерблены пулями, живого места не осталось. Весь двор усеян посудой, одеждой, банками-склянками — грабеж был в самом разгаре, когда его прервали, так не вовремя...

Они подошли к сараю, от которого несло горелым мясом. Из-под обугленной балки выглядывала скрюченная черная рука.

— Растолкуй мне, Петрович, — тихо произнес Акимов. — Кто тут бился? Не Мойра же с детишками? Работники? А с табуном тогда кто ушел?

— Разберемся.

Входная дверь дома ошетичилась щепками, но устояла. Ставни на соседнем окне были наполовину сорваны, и косо висели на верхних петлях. Рамы не было, и, заглянув в черный пролом, Лука Петрович увидел ее на полу.

— Теперь ясно, что за гром гремел ночью, — сказал Акимов, показывая на вмятины в земле, под стенами дома. — Динамитом ломали. Так и вошли.

Обойдя дом, они увидели еще одного убитого. Лука Петрович наклонился и долго всматривался в закопченное лицо.

— Не наш, — с облегчением сказал он. — Из пастухов, стало быть.

— А кто тут наш-то? — спросил Акимов. — Чьи тут были-то?

Лука Петрович не ответил, продолжая осматривать двор. Под сапогами перекатывались пустые гильзы. Он вышел к овражку и увидел, что тропа перегорожена спиралями колючей проволоки. Однако проволока была перебита в нескольких местах, и убрать ее не составляло труда. Ветки кустов белели свежими надломами, здесь кто-то прошел, торопясь и теснясь...

«Вот отсюда они и подкрались, — с горечью подумал Лука Петрович. — Подобрались и забросали динамитом».

Они вернулись к землякам, и Лука Петрович подозвал братьев Муромских. Пару лет назад братья занимались в кавалерию, гоняли апачей на мексиканской границе, и еще не

успели растерять навыки конвойной службы.

— Дело, братцы, непростое. Расходиться пока рано. Раненых мы увезем в город, и Клейтона с ними, для допроса. Пусть маршал его поспрашивает. Тех же, кто руки-ноги не потерял, тут оставим. На вас. Перво-наперво чтоб пожарище раскопали и достали мертвых, не век же им коптиться. Потом пусть прибирают вокруг. И пока дом не станет таким, каким был — отсюда их не отпускать. И дом, и конюшни — все должно стать, как раньше. Сами порушили, самим и поправлять.

Так что, братцы, ставьте лагерь. Сколько вам надо народу, столько и берите. Сами отберете, кто позлее. Верно говорю?

— Верно-то оно верно, — Муромские переглянулись. — А вот ты скажи нам, дядя Лука, кто за нас в поле выйдет, покуда мы...

— А как в прежние времена, всем миром соберемся и ваши пашенки пройдем.

— Ополчение — дело такое, — Иван Акимов важно разгладил бороду. — Дело вам, по молодости, незнакомое. Мы-то в прежние года чуть не каждую весну ополчались.... Эх, Петрович, помнишь, как...

— Помню. Поехали, Иван.

— Позволь, дядя Лука, — придержал его младший Муромский. — А не аукнется ли нам самочинная расправа? Людей в неволе держать — не чижики в клетку запереть. Да люди-то еще и чужие. От хозяина ихнего грома-молнии на наши головы не посыплются?

— Небось не посыплются, — уверенно ответил Лука Петрович. — По хозяину ихнему самому клетка плачет. А то и петелька.

Связанного Клейтона и раненых ковбоев усадили на лошадей. Колонна двинулась обратно, на этот раз без особой спешки, и многие дремали на ходу. Впереди еще был долгий день, наполненный трудами, и ночная вылазка не отменяла обычных работ.

Полина так ничего и не спросила, поэтому Лука Петрович, не вынеся ее молчания, сам сказал:

— Наших там нет. Ушли они.

— Как? — равнодушно спросила она.

— Это мне неведомо. Только лошадей ихних там нету.

Она поджала губы, точь-в-точь как мать, и сказала:

— Уеду я отсюда, папаша. В Массачусетс уеду. Авось, в тюрьме меня еще не забыли. Устроюсь в госпиталь. Уеду я отсюда.

— Нечего тут! — прикрикнул Лука Петрович на дочь, как на маленькую. — Нечего до срока хоронить-то! Поезжай домой, упали под иконы и молись. Как о живом молись, как о живом!

30

Расставшись с попутчиками после ночевки в пещерах Красного Пня, Сол Грубер не поехал на ранчо Коннора, хотя посещение этого объекта и было занесено в его план.

Портреты, которые он так терпеливо коллекционировал, были нужны отнюдь не для персональной выставки. Он бродил со своими камерами по глухим уголкам Запада, фотографировал жителей, а потом, возвратившись к себе в Денвер, передавал карточки в сыскное агентство.

Сол Грубер был специальным агентом финансовой компания «Уэллс и Фарго», и десятки других агентов ежедневно просматривали сотни новых фотографий в поисках знакомого лица. Так были обнаружены многие из тех, кто когда-то грабил дилижансы, почтовые вагоны и банки, принадлежавшие компании, а потом пытался скрыться в глуши.

Опознав беглого преступника, агенты телеграфом сообщали о нем федеральному маршалу той местности, где злодей скрывался. Маршал оповещал шерифов, если доверял им, или брал задержание на себя.

Иногда арест происходил даже раньше, чем почта доставляла фотоснимки. Иногда

снимки приходилось сравнивать с лицом убитого при задержании.

Фотографию Коннора ему заказало нью-йоркское бюро агентства Пинкертон. Оттуда же пришла информация о возможных местах проживания других членов банды «Потрошителей», и после Оклахомы Груберу предписывалось отправиться в Техас.

Однако вместо этого он повернул на север, добрался до железной дороги и уехал в Денвер. Эд Коннорс перестал представлять интерес для следствия. А его возможные связи перестали интересовать агента Грубера.

Агент Грубер остался в живых только потому, что его спас от шайенских томагавков один из друзей Коннора. И Сол опасался, как бы его служебное рвение не подвело Криса под виселицу. Кроме того, ему не давала покоя загадка — кому нужна была смерть инженера Скилларда?

В Денвере он посетил офис компании Кребса и навел справки об инженере. После чего помчался в Форт Смит, где провел чуть ли не круглые сутки в судебном архиве.

Скала Белого Мула, Волчья река, Мертвая долина — места, где он только что побывал, предстали перед ним совершенно в ином свете. Перечитав гору донесений, ордеров на арест, протоколов допроса и приговоров, он мог только благодарить Бога, что вернулся живым с полей самой кровопролитной битвы из всех, что когда-либо велись на территории Америки.

Мрачная слава таких городков как Дедвуд, Тумбстон и Додж показалась ему детской страшилкой. В одном только оклахомском Маскоги за прошлый год насчитали почти семьдесят убийств — то есть больше, чем погибло народу в знаменитых тумбстонских перестрелках за все годы!

Списки помощников федеральных маршалов обновлялись два раза в год, и причина была проста — люди не увольнялись, они выходили из строя. Одни — по причине ранения, другие — по смерти, третьи — потому что были сами арестованы за разные неблагоприятные делишки....

Сол Грубер не искал приключений, они сами находили его, и это, признаться, ему порядком надоело. Он думал, что после визита к индейцам, после крови и тошнотворного страха, после всего, что он узнал об Оклахоме — его ноги там не будет. Есть маршруты и поинтереснее, и поспокойнее. Но прямо из Форта Смит, не заезжая домой, он снова направился в Шерман-Сити.

Маршал Даррет лежал в постели. Его жена завела Грубера в комнату и вышла, плотно прикрыв дверь.

— Ничего серьезного, — Даррет вяло махнул рукой. — Растряс старую болячку, сам виноват. Вот, лечусь домашними средствами. Давненько тебя не видел, Сол. Есть новости?

— Боюсь, новости заставят вас прервать лечение. Инженер Скиллард уже посетил вас?

Даррет сел в постели, подложив подушки под спину.

— Скиллард? Я не видел его давно. По слухам, его выкрали индейцы, но это только слухи.... Или нет?

Грубер встал со стула и прошелся по комнате.

— Извините, Гек, не могу сидеть. Отбил всю задницу. Сначала об чужое седло. Потом насиделся в архиве.... Значит, Скиллард до вас не добрался? Дело обстоит даже хуже, чем я ожидал. — Он потер подбородок. — Его похитили у меня на глазах. Больше того, я был рядом с ним все это время. Индейцы увезли нас на сбор вождей, и там от Скилларда потребовали гарантий, что его компания не станет работать возле скалы Белого Мула. Насколько я понял, он им дал такие гарантии, и нас отпустили.

Но по дороге снова напали. На этот раз нас просто пытались убить, и главной целью был, безусловно, инженер. Отбившись от индейцев, мы отпустили Скилларда в город, и это, каюсь, было моей ошибкой. Мне надо было самому его сопровождать. Но у меня был другой маршрут. В то время я еще не понимал смысла происходящих событий. А теперь он мне абсолютно ясен.

— А мне абсолютно неясен, — сказал Даррет, осторожно вставая с кровати. — Поддай-ка мне пояс.

— Помните историю с прокладкой дороги «Техас — Тихий океан»? Команчи нападали на строителей каждое воскресенье, до тех пор, пока компания не сменила подрядчика. Как только это произошло, нападения прекратились. И только через десять лет выяснилось, что индейцам платили за каждый рейд. Кто платил? Тот, кто в конце концов и построил этот участок пути.

— У нас — то же самое? — Маршал, кряхтя, натянул жилет со звездой. — И ты, конечно, уже знаешь, кто заплатил нашим индейцам. И теперь я должен все бросить, забыть о здоровье, оседлать мустанга и скрутить негодяя. Так?

— Не совсем, — улыбнулся Грубер. — Я прекрасно знаю, что вы передвигаетесь не на мустанге, а в пролетке на резиновом ходу.

* * *

Ничто не греет ирландское сердце так, как хорошая драка. Томас Мерфи устроил настоящий праздник шахтерам, схватившись с ними в салуне. Все остались довольны друг другом. А судья Бенсон даже не стал подсчитывать убытки. Землетрясение, ураган, всемирный потоп, хорошая драка — все это проявления всемогущей стихии, а стихии не выставишь счет.

Весь вечер в салуне шла приборка, почти всю ночь тянулся ритуал примирения, а наутро протрезвевшие шахтеры не отправились в карьер, а снова собрались возле салуна.

На площади воздвигли помост из ящиков, на него поставили стол, накрытый звездно-полосатым флагом. За столом сидели четверо: Бенсон, Мерфи, пожилой шахтер и Питер Уолк.

Когда ропот толпы угас, старый горняк встал и потряс над головой исписанным листом бумаги:

— Кем мы были вчера? Мы были живым придатком к инструментам, с помощью которых добывается уголь. С точки зрения закона мы почти ничем не отличались от лопат, тачек и лошадей. Но сегодня все изменится. Отныне мы с вами — жители Кливленда!¹⁶

Толпа одобрительно загудела. Назвать поселок именем президента придумал судья Бенсон. У шахтеров была сотня других вариантов, от Нового Белфаста до Новой Варшавы. Но теперь всем стало ясно, что лучше Кливленда и придумать нечего.

Во-первых, звучит ясно и приятно. Во-вторых, никто не в обиде. В-третьих, к поселку с таким названием любая власть волей-неволей должна проявлять почтение. И самое главное, индейцы, с их дикарским преклонением перед символами и словами, никогда не осмелятся напасть на самого Президента. По крайней мере, так казалось шахтерам.

— Мы изберем мэра. Да, настоящего мэра. И казначея тоже изберем. Фермеры откроют в поселке... Фермеры откроют в Кливленде новые лавки, и мы сможем покупать не только то, что нам подсовывает компания. У нас будет земля, своя земля. Мы создадим... Этот, как его...

— Заявочный клуб, — подсказал Питер.

— Да, мы создадим заявочный клуб, и каждый из нас получит участок земли, и построит там дом, и мы не будем больше тесниться в казенных бараках! Мы будем платить налоги, хоть это и не самая приятная новость.

Но, сами понимаете, шериф не может зарабатывать на жизнь где-то на стороне. Мы будем платить ему, а он не станет ворчать, если жалованье покажется ему слишком скромным. Верно, шериф?

Мерфи важно кивнул.

— А теперь судья Бенсон прочитает нашу конституцию.

Рэймонд Бенсон поправил галстук и приподнялся над столом. Текст «конституции»

¹⁶ Кливленд, Стивен Гровер — президент США в 1885–1889 и 1893–1897 гг.

был составлен им давно, очень давно. Еще тогда, когда он был рядовым участником каравана, направлявшегося в Калифорнию. Именно эти записки и стали причиной того, что Бенсон отстал от каравана и застрял в Оклахоме. Попутчики высмеяли его. «Если б мы хотели жить по конституции, какого черта было уезжать с Востока?» — сказали они. Он понял, что ему с ними не по пути. Но вот, прошло каких-то двадцать лет, и Рэймонд Бенсон встретил тех, для кого он писал свой текст.

— Я не утомлю вас, — сказал он. — Наша конституция — самая короткая в истории. Введение. «Мы считаем законы, установленные людьми, неизбежно несовершенными, как и все, что придумано людьми. Но несовершенство закона не оправдывает тех, кто решил этим воспользоваться для унижения и угнетения своих братьев». Статья Первая...

Шахтеры долго слушали его в благоговейной тишине, которую неожиданно нарушил скрип колес. Все разом обернулись.

Маршал Даррет встал в пролетке, виновато разведя руками:

— Я не знал, что у вас тут такое событие. Кстати, что тут происходит?

— Добро пожаловать в Кливленд, — сказал Бенсон. — У нас происходит инаугурация. Вы, маршал, очень кстати. Вчера вечером мы избрали нового шерифа. Думаю, вам надо познакомиться.

Рядом с судьей во весь рост выпрямился Томас Мерфи, с самодельной жестяной звездой, вырезанной из консервной банки.

— Томас? — удивился маршал. — Помнится, я оставил тебя за решеткой. Кто тебя выпустил?

— Меня выпустил народ, — Мерфи потер опухшую скулу и облизал разбитые губы. — Судья Бенсон, недавно маршал привез мне пару бумажек. Дайте ему еще одну бумажку, чтобы он увез ее в Форт Смит.

— Что за бумажка? — спросил Даррет, пробираясь к помосту через толпу.

— Меня всегда умиляла та легкость, с которой шериф Мерфи относится к важнейшим документам, — сказал судья Бенсон, разворачивая свернутый в трубку лист. — Позвольте зачитать. Мы, нижеподписавшиеся жители поселка Кливленд, округ Шерман, территория Оклахома, путем всеобщего добровольного голосования избрали Томаса Мерфи на должность шерифа, обязав его денно и ночно вылавливать воров и убийц и возвращать краденое, соблюдать Закон, всегда быть верным справедливости, и да поможет ему Бог. Подписи на восьми листах прилагаются.

Даррет добрался, наконец, до помоста и взял лист, запятнанный серыми отпечатками шахтерских рук.

— Перо мне, — попросил он. — С моей подписью этот документ будет весить немного больше.

Оставив свою закорючку в чистом углу страницы, он посмотрел на Мерфи и Бенсона снизу вверх и сказал негромко:

— Когда вы закончите с ина... с игу... с этим делом, мне надо будет поговорить с вами без свидетелей. Не подскажите, где я могу найти инженера Скилларда?

— Идемте, Гек. — Мерфи спрыгнул с помоста. — Он здесь.

* * *

Тела Скилларда и Лагранжа лежали рядом, на дощатом тротуаре за аптекой. Их уложили на солому, под которой был слой льда. Струйки талой воды сбегали по доскам и исчезали, мгновенно впитываясь в потемневший песок.

— Придется сфотографировать их вместе, — сказал Грубер, устанавливая штатив. — Очередная шутка смерти. При жизни эти двое вряд ли попали бы в один кадр.

— Зачем это нужно? — спросил Даррет. — Я понимаю, когда делают портреты преступников. Но Скиллард был честным человеком.

— Гек, вам не понравится то, что я скажу. Это — моя работа. Люди, которые мне

платят, должны видеть — за что они платят. И, кстати, у вас есть доказательства, что он был честным человеком?

— Сол, ты прав: мне не нравится то, что ты сказал.

Они вернулись в салун, где Бенсон, уже без парадного костюма, засучив рукава белой рубашки, колдовал над раненым помощником шерифа.

Томас Мерфи прохаживался вдоль стойки, похлопывая себя по ноге томагавком.

— Что это у вас? — спросил Грубер.

— Орудие убийства. Индейцы оставили его между лопатками...

— Вы видели индейцев?

Мерфи немного смутился:

— Черт! Я становлюсь таким же бараном, как все. Нет, я не видел индейцев. Топор в спину мог засадить любой из нас. И перерезать глотку — тоже. А найти томагавк в наших краях — пара пустяков.

— Продается в любой лавке Гудворда, — добавил Даррет. — Ну-ка, Том, дай-ка его сюда... Ну, так и знал. Видите клеймо? «Завод Бакса, Спрингфилд, Огайо».

Грубер взял топорик и внимательно его осмотрел.

— А что, у всех томагавков бывают такие рукоятки?

— Да нет, обычно продается только лезвие, а на рукоятку его насаживает хозяин. Каждый подгоняет по руке, своему росту, вкусу, — пояснил Даррет.

— Я уже видел такой рисунок, — твердо сказал Грубер. — Продольные канавки, залитые черной и красной смолой. Это что-то означает? Может быть, как клетчатое полотно у шотландцев? Или что-то вроде фамильного герба?

Судья Бенсон заметил, отходя от раненого и вытирая руки:

— У индейцев нет ни одной пары одинаковых вещей. Они все стараются отличиться от других. Каждая вещица имеет свое лицо. Индеец никогда не спутает свои мокасины с чужими. А томагавк — штука куда важнее, чем мокасины.

Грубер еще раз глянул на топорик и вернул его шерифу.

— В таком случае записывайте и меня в свидетели. Я видел орудие убийства в руках индейца-переводчика. В тот день, когда банда похитила инженера Скиллард. Да, я совершенно уверен — тот самый топор.

— Плохо, — сказал маршал Даррет, устало опускаясь на стул и вытирая лицо платком. — Очень плохо. Я до последней секунды еще надеялся, что в этом дерьме замешаны только наши подонки. Разбираться с индейцами гораздо сложнее.

Сол, ты даже не представляешь, сколько лишней работы теперь предстоит сделать. Подключать индейскую полицию. Уговаривать вождей, чтобы нам разрешали допрашивать их подданных. И если бы они сами приходили на допрос! Так нет же, нам придется гоняться за ними, и говорить только в присутствии переводчика.

И это еще не все. Даже когда мы установим убийцу, мы ничего не сможем с ним сделать. Потому что индейца будут судить сами индейцы. Ну да, допустим, мы его установили, арестовали и передали на суд вождя. Хорошо, если это убийство окажется не первым для задержанного. И даже не вторым. Потому что только за третье они приговаривают его к смертной казни. И после вынесения приговора он еще год может жить в семье. Ну, видишь, какую свинью ты нам подложил?

Однако Сол Грубер, казалось, не слышал речи маршала. Он неотрывно смотрел на раненого, что лежал на стульях, составленных в ряд у стены.

Его черные прямые волосы свисали почти до пола. Лицо было пепельно-желтым, ястребиный нос заострился и побелел на кончике.

— Кто это? — спросил Грубер.

— Дженкинс, он был моим помощником, — брезгливо поморщившись, сказал Томас Мерфи. — Переметнулся к Форсайту. Пусть скажет спасибо судье Бенсону. Я бы не стал перевязывать предателя.

— Он в сознании? — Грубер повернулся к Бенсону, и судья помотал головой. — Жаль.

Мне надо кое-что у него спросить.

— Спросите завтра. Рана не смертельна. А метисы — живучи.

— Метис Дженкинс? — Грубер подвинул стул и сел рядом с раненым. — Очень интересно. В девяносто первом году в Арканзасе орудовала шайка конокрадов. Угоняли лошадей и мулов со строительства моста. По дюжине за ночь, как по расписанию. Только подвезут новых лошадей, наутро погонщики снова замечают пропажу.

Стройка остановилась, потому что некого стало запрягать в телеги с лесом и цементом. Наконец, на рынке в Коффивилле был задержан некий Дженкинс с десятком мулов со стройки. На допросах молчал, сообщников не выдал. Получил три года и сбежал во время перевозки.

Я читал приговор. Оказывается, родственники по материнской линии, индейцы чокто, требовали, чтобы Дженкинса выдали им, на их внутренний суд. Но судья решил, что конокрадство для индейцев не преступление, а образ жизни, поэтому вряд ли их вердикт будет достаточно суровым. Вот Дженкинса и отправили отбывать срок в далекий Иллинойс. Куда он и не доехал.

Кстати, мост так и не построили. В том месте наладили паромную переправу. Знаете, как звали хозяина паромной компании? Гек, вам опять не понравится то, что я скажу. Его звали Скотт Форсайт.

— Сол, ты приехал, чтобы разбивать мое сердце, — вздохнул маршал. — Сначала плохие новости. Потом отвратительные.

Он поморщился, пытаясь почесать спину:

— Забыл отлепить примочку, теперь будет досаждать весь день.... Бенсон, может быть, мне обратиться к шаманам? Говорят, они умеют изгонять пули.

— Обратитесь к Форсайту, — посоветовал Грубер. — В его аризонском доме живет некая мисс Джонсон, дочь известного шамана Воточаки. И сам Воточака проживает неподалеку, он охотно вас примет.

— Где ты все это откопал? — горестно вздохнул Даррет. — И почему ты не докопался до чего-нибудь полезного? Например, до финансовых махинаций. Или хотя бы до трупа.

— Труп? Вы получите его, когда заговорит Дженкинс.

— Сомневаюсь я, что он заговорит, — сказал Даррет. — Не выдал в прошлый раз, не выдаст никого и теперь. Порода такая.

— О, Гек, люди меняются. Только законченные идиоты всю жизнь остаются идиотами. А тот, у кого осталась хоть капля разума, старается не наступать второй раз на дурно пахнущую кучу. Воровать лошадей со стройки и убить человека из влиятельной семьи — разные вещи. Очень разные. Даже не с точки зрения уголовного права. А с точки зрения кровной мести.

Убийце Скилларда не помогут никакие адвокаты. С ним будут разбираться не в зале суда. И вряд ли он захочет брать все на себя. Тот, кто убил Скилларда, просто выполнил чью-то волю. Почему же он должен страдать один? Почему истинный виновник гибели инженера должен наслаждаться свободой и богатством?

— Ты снова вешаешь все на Форсайта?

— Я молчу. Говорить будет Дженкинс. Мистер Бенсон, как вы полагаете, мы доведем его до суда?

Бенсон не успел ответить, потому что Чокто Дженкинс открыл глаза и произнес:

— Я узнал тебя по голосу, землемер.

* * *

Грубер держал на коленях блокнот. Его карандаш поскрипывал, оставляя бледные строчки, лишь отдаленно напоминающие соединение букв. Прочесть записи смог бы только сам Грубер — и то, если примерно вспомнит, о чем они.

Торопливость его, однако, была неуместной. Потому что Дженкинс говорил медленно,

с долгими остановками, и у Грубера было время даже на то, чтобы подчеркивать некоторые его фразы, а кое-какие слова обводить рамками.

— Я Вашингтон Дженкинс, по прозвищу Чокто. Я подговорил индейцев Красного Когтя, чтобы они выкрали инженера. Мистер Форсайт дал мне за это двадцать долларов. Еще пятьдесят он пообещал дать после смерти инженера.

Он не приказывал мне убить его. Говорил, что индейцы все сделают сами. Но они отпустили его живым, и он вернулся в поселок. И тогда мне пришлось самому его убить. Я убил его. И еще я убил троих ковбоев, которые его охраняли.

— Зачем ты это сделал? — спросил судья Бенсон.

— Я же говорю, мне приказал мистер Форсайт. Он мой хозяин. Он освободил меня из тюремного вагона. Он мог сдать меня полиции, если б я не подчинялся ему. И еще — он мне заплатил.

— Хорошо, а ему зачем это было нужно?

— Он хотел, чтобы началась паника. Ему нужны эти земли. Ему нужно, чтобы все разбежались отсюда. Он хочет построить большую бойню. Скиллард был его компаньоном. Они вместе вложили свои деньги в это дело. Теперь у бойни будет один хозяин.

— Судья Бенсон, этот парень дотянет до суда? — спросил Даррет.

— Если захочет.

— Что мне светит? — раненый повернул голову и посмотрел Даррету в глаза. — Петля?

— На тебе четыре трупа.

— А Форсайту? Что светит ему? Ну да, вам его не достать...

— Сколько тебе сейчас?

— Двадцать девять.

— Когда ты выйдешь на свободу, тебе не будет и сорока, это я могу обещать, — сказал маршал. — Но только если ты дашь показания против Форсайта.

Дженкинс закрыл глаза.

— Позовите Лукаса из Мертвой долины. Он умеет лечить. Он не даст мне умереть. И я все расскажу про Форсайта. Только... — он с трудом повернул голову и глянул на Даррета. — Только зря это всё. Вам его не свалить. Он — мой хозяин. Но у него тоже есть хозяин. Форсайт делает то, что ему прикажут. И вы, маршал... Вы тоже будете делать то, что вам прикажут. Поэтому — вам его не свалить. А теперь — позовите, черт вас всех подери, Лукаса...

— Кто такой Лукас? — спросил Грубер.

— Местный знахарь, Лукас Уолк, — ответил Даррет. — Говорят, он и вправду неплохо лечит. Я и сам подумывал обратиться к нему. А про его дочь Полли говорят, что она вообще колдунья. Но они помогают только своим...

— Полли? — Грубер вскочил со стула, захлопнув блокнот. — Знаете, Гек, я готов немедленно отправиться за этим Лукасом. Исключительно ради дела, исключительно.

— Вот еще! — взорвался Томас Мерфи. — Что вы носитесь с этим уродом! Дженкинс, заткнись! Тюремный лекарь вырежет твою пулю вместе с куском печени! Напрасно ты думаешь, что Лукас согласится приехать ради тебя!

Мерфи не знал, что как раз в эти минуты Лукас Уолк въезжал на площадь перед салуном. Ни у Лукаса, ни у кого-то из его людей уже не было оружия. Зато и Клейтон, и раненые ковбои были увешаны своими кольтами и винчестерами, от которых до сих пор несло пороховой гарью.

Томас Мерфи еще не знал, какая огромная работа его ожидала: сличать физиономии ковбоев с фотографиями беглых преступников, выяснять их истинные имена, а потом еще ломать голову: где содержать такую ораву арестантов?

Энди Брикс немного напутал, и пещера, которую он нашел, оказалась не жилой, а той, где Коннорс держал овец. Впрочем, в темноте немудрено было промахнуться. Вход в пещеру перегораживали кусты, облепившие склон оврага. Заходя внутрь, Кирилл пригибался, и тянул вниз голову мерина, которого вел за собой. Но все же Кирилл приложился темечком к низкому своду. Однако шагнув дальше, он почувствовал, что здесь уже можно распрямиться.

Так они и стояли в полной темноте, зажимая рот лошадям и боясь шевельнуться лишний раз. Стволы револьверов были наведены на вход, и если бы ковбой сюда сунулись, они бы даже не успели пожалеть об этом. Но все обошлось.

Слышно было, как беспорядочно шелкали патроны, взрываясь в горящем сарае. Чуть глуше звучала пальба из ковбойских винчестеров.

Снаружи слышались голоса. Захрустели ветки, заскрежетали кольца колючей проволоки. Ковбой разбирали заграждение, которое Илья с Кириллом так аккуратно затащили за собой, уходя по оврагу. Несколько взрывов заставили содрогнуться землю под ногами, а со свода посыпался песок. Потом все затихло. К запаху сырой земли примешивалась гарь.

Выждав еще немного, Энди шепнул:

— Я проверю.

И бесшумно скользнул к выходу. Через несколько минут слышался его короткий свист, и Кирилл снова пригнул голову мерина, выводя его из пещеры.

Густой дым слоился в овраге, и они ехали осторожно, готовые открыть огонь — любой, кто попадется навстречу, может быть только врагом. Но им никто не встретился.

Они неспешно удалялись от усадьбы, и предрассветная роса оседала на их брезентовых плащах.

Солнце уже взошло, и грело им спину, когда они достигли ранчо Форсайта.

— Маски, — напомнил Илья.

Кирилл завязал тесемки маски и поменял шляпу. Порядок есть порядок. «Железные рейнджеры» носят полумаски и белые шляпы. Придется надеть, каким бы придурком ты себя при этом ни чувствовал. Хорошо хоть железо из плащей повыкидывали.

У дома Форсайта стояла бричка, и кучер ходил вокруг лошадей, поправляя сбрую. Три оседланных коня стояли в стороне, у забора.

— Мы чуть не опоздали, — сказал Энди и снял с плеча винтовку.

Они ворвались во двор. Увидев всадников, кучер испуганно присел за коляску, а двое ковбоев, сидевшие на ступеньках, отбросили винчестеры и прижались к перилам.

— Позови хозяина, — приказал одному из них Брикс.

Кирилл держал под прицелом винчестера барак, где за окном мелькнуло чье-то испуганное лицо. Но охранники, видимо, предпочли сделать вид, что ничего не заметили, и оставались под защитой стен. Даже если бы их хозяин вопил о помощи, они вряд ли бы захотели помешать «железным рейнджерам».

— Спокойно, Энди, спокойно, — проговорил Илья, когда Форсайт показался на крыльце.

Брикс скрипнул зубами. Но голос его прозвучал ровно и твердо:

— Вы поедете с нами. Эй, подведите коня хозяину!

Форсайт открывал и закрывал рот, как рыба на песке. Он растерянно оглядывался, и ковбой, подведя ему коня, старался не смотреть в его сторону.

— Хорошо, хорошо, — наконец, смог выговорить толстяк. — Конечно, конечно. Поедем.

Он тяжело забрался в седло, и конь просел под ним, и засеменил на месте. Кирилл подъехал сбоку, взялся за его повод и намотал себе на руку. Форсайт схватился за луку седла и повторил:

— Хорошо, поедем.

Илья пристроился с другого боку, а Энди поскакал сзади. Они промчались под высокой аркой, украшенной черепом бизона, и Форсайт оглянулся. Кирилл на миг посочувствовал

ему. Толстяк не знал, увидит ли он снова свой дом? Вернется ли он в степи, пахнувшие молодой травой и разогретой пылью? Будут ли люди, встречая его, жаться в стороны и снимать шляпы?

— Куда мы едем? — осторожно спросил Форсайт. — Нет, я понимаю, что вам запрещено со мной говорить. Но сенатор не предупредил меня, что понадобится мое присутствие. Я мог бы и сам...

— Заткнись, — крикнул сзади Брикс.

Толстяк съежился и покрепче ухватился за луку. В седле он болтался, как мешок с картошкой. Елозил, хлопал коленями по бокам коня, и то и дело терял стремя. Кирилл всерьез опасался, что Форсайт вывалится на повороте. «Как же такой наездник управлялся со скотиной? — подумал он. — Да он и ягненка не скрутит, где уж ему бычка повалить. Неужели ковбои могли подчиняться такому хозяину? Наверно, он просто слишком богат. Деньги работали за него».

Через час они остановились, чтобы дать лошадям передышку, и Форсайт застонал, сползая с коня.

— Джентльмены, я отвык от таких прогулок, — пожаловался он. — Долго нам еще? Вы оторвали меня от завтрака. Дайте хотя бы воды.

Илья кинул ему флягу, и Форсайт не смог ее поймать. Долго отряхивал песок, протирал горлышко платком, а когда стал пить, струи потекли по отвисшим щекам.

Они добрались до места, когда солнце уже стояло в зените.

— Вот здесь мы лежали, — сказал Брикс, показав на яму, окруженную клочками сухих стеблей. — Вот тут лежал Эд. Мы с ним о чем только не переговорили в ту ночь....

Я не давал ему заснуть. Все наши дела вспомнили. Всем девчонкам косточки перемыли, хорошо, что Мойра не слышала. Ведь у Эда на каждой ярмарке была подружка, и не одна. Как у тебя, Крис, небось в каждом порту кто-то есть?

Он наклонился и подобрал с земли пару потемневших гильз.

Кирилл тоже спешился и прошелся, разминая ноги. Илья оставался в седле, удерживая лошадь Форсайта.

— Ну что, начнем? — Энди Брикс достал револьвер. — Билли, отпусти его.

— Что такое? — пролепетал Форсайт, пытаясь поймать болтающийся повод. — Что вы себе позволяете...

Илья взмахнул плеткой и хлестнул кобылу Форсайта по крупу. Лошадь взбрыкнула и отскочила вперед. Форсайт чудом удержался в седле. Еще один взмах плетки — и кобыла затрусила вперед.

Брикс дал ей удалиться не дальше, чем на десяток шагов, и выстрелил.

Форсайт вскрикнул и зашатался в седле. Кобыла снова взбрыкнула, присела и тряхнула крупом, сбрасывая седока.

Они подошли к нему, и Брикс ногой перевернул Форсайта на спину.

— Теперь ты знаешь, каково это, когда пуля выбивает из седла, — сказал он. — Через пару часов ты будешь знать еще больше.

— Подонки... — жалобно промычал Форсайт, обеими руками держась за грудь.

Он посмотрел на свои окровавленные пальцы и заскулил от ужаса.

— Подонки! Ты, грязный подонок, ты стрелял в меня! В спину стрелял! В безоружного! Грязный подонок!

— Если б я не был подонком, мы бы не встретились, приятель, — сказал Энди Брикс. — Вот теперь лежи и вспоминай, был ли рядом с тобой хоть один порядочный человек? Сомневаюсь. Порядочные люди держатся подальше от таких, как мы с тобой.

— За что... — простонал Форсайт.

— А вот это — правильный вопрос. У тебя будет время, чтобы поискать ответ. Лежи и думай. Часа через два ты потеряешь сознание. Боюсь, времени слишком мало, чтобы ты вспомнил всех, за кого мы с тобой рассчитались.

Кирилл похлопал Брикса по плечу:

— Нам пора.
— Воды! — неожиданно громко взвизгнул Форсайт. — Дайте мне воды!
Они отъехали довольно далеко, а он продолжал кричать: «Воды, воды!»
— Надо было его добить, — сказал Илья. — Что такое одна пуля для эдакого борова? Вот увидишь, он встанет. Надо было добить.
— Зачем? — Брикс пожал плечами. — Тогда он ничего не поймет. А если поймет, сам жить не захочет.
Кирилл скинул плащ и отшвырнул белую шляпу. Она покатилась по песку, подпрыгивая и кувыркаясь под ветром.
— Это был последний маскарад «Потрошителей», — объявил Брикс, — и наша последняя драка. Никогда еще мне не было так паршиво, братишки.
— Принять бы сейчас ванну, — Илья зевнул. — Нет, сначала нажраться текилы, свалиться под стол, выпасться. А потом уже — ванна, немного рислинга, чистое белье...
— А в баню не хочешь? — спросил Кирилл.

32

Небольшой бревенчатый дом с одним-единственным окошком и высокой трубой стоял над ручьем, и стена его нависала над запрудой, выложенной булыжниками. Плоские камни лежали в траве, образуя удобную дорожку, и Кирилл поднимался по ней вслед за Лукой Петровичем, за ними бодро хромал Ахо, а последними шагали Илья и Энди Брикс.

Все они, босые и обернутые в белые полотнища, должны были пройти ритуал очищения. Их старые и новые раны были замазаны зеленым жидким тестом, которое быстро превратилось в липкую корку. Ногу Ахо, слегка обструганную шайенским томагавком и пулей Грубера, плотно укутывала кора неизвестного наукам растения. А ко всем ссадинам и синякам великий врачеватель Лукас прилепил жгучие засоленные листья, которые извлек из бочки.

Он остановился перед входом в парную.

— Отдышитесь. Успокойтесь. Думайте только о том, как хорошо вам сейчас будет. Как хорошо избавиться от грязи. Как хорошо смыть кровь с души. Как хорошо заново родиться...

Слушая его, Кирилл глядел вниз и видел свои босые ступни. По ноге бежал муравей, останавливаясь, вертя головой и снова перебегая вперед и вверх. Кирилл уже поднял другую ногу, чтобы пяткой придавить наглеца, но передумал и осторожно стряхнул его краем простыни.

Они расселись по мокрым лавкам в темной парилке. Лукас плескал воду в огромную печь, и воздух густел на глазах, превращаясь в мягкий обжигающий пар. Пот выступал на плечах крупными бусинами и градом сыпался с лица.

— Ты хорошо потеешь, — сказал Лука Петрович Кириллу. — Крепкое у тебя сердце. И кровь быстрая. Детишки у тебя будут здоровые. И проживешь долго.

— А я? — спросил Энди Брикс.

— А ты сядь на пол, там тебе полегче будет.

— Ох, и жаркая печь у вас, — отдуваясь, сказал Илья.

— А вот ему спасибо скажи, — старик показал на Кирилла. — Его дровишки, сам напил.

Лука Петрович встал возле печи и принялся хлестать себя мокрыми вениками. Ромбики прилипших листьев оставались темнеть на малиновой спине. Удовлетворенно крикнув, он отложил веники в бочку. Кирилл, не желая уступать, тоже подверг себя самобичеванию, и Брикс смотрел на него, разинув рот...

Пропотев и покрывшись клейкими листьями, они вылезли из бани и один за другим попрыгали в ледяную воду запруды. А когда выскочили на берег и завернулись в горячие простыни, все вокруг казалось обновленным. На сияющем небе застыли ослепительно белые

пушинки облаков, под ногами блестела изумрудная трава, и все это Кирилл видел, казалось, впервые в жизни.

Из-за кустов сирени, что отделяли баню от жилого дома, показался Питер с охапкой чистой одежды.

— Папаша, вы бы поживее, а? Стол накрыт, а за столом никого. А у меня кишка с кишкой грызутся. — Он подмигнул Кириллу. — Да и хозяйка томится, места не находит.

Крис, а большая у тебя шхуна? Сколько, скажем, мешков муки берет? Да ладно, сколько бы ни брала, все больше, чем на фургон погрузишь. Мы с тобой такие обороты раскрутим, через год флотилия под нашим флагом ходить будет! Тут у нас старой кости — море-океан, перемолоть — вот и удобрение. Затрат — тьфу, прибыли — гора. Эх, и развернемся! Только давайте, братцы, поживее, уж невтерпеж на пустые тарелки глядеть!

Он разложил одежду на лавке и убежал к дому.

— С таким компаньоном, пожалуй, развернешься, — сказал Илья. — Надо будет с ним переговорить насчет удобрений.

— Это все — потом, — сказал Кирилл. — Я вот о чем думаю. Венчаться, наверно, поедem в Сан-Франциско. Не знаю я других городов, где есть русская церковь.

— В Сан-Франциско так в Сан-Франциско, осенью поедem, — кивнул Лука Петрович, выжимая и разглаживая мокрую бороду. — А впрочем, когда решим, тогда и поедem. Чего ждать-то? До осени далеко...

— Жить где будете? — поинтересовался Брикс.

— Сначала здесь. На зиму уедem в Галвестон. А может быть, и нет. Мне все равно где жить. Пусть Полли решает.

— Если останешься здесь, я пришлю к тебе ребят, — сказал Илья. — Помогут тебе с Томасом вычистить окрестности.

— Сами справимся, — сказал Ахо.

— Уймись! — нахмурился Лука Петрович. — Только отмылись, снова на драку потянуло?

Кирилл смотрел на небо, под которым ему предстояло теперь жить. Хорошее небо, чистое.

— Мы еще не отмылись, — сказал он. — Нас еще мыть и мыть. Жизни не хватит, чтобы отмыться.

— Да ладно, — усмехнулся Лука Петрович. — Грязь не сало, потер и отстала. Осенью, осенью... Завтра же венчаться вас повезу! Чтоб на Крещение внука мне принесли. Ишь, чего придумали, до осени ждать! Завтра же с утра и поедem!

Кирилл еще раз глянул на небо, чтобы узнать погоду на завтра. Завтра будет ясно, понял он. Завтра все будет хорошо. Все будет хорошо. И неважно, какая будет погода.

конец